

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

БФУ

**БАЛТИЙСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА**

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

BALTIC REGION

2023 || Том 15 || № 4

РОССИЙСКАЯ БАЛТИКА В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Тематический выпуск

КАЛИНИНГРАД

**Издательство Балтийского
федерального университета
им. И. Канта**

2023

12+

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

2023
Том 15
№ 4

Калининград :
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2023.
168 с.

Журнал основан
в 2009 году

Периодичность
ежеквартально
на русском
и английском языках

Учредители
Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта
Санкт-Петербургский
государственный
университет

Редакция
Адрес: 236041, Россия,
Калининград,
ул. А. Невского, 14

Издатель
Адрес: 236041, Россия,
Калининград,
ул. А. Невского, 14

Типография
Адрес: 236001, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6

Выпускающий редактор
Кузнецова
Татьяна Юрьевна
tikuznetsova@kantiana.ru
<https://balticregion.kantiana.ru/>

© БФУ им. И. Канта, 2023

Редакционная коллегия

А. П. Клемешев, д-р полит. наук, проф., главный редактор, БФУ им. И. Канта (Россия); *Г. М. Федоров*, д-р геогр. наук, проф., зам. главного редактора, БФУ им. И. Канта (Россия); *Т. Ю. Кузнецова*, канд. геогр. наук, зам. главного редактора, БФУ им. Канта (Россия); *Й. фон Браун*, проф., Боннский университет (Германия); *И. М. Бусыгина*, д-р полит. наук, проф., МГИМО (У) МИД РФ (Россия); *В. В. Воронов*, д-р социол. наук, Даугавпилсский университет (Латвия); *А. Г. Дружинин*, д-р геогр. наук, проф., ЮФУ (Россия); *М. В. Ильин*, д-р полит. наук, проф., МГИМО (У) МИД РФ (Россия); *П. Йонниеми*, старший научный сотрудник, Университет Восточной Финляндии (Финляндия); *Н. В. Каледин*, канд. геогр. наук, доц., СПбГУ (Россия); *В. А. Колосов*, д-р геогр. наук, проф., Институт географии РАН (Россия); *Г. В. Кретинин*, д-р ист. наук, проф., БФУ им. И. Канта (Россия); *Ф. Лебарон*, проф. социологии, Высшая нормальная школа Париж-Сакле (Франция); *Н. М. Межевич*, д-р экон. наук, проф., Институт Европы РАН (Россия); *А. Ю. Мельвиль*, д-р филос. наук, проф., НИУ — ВШЭ (Россия); *П. Оппенхаймер*, проф., Крайст-Чёрч, Оксфордский университет (Великобритания); *Т. Пальмовский*, д-р географии, проф., Гданьский университет (Польша); *А. А. Сергунин*, д-р полит. наук, проф., СПбГУ (Россия); *Э. Спириевас*, д-р географии, проф., Клайпедский университет (Литва); *К. К. Худолей*, д-р ист. наук, проф., СПбГУ (Россия); *А. Е. Шаститко*, д-р экон. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова (Россия); *Д. Шиманска*, д-р географии, проф., Университет Николая Коперника в Торуне (Польша)

Подписной индекс 32249

Тираж 300 экз.

Дата выхода в свет 21.12.2023 г.

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-46309

от 26 августа 2011 г.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 4

Российская Балтика в новых геополитических реалиях

Дружинин А.Г. Геополитическая обусловленность воздействия «фактора моря» на пространственное развитие постсоветской России: балтийская специфика 6

Зверев Ю.М. Три российских региона на Балтике в условиях противостояния России и Запада 24

Смирнов П.Е. Вступление Финляндии и Швеции в НАТО: геополитические последствия для позиционирования России в Балтийском регионе 42

Экономика Российской Балтики: адаптация и модернизация

Кувалин Д.Б., Щербанин Ю.А. Адаптация экономики российских регионов к разрыву отношений с Европой (на примере портов Балтийского моря) 62

Михайлов А.С., Максименко Д.Д., Максименко М.Р., Филатов М.М. Научно-инновационная динамика развития Северо-Запада России в условиях геополитических перемен 79

Российский эксклав на Балтике

Колосов В.А., Себенцов А.Б. Граница как барьер и стимул структурной трансформации экономики Калининградского эксклава 104

Гуменюк Л.Г. Развитие обрабатывающей промышленности Калининградской области: этапы, влияние рестрикций, приоритеты 124

Муниципалитеты Российской Балтики

Кузнецова О.В. Современная экономика Российской Балтики в муниципальном разрезе 142

Регионы Российской Балтики традиционно выступают объектом пристального внимания исследователей на протяжении всей новейшей российской истории, и последние годы не стали исключениями. Однако именно в 2022 г., пожалуй впервые с момента распада СССР, произошли кардинальные изменения в геополитическом положении российских регионов, особенно северо-западных, расположенных на побережье Балтики. Несмотря на уже многолетнее охлаждение отношений с так называемым коллективным Западом, до начала специальной военной операции и последовавших гораздо более масштабных по сравнению с предшествующими антироссийских санкций Российская Балтика сохраняла свои преимущества как «окно в Европу»: продолжало работать большинство предприятий с иностранным капиталом, привлеченных выгодным приморским положением и использовавших хорошо известный «эффект соседства», благодаря строительству новых мощностей росли объемы грузооборота балтийских морских портов. Произошедший в 2022 г. разрыв традиционных внешнеэкономических связей привел к ситуации, когда впервые за долгие годы российский Северо-Запад оказался в стране не в лидерах, а в аутсайдерах по динамике экономических показателей, причем именно во многом из-за перестройки логистики, а также ухода из России иностранных компаний. Такая ситуация неизбежно порождает вопросы о перспективах развития Российской Балтики, требует пристального внимания к анализу особенностей и факторов ее социально-экономической динамики. Этой проблематике, носящей междисциплинарный характер, и посвящен данный тематический номер журнала, в котором представлены статьи представителей общественной географии, экономики, политологии.

Авторы представленных в выпуске статей повышенное внимание уделяют актуальной на 2022—2023 гг. ситуации в регионах Российской Балтики. Вместе с тем очевидно, что многие особенности текущего положения дел в макрорегионе определяются и долгосрочными глобальными трендами и факторами его развития, на которые обращается внимание в целом ряде статей. Это справедливо и в отношении открывающей номер статьи А.Г. Дружинина, в которой анализируется изменившаяся под воздействием геополитических обстоятельств роль «фактора моря» в пространственной динамике всей России, фокусируется внимание на условиях и трендах социально-экономического развития ее специфического макрорегиона — Российской Балтики. В разделе, посвященном развитию Российской Балтики в новых геополитических реалиях, представлены также статьи Ю.М. Зверева, который приоритетное внимание уделяет экономической и военной безопасности балтийских регионов, реструктуризации их внешнеэкономических связей (включая сворачивание трансграничного сотрудничества), а также П.Е. Смирнова о геополитических последствиях вступления Финляндии и Швеции в НАТО для позиционирования России в Балтийском регионе.

Второй раздел выпуска посвящен экономике Российской Балтики, точнее двум весьма актуальным вопросам — адаптации российских регионов к разрыву сложившихся внешнеэкономических связей и потенциалу их научно-инновационного развития. В статье Д.Б. Кувалина и Ю.А. Щербанина показано, как и почему морские порты на Балтике смогли приспособиться к новым реалиям и вполне успешно продолжить свою работу. В статье коллектива авторов — А.С. Михайлова, Д.Д. Максименко, М.Р. Максименко, М.М. Филатова — обосновывается необходимость реструктуризации значительной части кооперационных связей в научной сфере, прежде связанных преимущественно с недружественными странами. Последняя статья интересна и сравнительной оценкой регионов Северо-Запада России по со-

стоянию их инновационной сферы, поскольку при определенной общности тенденций и факторов социально-экономического развития входящих в Российскую Балтику территорий у каждой из них есть немало специфических особенностей.

Особое место среди регионов Российской Балтики занимает Калининградская область в силу своего эксклавного положения. Стоит отметить, что этот регион в 2022 г. отнюдь не впервые столкнулся с дополнительными сложностями своего экономического развития, возникшими из-за непростых отношений с соседними странами, вступившими в ЕС. Российским властям и раньше, задолго до начала СВО и даже вхождения Крыма в состав России, приходилось решать, к примеру, проблемы транзита российских грузов через территорию Литвы (железнодорожная переправа Усть-Луга — Балтийск, оказавшаяся весьма востребованной в 2022 г., была открыта еще в 2006 г.). Калининградской области в этом выпуске журнала посвящен отдельный раздел. В статье В.А. Колосова и А.Б. Себенцова анализируется взаимосвязь между функциями границ и структурной перестройкой экономики региона, показывается, как граница может выступать барьером или стимулом трансформационных процессов. Л.Г. Гуменюк концентрирует внимание на развитии обрабатывающей промышленности Калининградской области.

Завершает выпуск статья, показывающая значимость оценки дифференциации территорий не только по регионам (субъектам РФ), но и в разрезе муниципальных образований, поскольку именно на этом иерархическом уровне территориального деления можно проследить контрасты между городами и сельской местностью, идентифицировать процессы формирования городских агломераций, точнее, оценить влияние географического положения, сложившейся специализации на динамику социально-экономического развития.

Анализируя текущее геополитическое и геоэкономическое положение Российской Балтики, авторы выпуска констатируют сохраняющуюся высокую степень неопределенности в отношении сценариев дальнейшего развития ситуации и вместе с тем очевидную необходимость при любом развитии событий диверсифицировать внешнеэкономические связи России в целом и ее балтийских регионов, реструктурировать экономику для повышения ее технологического уровня, активно развивать межрегиональные связи и межрегиональное сотрудничество. Прошедшие с февраля 2022 г. полтора года показали, что у экономики Российской Балтики, как и страны в целом, есть способность адаптироваться к новым внешним условиям. Кроме того, представляется, что Российская Балтика вполне сможет и дальше использовать свои традиционные конкурентные преимущества, среди которых и наличие второй по значимости в стране городской агломерации, отличающейся среди прочего высоким научно-технологическим потенциалом, и сохраняющее свою привлекательность приморское положение, по-прежнему позволяющее развивать морские перевозки и другие привязанные к морю виды деятельности, и близость к основному экономическому центру страны — Центральной России и столичной агломерации. Использование этих конкурентных преимуществ, безусловно, требует активной работы и российского бизнеса, и органов публичной власти, их эффективного взаимодействия. Экономическая политика не входила в число тематических направлений выпуска, но во всех статьях авторы формулируют свои рекомендации по возможным направлениям, дальнейшим шагам по адаптации Российской Балтики к новым геополитическим и геоэкономическим условиям и обеспечению ее социально-экономического развития.

Приглашенный редактор выпуска

Ольга Владимировна Кузнецова, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, Россия

E-mail: kouznetsova_olga@mail.ru

РОССИЙСКАЯ БАЛТИКА В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ВОЗДЕЙСТВИЯ «ФАКТОРА МОРЯ» НА ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: БАЛТИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА

А. Г. Дружинин

Южный федеральный университет,
344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42
Институт географии РАН,
119017, Россия, Москва, Старомонетный пер., 29
Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН,
117418, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 47

Поступила в редакцию 20.07.2023 г.
Принята к публикации 27.09.2023 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2023-4-1
© Дружинин А. Г., 2023

Статья посвящена актуализированной для современной России проблематике воздействия геополитических процессов на пространственную организацию общества с фокусом на значимую его сторону, связанную с использованием ресурсных, логистических, военно-стратегических и селитебных возможностей Мирового океана и его побережий. Методологически она базируется на сочетании современных общественно-географических подходов, ориентированных на учет «фактора моря» в пространственном развитии, и классических идеологем геополитики, предполагающих вычленение дихотомии «суша — море». Авторский акцент сделан при этом на обосновании принципиальной возможности для территорий (в том числе отдельных государств) не только обретения синтетических «континентально-морских» свойств, но и трансформации баланса последних под воздействием в том числе геополитических детерминант. Дан анализ геополитически обусловленных локализованных изменений в российской морской активности в постсоветский период (с приоритетным вниманием к ситуационным территориально-хозяйственным сдвигам 2014 и 2022 гг.), а также их проекции на положение российских территорий на Балтике. Показаны выраженные межбассейновые различия в талассоаттрактивности населения, а также представлена оценка экономического положения (устойчивости к внешним воздействиям, в первую очередь геополитически мотивированным) важнейших российских центров (опорных баз) морской активности. Обоснована геополитическая целесообразность для России дальнейшей реализации своего «морского вектора» с первостепенным вниманием к трансакторальной межмуниципальной и межрегиональной интеграции. Последняя должна дополняться развитием «приморско-внутриконтинентальных» структур российского пространства (в том числе узловых), а также участием страны (и ее ведущих корпораций) в конструировании (в русле перехода к «глобальному морскому полицентризму») архитектуры обновленных «больших» международных аква-территориальных общественно-географических структур. Показана сопряженность решения этих задач с приоритетным (в том числе «мореориентированным») укреплением российских

Для цитирования: Дружинин А. Г. Геополитическая обусловленность воздействия «фактора моря» на пространственное развитие постсоветской России: балтийская специфика // Балтийский регион. 2023. Т. 15, № 4. С. 6–23. doi: 10.5922/2079-8555-2023-4-1

геостратегических позиций в Балтийском регионе (в контуре «Российской Балтики», концептуализируемой как порубежная трансакваториальная геополитическая, экономико-географическая и геокультурная биструктурная асимметричная целостность).

Ключевые слова:

пространственное развитие, приморские зоны, морская регионализация, морехозяйственная активность, геополитика, Россия, Российская Балтика

Введение и постановка проблемы

Современные геополитические и геоэкономические «тектонические» сдвиги (отождествляемые прежде всего со смещением экономической активности и мощи из Евро-Атлантического в Индо-Тихоокеанский регион [1], с национализацией и регионализацией политики и экономики [2] и, соответственно, с «новой версией глобализации» [3], с формированием «многополярного мира») в своих проявлениях и следствиях не только масштабны, всеохватны, но и многоплановы. Присущи они и такой все более приоритетной для человечества сфере, как активность в Мировом океане (и на его побережьях, в приморских зонах), ориентированной на освоение сырьевых, логистических, военно-стратегических и иных возможностей акваторий во взаимосвязи с соответствующими территориально-хозяйственными и селитебными структурами и процессами, в свою очередь напрямую обусловленными комплексом обстоятельств, определяемых [4] как «фактор моря».

В логике связанного с метаморфозами глобального мироустройства нарастающего (обретающего черты острого конфликта, рельефно проявившегося в формате СВО на Украине) соперничества разномасштабных «центров силы» морские (и океанические) пространства обретают свойства не только потенциальных (и фактических) театров военных действий, но и в целом становятся все более приоритетной ареной, ресурсом и целевым ориентиром геополитического противостояния. «Морская тематика» (включая ее осмысливаемый в том числе в нашей стране общественно-географический аспект [5—7 и др.]) в итоге актуализируется и неизбежным образом «геополитизируется». Все более значимыми и востребованными в этом контексте оказываются в целом пока немногочисленные усилия современного научного сообщества в области «морской геополитики» [8—14], равно как и столь же редкие обоснования геополитических факторов в развитии приморских регионов [15; 16]. Параллельно на исследовательскую авансцену вновь выходят классические геополитические подходы с присущим им акцентом на дуализм (и антагонизм) «суши» и «моря» [17], на «морскую мощь государства» [18], а также признание особой геостратегической ценности морских побережий [19; 20]. Сама же геополитика, представляющая собой фактически междисциплинарную и весьма «размытую» в предметно-содержательном отношении, но тем не менее четко ориентированную на пространственный анализ научно-исследовательскую сферу (наиболее удачным видится ее понимание как науки о «соперничестве сил над территорией» [21]), применительно к России неизбежным образом все более концентрируется на обстоятельствах ее внутривострановой динамики, на ситуациях в конкретных регионах, в целом на ключевых аспектах пространственного развития. Именно рассмотрение «морского вектора» пространственного развития постсоветской России (понимаемого как устойчивое «притяжение» населения и хозяйства к морским побережьям в условиях опережающей динамики морехозяйственных структур, а также все большая общая зависимость территориального социально-экономического развития от использования ресурсного потенциала Мирового океана, его геостратегических возможностей) во взаимосвязи с геополитическими обстоятельствами (не только текущими, конъюнктурными, но и фундаментальными, пролонгированными) составляет основное содержание и целевой ориентир данной

статьи. Приоритетное внимание при этом автор постарался уделить ситуационным (определяемым событиями 2014 и 2022 гг.) изменениям в локализации российской морехозяйственной активности, связанным с ними эффектам талассоаттрактивности населения, вопросам устойчивости экономики важнейших приморских городов страны (с особым фокусом на Российскую Балтику, оказавшуюся в эпицентре современной геополитической динамики).

«Морской вектор» пространственного развития постсоветской России и его основные геополитически обусловленные метаморфозы. Начиная с XVI столетия Россия (как самостоятельное геополитическое образование) стремилась инкорпорироваться в геополитические структуры «моря» (выстраивая коммуникацию в ведущих европейских морских державах, заимствуя и культивируя технологии мореплавания), во многом продолжая оставаться и, что столь же существенно, осмысливаться (предельно резонансно — с начала прошлого столетия, во многом благодаря Х. Маккиндеру) его антиподом и оппонентом. Советское семидесятилетие ознаменовано не только демонстрацией нашей страной выраженной черт «континентальности» (см., например [22]), но и попыткой (масштабной, во многом удачной) сформировать *собственный квазиглобалистский «морской» проект* (его идеологической манифестацией стала изданная в 1976 г. книга адмирала С. Г. Горшкова «Морская мощь государства» [23], постулировавшая «континентально-морской» статус страны), по многим ключевым аспектам (система морских портов на юго-западе и в республиках Прибалтики, крупнейшее в СССР Черноморское пароходство, рыболовные зоны в Мировом океане и др. [24]) дезавуированный нашей национальной геополитической катастрофой 1991 г.

Постсоветский рост «мореориентированности» России (ранее подробно освещенный в том числе в общественно-географическом аспекте [25; 26]) протекал в противоречивом сочетании экономически мотивируемого *геополитического конформизма* страны на глобальном уровне (признания лидерства экзогенного для нее доминирующего «центра силы», стремления интегрироваться в выстраиваемую им геоэкономическую конструкцию) с одновременно декларируемыми (с ФЦП «Мировой океан» 1998 г.¹) попытками укрепления собственной морской юрисдикции (наиболее успешными в Охотском море, где в марте 2014 г. анклав площадью 52 тыс. км² был признан континентальным шельфом Российской Федерации²), а также удержания (и воссоздания) сферы евразийского влияния (начиная с проекта Каспийского трубопроводного консорциума, ориентированного на российско-черноморский транзит углеводородов Казахстана).

Наращивание морской инфраструктуры и развитие смежных отраслей (с 1994 г. грузооборот морских портов России возрос восьмикратно, за 1997 — 2021 гг. создана экспортоориентированная подводная газотранспортная система, активизировалось портово-промышленное комплексобразование и др. [26]) сопровождалось *интернационализацией российской морехозяйственной деятельности при превалирующей ее вестернизации* (в позиционировании, рыночно-логистической и сервисной ориентированности, технико-технологической зависимости), что пролонгировало, усилило традиционный для пространственного развития страны «западный крен».

На субнациональном уровне «сдвиг к морю» (к «океанической экономике», если опираться на категорию, предложенную еще столетие назад П. Н. Савицким) проявлялся в вовлечении приморских территорий в активно формируемые (в том

¹ О Федеральной целевой программе «Мировой океан»: постановление Правительства Российской Федерации от 10.08.1998 г. № 919, 2002, *Портал правовой информации*, URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102054870&rdk=3> (дата обращения: 11.07.2023).

² Комиссия ООН признала анклав Охотского моря частью российского континентально-го шельфа, 15.03.2014, ТАСС, URL: <https://tass.ru/ekonomika/1047596> (дата обращения: 11.07.2023).

числе с геополитическим ориентиром [27]) структуры трансграничной «морской» регионализации; в наибольшей мере процесс этот оказался выражен (что хорошо показано в [28]) именно в формате Балтийского региона. Все эти тенденции проецировалось на архитектуру российского пространства, способствуя *изменению его экономических и селитебных пропорций в пользу (усредненно, трендово) приморских территорий*, причем с превалярованием европоцентричного, в первую очередь северо-западного, вектора.

Характерно, что уже ко второй половине 1990-х гг. ключевые приморские регионы Западного порубежья России (Санкт-Петербург, Ленинградская область, Краснодарский край и Калининградская область [29]) оказались стабильными донорами федерального бюджета. По мере наращивания морской (преимущественно энерго-сырьевой) активности данный перечень дополнили Сахалинская и Астраханская области [30]. Устойчиво прирастала в ВРП страны и в целом доля ведущих приморских («талассоцентрированных»¹) субъектов РФ: если оставить вне анализа интегрированный в 2014 г. в состав России Крым, то в 2000 г. соответствующий показатель, согласно Росстату, составлял 13,8 %, в 2008 г. — 14,9 %, в 2014 г. — 16,7 % и в 2020 г. — 18,1 %. Причем показательно, что подобный сдвиг, индицируемый также неизменно сохраняющейся год от года положительной динамикой грузооборота морских портов (составившей в первом полугодии 2023 г. 10,5 %²), имел место и по итогам глобального кризиса 2008 г. (ознаменовавшего начало радикальной смены тренда в мирохозяйственной системе и геополитике [32; 33]), и в «посткрымский» период с присущей ему практической деконструкцией сложившейся в предшествующую четверть века системы «Россия — Запад».

Порожденное возрастающей активностью ЕС и НАТО стремление Российской Федерации удержать и расширить контур собственной безопасности в Причерноморье первоначально привело (с 2014 г.) к фактической геоэкономической блокаде Западом Крымского полуострова (что непосредственно сказалось на морском хозяйстве Крыма, лимитировав, в частности, грузоперевалку в портах [34]), а с 2022 г. — к последовательной череде шагов глобалистских сил по фактической «отмене» *ключевых компонент российского морехозяйственного потенциала* (включая его апофеоз — диверсию на нитках «Северного потока» 26 сентября 2022 г.). Подобное кардинальное видоизменение геополитических условий морской (прежде всего хозяйственной) активности страны является важнейшим внешним вызовом (инициировавшим, как видится, существенное обновление летом 2022 г. «Морской доктрины Российской Федерации»³) но, полагаем, отнюдь *не означает необходимости и тем более фатальности ее сколь-либо существенной «континентализации»*.

Разумеется, уже сейчас фиксируются разномасштабные проблемные ситуации, начиная от спада в импорто- и морезависимой автоборке Северо-Запада (симптоматично, что объем производства в обрабатывающих отраслях Калининградской области за 2022 г. составил 80,5 % к уровню предшествующего года) и краткосрочного снижения показателей деятельности Большого порта Санкт-Петербург (в 2022 г. на

¹ К их числу отнесены Санкт-Петербург, Ленинградская область, Калининградская область, Краснодарский край, Ростовская область, Астраханская область, Республика Дагестан, Архангельская область, Ненецкий АО, Мурманская область, Приморский край, Сахалинская область, Камчатский край, Магаданская область, Чукотский АО [31].

² Грузооборот морских портов РФ в I полугодии 2023 года увеличился на 10,5 %, 10.07.2023, ТАСС, URL: <https://tass.ru/ekonomika/18238249> (дата обращения: 12.07.2023).

³ Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 31.07.2022 г. № 512, 2022, *Официальный интернет портал правовой информации*, URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207310001> (дата обращения: 17.07.2023).

37,5%¹) до уже вполне вероятной (в контексте все более усложненных отношений России с Турцией) проблемности всего морского трубопроводного экспорта российского природного газа. Приросло (в связи с военной эскалацией на Украине) и общее число приморских субъектов РФ, наряду с Республикой Крым и г. Севастополем оказавшихся в особых социально-экономических, транспортно-логистических и военно-политических условиях (Балтийский эксклав, территории Новороссии). Неизбежно и некоторое смещение хозяйственной активности в пользу внутренних российских территорий (где в своей массе локализованы важнейшие предприятия ОПК [35]). Тем не менее нынешняя ситуация, когда само «море» (как геоэкономический феномен) начинает являть «незападные», многополюсные черты, скорее стимулирует российскую морехозяйственную активность, в том числе и в ее обособленном юрисдикцией Российской Федерации обширнейшем контуре (акватории экономической зоны страны и ее континентального шельфа), который уместно концептуализировать как особую аква-территориальную структуру — «Морская Россия». Основой последней выступает приморское расселение, находящиеся на побережьях города с присущим многим из них трендовым ростом демографического потенциала.

Талассоаттрактивность населения: фактор геополитики

Притяжение к морским побережьям (талассоаттрактивность) населения (и населенных мест) относится к базовым свойствам аква-территориальной организации общества, проявляющимся и в постсоветской России (что акцентировано ранее [7; 16; 36; 37]). Характерно, что с 1989 г. (если ориентироваться на данные переписей населения) число жителей в российских городах (включая крымские), непосредственно выходящих к морским побережьям (либо устьям крупных судоходных рек; всего к этой категории нами отнесены 74 поселения), выросло на 10,5%, в то время как общая численность горожан в стране осталась практически неизменной (99,9% от показателя переписи 1989 г.). Впрочем, приморское городское население Российской Федерации за три межпереписных периода ощутимо увеличилось и без учета Крыма (табл. 1).

Таблица 1

Изменение численности населения приморских городов России в 1989–2021 гг.

Годы	1989–2002	2002–2010	2010–2021	1989–2021
	<i>Тыс. человек</i>			
<i>Всего</i>	- 233	348	1234	1349
Без учета Крыма	- 173	354	1140	1321
	<i>%</i>			
<i>Всего</i>	98,0	102,7	109,5	110,5
Без учета Крыма	98,5	103,0	109,4	111,0

* Составлено автором по данным Всесоюзной и Всероссийских переписей населения 1989, 2002, 2010 и 2021 гг.².

Отражая возрастающую роль «фактора моря» для российского общества, его экономической сферы, постсоветская талассоаттрактивность демонстрировала и свою пространственную (бассейновую), в том числе геополитически обусловлен-

¹ Грузооборот морских портов России за 12 месяцев 2022 г., 2023, Ассоциация морских портов России, URL: <https://www.morport.com/rus/news/gruzooborot-morskih-portov-rossii-za-12-mesyacev-2022-g> (дата обращения: 12.07.2023).

² Демоскоп Weekly, URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php> (дата обращения: 15.07.2023); Итоги ВПН-2020. Том 1. Численность и размещение населения, 2022, Росстат, https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom1_Chislennost_i_razmeshchenie_naseleniya (дата обращения: 15.07.2023).

ную, специфику, проявившуюся прежде всего в асинхронном (по хронологии) изменении баланса численности населения приморских городов в пользу Балтики (90 % прироста здесь обеспечил Санкт-Петербург, но и в Калининградском эксклаве численность населения приморских городов за 1989—2021 гг. увеличилась на 20 %), Черноморско-Азовского региона, а также Каспия (в последнем случае — исключительно за счет Дагестана). В Тихоокеанской России после 17 %-го сокращения в 1990-е гг. людность приморских городов стабилизировалась. Неизменным оставался лишь тренд депопуляции в бассейне Арктики (табл. 2).

Таблица 2

**Численность и удельный вес населения приморских городов России
(по морским бассейнам) в 1989—2021 гг., тыс. чел. / %**

Регион	1989	2002	2010	2021
Балтика	5306/41,2	5336/41,1	5524/42,5	6333/44,4
Черноморско-Азовский *	3227/25,0	3337/26,4	3361/25,9	3829/26,8
Арктика	1510/11,7	1218/9,6	1162/8,9	1003/7,0
Каспий	993/7,7	1185/9,4	1379/10,6	1501/10,5
Тихоокеанская Россия	1854/14,4	1583/13,5	1567/12,1	1575/11,3
По всем морским побережьям	12 890/100,0	12 659/100,0	12 993/100,0	14 261/100,0

Составлено автором по данным Всесоюзной и Всероссийских переписей населения 1989, 2002, 2010 и 2021 гг.¹.

Примечание: * За все годы суммарный показатель по бассейну включал «крымскую составляющую».

Дополняя и корректируя превалирующие центростремительные («столицеориентированные») миграционные «перетоки» (их масштаб за 2010—2021 гг. в Санкт-Петербург эквивалентен 70 % от общего прироста численности «приморских» горожан), геополитика первоначально способствовала, в частности, «балтийскому вектору» опережающей демографической динамики — инерционно-му, рельефно проявившемуся в период, когда в отношениях России с ключевыми странами ЕС уже имел место возрастающий разлад, но одновременно и сполна «работала» (дополняя объективно сложившиеся центр-периферийные градиенты) укорененная в части российского социума «европоцентричная» ментальность. Последующие геополитические обстоятельства (сочетающиеся с экономикой и природной зональностью) отчасти сказались на проявившемся уже в 2010-е гг. «стягивании» населения российского Дальнего Востока во Владивостокскую агломерацию; особо показателен здесь рост населения города Большой Камень (на 11 % за 2010—2021 гг.), располагающего стратегическим для российской морехозяйственной активности судостроительным предприятием «Звезда».

Следствием соперничества «центров силы» оказалось и своего рода *геополитическое приращение* численности самих приморских городов в российской юрисдикции. «Крымский этап» данного процесса пополнил приморскую сетевую структуру наших урбанистических центров на 910 тыс. человек (благодаря миграционной привлекательности с 2014 г. население выходящих к морскому побережью городов Крыма возросло еще на 12 %). Современный этап (обусловленный СВО на Украине) сопряжен с включением в политико-географический контур российского пространства еще девяти расположенных на побережье городских населенных пунктов. Российское морское порубежье становится в итоге демографически «весо-

¹ Демоскоп Weekly, URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php> (дата обращения: 15.07.2023) ; Итоги ВПН-2020. Том 1. Численность и размещение населения, 2022, *Росстат*, https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom1_Chislennost_i_razmeshchenie_naseleniya (дата обращения: 15.07.2023).

мее»; одновременно прирастают и соответствующие геополитические риски, повышая ценность и значимость узлов и драйверов морской активности — ее опорных баз, их способность противостоять (прежде всего в экономической сфере) внешним воздействиям.

Важнейшие опорные базы морской активности России в условиях геополитической турбулентности: потенциал экономической устойчивости в структуре российского пространства

Освоение Мирового океана всегда начинается (как подчеркивал еще Ю.Г. Саушкин) «со стороны его побережий» [38, с. 214], причем, добавим, интенсивное и диверсифицированное концентрируется на конкретных, достаточно компактных участках. Размышляя об обстоятельствах «могущественного территориального владения» применительно к России (в современной терминологии — о геополитических детерминантах ее развития), В. П. Семёнов-Тян-Шанский [19] еще столетие назад фокусировал внимание на наличии в российском пространстве особо значимых структур — «колониционных баз». Аппликация данного подхода к проблематике Мирового океана, к реалиям современной «мореориентированной» России позволяет идентифицировать присущие ей особые «опорные базы морской активности» [39]. Ситуация возросшего противостояния «центров силы» (в том числе в акваториях) существенно повышает не только их территориально-хозяйственную, но и геостратегическую значимость, выводя на авансцену (в русле активно обсуждаемой в регионалистике проблематики устойчивости территориальных систем [40; 41]) вопрос способности «опорных баз» противостоять внешним (подчас массированным, шоковым) воздействиям.

Проведенный в логике «метода ключей» анализ (его итоги представлены в таблице 3) свидетельствует о том, что приморские муниципальные образования (относящиеся к тем или иным «опорным базам») по-разному экономически реагировали и на турбулентность 2014—2015 гг., и на резко возросшие в период пандемии COVID-19 межстрановые барьеры, а также на ситуационную деградацию профильных для российского экспорта глобальных рынков.

Болезненную реакцию на ухудшение глобальной конъюнктуры демонстрировали зависимые от межрегиональных финансовых трансфертов прикаспийские города Дагестана; в периоды спада «проседали» Владивосток и Новороссийск; бóльшую устойчивость проявил Калининград. Общая же экономическая пропорция (если оценивать ее по налогооблагаемым денежным доходам физических лиц и субъектов предпринимательства) в период с 2013 г. (официальной статистики за 2022 г., привнесший, вне сомнения, существенное изменение геополитических условий территориально-хозяйственной динамики в Российской Федерации, пока, к сожалению, нет) закономерно сместилась в пользу Владивостока с Большим Камнем («восточный вектор», судостроение), Северодвинска с Архангельском (Север и оборонка), но в еще большей мере — причерноморско-рекреационной Анапы. На этом фоне за исследуемый период доля большей части рассмотренных приморских центров в суммарном показателе в целом по России сократилась, что иллюстрирует как общий «дрейф» современной экономики в пользу внутриконтинентальных центров (ситуация СВО активизирует этот процесс), так и зависимость дальнейшей талассоаттрактивности в хозяйственной сфере от реализации значимых «мореориентированных» производственных (в том числе судостроительных), рекреационных и селитебных проектов. Текущие геополитические вызовы (риски и ограничения) особым образом актуализируют поиск подходов и мер по повышению и эффективности использования «фактора моря», в том числе и с учетом собственно пространственных структур и процессов.

Таблица 3

Динамика налогооблагаемых денежных доходов физических лиц и индивидуальных предпринимателей по некоторым ключевым муниципальным образованиям опорным баз морской активности России, млн руб.

Муниципальное образование	2013	2014	2015	2015/2013	2019	2020	2021	2019/2019	2021/2013	В промилле от общего показателя по России	
										2013	2021
<i>Российская Балтика</i>											
Калининград	131 191	152 807	161 189	1,23	154 368	185 951	228 537	1,48	1,74	6,73	5,92
Балтийск	5060	5593	5875	1,11	4611	5097	6600	1,43	1,30	0,26	0,17
<i>Тихоокеанская Россия</i>											
Владивосток	152 347	153 878	160 853	1,06	232 875	276 539	291 431	1,25	1,91	7,82	7,56
Большой Камень	8424	6381	7302	0,87	12 579	18 171	19 634	1,56	2,33	0,43	0,51
<i>Российский Север (Арктика)</i>											
Архангельск	77 709	90 338	98 705	1,27	112 077	109 882	142 131	1,27	1,82	3,99	3,68
Северодвинск	44 791	51 157	55 767	1,25	74 823	76 710	91 570	1,22	2,04	2,30	2,37
<i>Российский Каспий</i>											
Махачкала	116 336	69 687	70 448	0,61	153 336	146 150	124 168	0,81	1,06	5,97	3,22
Каспийск	8117	5558	8509	1,05	15 342	15 788	13 340	0,87	1,64	0,42	0,35
<i>Российское Причерноморье</i>											
Новороссийск	62 280	61 852	69 913	1,12	83 030	101 078	106 914	1,29	1,72	3,20	2,77
Анапа	18 851	21 849	25 896	1,37	38 516	49 230	55 179	1,43	2,93	0,96	1,43

* Составлено автором по данным Росстата¹.

¹ Объем социальных выплат населению и налогооблагаемых денежных доходов населения в разрезе муниципальных образований. Динамические ряды, 2023, *Rosstat*, URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/urov_munst.htm (дата обращения: 04.08.2023).

Наиболее необходимым в их числе видится:

1) дальнейшее приращение числа (и «рассредоточение») реальных, эффективно функционирующих российских опорных баз морской активности, причем не только общедолевого масштаба (наподобие «Бухты Севера» на Таймыре, чьи перспективы обусловлены добычей и транспортировкой нефти в рамках флагманского проекта компании «Роснефть» — «Восток Ойл»¹), но и регионального значения (например, в процессе восстановления портовой инфраструктуры Мариуполя и Бердянска);

2) последовательная диверсификация структуры экономики опорных баз (дополнения их ныне преобладающей логистической функции производственными и сервисными специализациями, в том числе в связи с «импортозамещением») и, соответственно, активизация процессов индустриально-портового комплексообразования (концептуально хорошо осмысленного еще в 1960-80-е гг. [42]) с его вероятностной трансформацией в индустриально-портовое научно-образовательное (флагманом данного процесса способен выступить Санкт-Петербург, хотя существует потенциал и у Калининграда, Севастополя, Владивостока, отчасти Архангельска);

3) взаимоподдерживающее (скоординированное) развитие опорных баз в масштабе отдельных морских бассейнов (что особым образом геополитически мотивировано для Российского Причерноморья и Балтики) при одновременном выстраивании единой сетевой архитектуры центров морской активности (с элементами специализации и иерархии) в контуре всего морского порубежья России, причем с возможно большей степенью ее автономии и, соответственно, устойчивости к нарастающим экзогенным геостратегическим рискам (включая и пока лишь гипотетическую вероятность блокады внешними силами тех или иных сопредельных с российскими коммуникационно значимых акваторий);

4) рост экономического потенциала (трудового, рыночного, производственного) российских морских опорных баз за счет расширения сферы их влияния на прилегающие территории в рамках агломерирования и межмуниципальной (а также межрегиональной) интеграции (к примеру, после модернизации прилегающих к Ростову-на-Дону федеральных автомагистралей демографическая емкость расширившейся агломерации возросла более чем на треть, то есть до 2,5 млн человек; перспектива ее сопряжения с Донецком и Мариуполем позволит в перспективе формировать единое селитебно-хозяйственное пространство с не менее чем 4,5 млн жителей);

5) сфокусированное внимание к выстраиванию (в том числе на базе обширнейших хинтерландов ведущих морских портов страны [31]) «континентально-морских (приморских)» структур, интегрированных, межрегиональных, охватывающих обширнейшие территории Российской Федерации в рамках южнороссийского и северо-западного ее «междуморий», а также Западной и Восточной Сибири и, кроме того, в более расширенном масштабе — по профилям «Беломорье — Причерноморье», а также «Балтика — Причерноморье» и «Балтика — Приморье».

В логике формирования «*больших российских континентально-морских пространств*» (ориентированных также на трансграничные, в том числе трансакваториальные взаимодействия преимущественно с дружественными государствами Евразии) в новых геополитических реалиях должна осуществляться и реконструкция (в том числе концептуальная, ментальная) бассейновых трансграничных структур нашего морского порубежья, в первую очередь западного, включая Балтику.

¹ Информация о предприятии, 2023, *Роснефть*, URL: https://vostokoil.rosneft.ru/about/Glance/OperationalStructure/Dobicha_i_razrabotka/Vostochnaja_Sibir/vostokoil/ (дата обращения: 16.07.2023).

Морская регионализация в ареале геоэкономического взаимодействия и геополитического противостояния: феномен Российской Балтики

Формирование Балтийского региона (как морской трансграничной целостности) имело место практически весь постсоветский период и напрямую связано с процессом евроинтеграции [43—45], дополняемой (в военно-политической сфере) расширением структур НАТО. Российские приморские территории участвовали в «балтийской интеграции» в качестве «своего чужого», периферии, пространства глобалистской экспансии, а также наиболее значимого коммуникационного коридора в системе «Россия — Запад».

Современное геополитическое переформатирование Балтики (начавшееся не 24 февраля 2022 г., а пятью — шестью годами ранее, что иллюстрируют выводы не только российских [46; 47], но и зарубежных аналитиков [48]) сопряжено с нарастанием в ее аква-территориальном контуре выраженной российско-европейской барьерности, придавшей макрорегиону биструктурный облик, означающий для приморских территорий не только дополнительные возможности (например, в области насыщения местного продовольственного рынка российскими товарами [49]), но и риски (что уже также подмечается [50]).

Новые геополитические реалии (когда, как справедливо подмечено в [51], декларируемое для Балтики «*Zeitenwende*» осталось лишь былой, сполна нереализованной идеологемой, а «пространство сотрудничества» стало стремительно милитаризоваться) требуют пересмотра сложившегося за предшествующие три десятилетия преобладающего понимания позиционных характеристик расположенных на его побережье российских территорий с акцентом на их автономность и геополитическую специфичность. Соответствующая реконцептуализация в единой для всех наших морских порубежий логике, когда на первый план выводится не трансграничность, а именно приуроченность к России, к ее юрисдикции (уже воплощенная в идее «Тихоокеанской России» [52], а также «Российского Причерноморья» [53]), должна, полагаем, воплотиться в полноформатный геоконцепт «*Российской Балтики*», постепенно утверждающийся (например, в [54—56]) в дискурсе.

Автору импонирует нерасширительное определение этого таксона, применимое исключительно к Санкт-Петербургу и еще двум собственно прибалтийским субъектам РФ, а в их составе (уровнем ниже) — к 15 непосредственно выходящим к побережью муниципальным образованиям. Данная совокупность территорий вмещает 6,8 млн населения (то есть, согласно последней переписи, 4,6 % демографического потенциала страны), практически на 90 % сконцентрированного на востоке Финского залива. Еще весомее различия между балтийским эксклавом (на который приходится лишь 8 %) и остальными прибалтийскими российскими территориями по экономическому потенциалу (оцениваемому как налогооблагаемые денежные доходы физических лиц и индивидуальных предпринимателей). Российская Балтика в итоге *двуцентрична*, в демографо-экономическом отношении *асимметрична* и (что весьма существенно в связи с «фактором моря») *трансакваториальна*, располагает собственным *морским опорным каркасом* в виде существенно нарастивших свои пропускные возможности в постсоветский период морских портов, связанных коммуникационными (с февраля 2022 г. и авиационными) возможностями балтийской акватории в статусе (согласно Конвенции ООН¹) «открытого моря». Частично выключаясь из былого пространства «балтийской интеграции» (но при этом сохраняя возможности и мотивацию для ее активизации в средней долгосрочной перспекти-

¹ Конвенция ООН по морскому праву, 1994, ООН, URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/lawsea.pdf (дата обращения: 18.07.2023).

вах), территории Российской Балтики (и в особой мере Калининградский эксклав), наращивая собственную сопряженность своего социально-экономического развития, должны *в еще большей мере «поворачивается» к морю.*

Этот необходимый поворот (опирающийся на «историческую колею» развития, на «накопленную» инфраструктуру и человеческий капитал) усложнен не только текущей геополитической конъюнктурой (негативно сказывающейся в том числе на реализации таких флагманских «приморских» проектов, как комплекс по переработке этансодержащего газа и производству сжиженного природного газа, сооружаемый в районе Усть-Луги ПАО «Газпром»¹ либо круизный терминал в Пионерском²), но и общим долгосрочным, соответствующим геоэкономическому тренду перераспределением морехозяйственной активности Российской Федерации в пользу «незападных» ее морских побережий. Так, уже с середины 2000-х гг. постепенно снижается портово-логистическая значимость для страны ее балтийских портов (объем грузооборота за 2005—2022 гг. по стране вырос в 2,06 раза, по Российской Балтике — в 1,37, в том числе непосредственно за 2013—2022 гг. — в 1,42 и 1,14 раз соответственно); аналогична (хотя и не столь рельефно выражена) ситуация и в рыбопереработке. Высока вероятность (и уже проявилась тенденция) сокращения «миграционной подпитки» экономики (в том числе строительного комплекса) приморских городских агломераций на Российской Балтике. Последняя в данном контексте способна поддерживать, нарастить морской (приморский) функционал: 1) перенастраиваясь на коммуникацию и рынки «дружественных стран»; 2) усиливая свою внутреннюю трансакториальную связанность (в том числе по линии «Балтийск — Усть-Луга»); 3) продолжая повышать туристско-рекреационную привлекательность, причем в приоритетном порядке — Калининградской области (показательно, что численность лиц, воспользовавшихся услугами коллективных средств размещения в этом регионе за 2014—2022 гг. выросла в 4,7 раза, в то время как в РФ — в 2,7³); 4) наращивая специализацию в качестве научно-технологической и культурно-образовательной «центральной зоны» всей «Морской России».

Заключение

Универсальное и многоаспектное воздействие «фактора моря» на человечество, его хозяйственную, селитебную и военно-стратегическую сферы в последние годы оказывается все более опосредуемым обстоятельствами геополитики, в том числе резко возросшим противостоянием между Российской Федерацией и коллективным Западом, разворачивающимся в условиях кардинального переформатирования сложившегося миропорядка. Геополитическая детерминанта условий, проявлений и эффектов «сдвига к морю» (присущего и современной России, ставшего одним из важнейших векторов ее пространственного развития) наиболее выражена при этом на порубежных пространствах в контуре подобных Балтике трансграничных морских регионов.

Итогом геополитических (и сопряженных с ними геоэкономических) изменений становится не только переформатирование собственно российской морехозяйственной активности (с приоритетом в пользу ее относительной автономности, большей

¹ Выход Linde из проекта «Балтийский СПГ» в Усть-Луге и проблемы ООО «РусХимАльянс», 07.07.2023, *ТЕК-ALL*, URL: <https://www.tek-all.ru/news/id10005-vihod-linde-iz-proekta-baltiyskiy-spg-v-ust-luge-i-problemi-ooo-rushimalyans/> (дата обращения: 19.07.2023).

² Портовый долгострой. Почему терминал в Пионерском не могут сдать два года, 05.11.2013, РБК, URL: <https://kaliningrad.rbc.ru/kaliningrad/05/11/2021/617fcf9d9a7947682664af34> (дата обращения: 19.07.2023).

³ Коллективные средства размещения, 2023, *Росстат*, URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm> (дата обращения: 18.07.2023).

диверсифицированности, включая пространственную, эффективности и комплексности), но и соответствующая трансформация всей аква-территориальной организации страны (с сочетанием значимых для нее трендов «мореориентированности» и «континентализации», выстраиванием «больших интегрированных пространств» в формате разномасштабных российских «междуморий»), иницирующая в том числе идентификацию и концептуализацию такой ресурсно-хозяйственной и геополитической мегаструктуры, как «Морская Россия», объединяющей в своем составе «Российскую Балтику», «Российское Причерноморье», «Прикаспийскую Россию», «Российскую Арктику» и, наконец, «Тихоокеанскую Россию».

В современном контексте, когда международные процессы все в более возрастающей мере обретают выраженное акваториальное измерение, а социально-экономическое положение приморских территорий, в свою очередь, становится одной из компонент геополитической безопасности — важнейший для России, четко проявившийся на постсоветском этапе ее истории тренд «мореориентированности» должен сохраняться, поддерживаться, продолжая оставаться значимым для научного анализа, в том числе и общественно-географического.

Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 22-28-00022 «Геоэкономические и геополитические детерминанты трансформации центрo-периферийных структур в трансграничных “морских” регионах: концептуализация, мониторинг и моделирование в интересах государственного управления (на материалах Балтики, Каспия и Причерноморья)» в Южном федеральном университете.

Список литературы

1. Тренин, Д. В. 2022, Кто мы, где мы, за что мы — и почему, *Россия в глобальной политике*, т. 20, № 3, с. 32—42, <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-3-32-42>
2. Караганов, С. А. 2022, От не-Запада к Мировому большинству, *Россия в глобальной политике*, т. 20, № 5, с. 6—18, <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-5-6-18>
3. Евстафьев, Д. Г. 2023, Шагнуть за порог глобального мира, *Россия в глобальной политике*, т. 21, № 2, с. 8—21, <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-2-8-21>
4. Дружинин, А. Г., Кузнецова, О. В. 2022, Учет «фактора моря» в федеральном регулировании пространственного развития России: постсоветский опыт и современные приоритеты, *Балтийский регион*, т. 14, № 4, с. 4—19, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-1>
5. Сальников, С. С. 1984, Экономическая география океана — новое перспективное направление экономической и социальной географии, *Советская география*, Л. : Наука, с. 231—242.
6. Бакланов, П. Я. 2018, Морское пространственное планирование: теоретические аспекты, *Балтийский регион*, т. 10, № 2, с. 76—85, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-2-5>
7. Федоров, Г. М., Кузнецова, Т. Ю., Разумовский, В. М. 2017, Влияние близости моря на развитие экономики и расселения Калининградской области, *Известия Русского географического общества*, т. 149, № 3, с. 15—31. EDN: YSLLEV
8. Wirtz, J. J. 2017, *Sea power: the history and geopolitics of the world's oceans*.
9. Bennett, M. M., Stephenson, S. R., Yang, K., Bravo, M. T., Jonghe, B. 2020, The opening of the Transpolar Sea Route: Logistical, geopolitical, environmental, and socioeconomic impacts, *Marine Policy*, vol. 121, 104178, <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2020.104178>
10. Bouchard, C., Crumplin, W. 2010, Neglected no longer: the Indian Ocean at the forefront of world geopolitics and global geostrategy, *Journal of the Indian Ocean Region*, vol. 6, № 1, p. 26—51, <https://doi.org/10.1080/19480881.2010.489668>
11. Morris, M. A. 1986, Maritime geopolitics in Latin America, *Political Geography Quarterly*, vol. 5, № 1, p. 43—55, [https://doi.org/10.1016/0260-9827\(86\)90010-8](https://doi.org/10.1016/0260-9827(86)90010-8)
12. Germond, B. 2015, The geopolitical dimension of maritime security, *Marine Policy*, vol. 54, p. 137—142, <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2014.12.013>

13. Blanchard, J. M. F., Flint, C. 2017, The geopolitics of China's maritime silk road initiative, *Geopolitics*, vol. 22, № 2, p. 223—245, <https://doi.org/10.1080/14650045.2017.1291503>
14. Østhagen, A. 2022, *Ocean Geopolitics: Marine Resources, Maritime Boundary Disputes and the Law of the Sea*, Edward Elgar Publishing, 168 p.
15. de Vivero, J. L. S., Mateos, J. C. R., del Corral, D. F. 2009, Geopolitical factors of maritime policies and marine spatial planning: State, regions, and geographical planning scope, *Marine Policy*, vol. 33, № 4, p. 624—634, <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2008.12.010>
16. Бакланов, П. Я. 2022, Устойчивое развитие приморских регионов: географические и геополитические факторы и ограничения, *Балтийский регион*, т. 14, № 1, с. 4—16, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-1-1>
17. Mackinder, H. J. 1904, The geographical pivot of history, *The Geographical Journal*, vol. 23, № 4, p. 421—437.
18. Mahan, A. T. 1890, *The Influence of Sea Power Upon History, 1660—1783*. Little, Brown & Co. Boston, Repr. of 5th ed., Dover Publications, N. Y.
19. Семенов-Тянь-Шанский, В. П. 1915, О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк политической географии, *Известия Русского Императорского географического общества*, т. LI, вып. VIII, с. 425—457.
20. Spykman, N. 1944, *The Geography of the Peace*, N. Y. : Harcourt, Brace and Company, 323 p.
21. Lacoste, Y. 2012, La géographie, la géopolitique et le raisonnement géographique, *Herodote*, № 146—147, p. 3—21, <https://doi.org/10.3917/her.146.0014>
22. Безруков, Л. А. 2008, *Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии*, Новосибирск : Академическое изд-во «Гео», 369 с. EDN: QTARDT
23. Горшков, С. Г. 1976, *Морская мощь государства*, М. : Воениздат. 416 с.
24. Алхименко, А. П. 2005, Морехозяйственный комплекс России: тенденции развития и проблемы, *Морехозяйственный комплекс России*, СПб., с. 5—23.
25. Radvanyi, J. 2017, When Vladimir Putin becomes geographer [Quand Vladimir Poutine se fait géographe...], *Hérodote*, № 166—167, p. 113—132, <https://doi.org/10.3917/her.166.0113>
26. Druzhinin, A. G., Lachininskii, S. S. 2021, Russia in the World Ocean: Interests and Lines of Presence, *Regional Research of Russia*, vol. 11, № 3, p. 336—348, <https://doi.org/10.1134/S2079970521030035>
27. Асмус, Р. 2007, Евро-атлантическое Причерноморье, *Россия в глобальной политике*, т. 5, № 3, с. 66—77. EDN: TZIZYD
28. Клемешев, А. П., Корнеевец, В. С., Пальмовский, Т., Студжиницки, Т., Федоров, Г. М. 2017, Подходы к определению понятия «Балтийский регион», *Балтийский регион*, т. 9, № 4, с. 7—28, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2017-4-1>
29. Лавров, А. М. (ред.). 1999, *Федеральный бюджет и регионы: Опыт анализа финансовых потоков*, М. : Диалог-МГУ, 194 с.
30. Климанов, В. В., Еремина, Д. А., Михайлова, А. А. 2018, Анализ баланса финансовых потоков между центром и регионами в РФ, *ЭКО*, № 9, с. 51—62. EDN: UZGDHX
31. Дружинин, А. Г. (ред.). 2017, Трансграничное кластерообразование в приморских зонах Европейской части России: факторы, модели, экономические и экзистические эффекты, Ростов-на-Дону : Издательство Южного федерального университета, 421 с. EDN: ZEFLGN
32. Zakaria, F. 2008, *Post-American world*. London : Allen Lane.
33. Шупер, В. А. 2008, Россия в глобализованном мире: альтернативы развития, *Вопросы философии*, № 12, с. 3—21. EDN: JUGPUT
34. Вольхин, Д. А. 2020, Морское хозяйство Крыма в интеграционно-деинтеграционных процессах в Причерноморье, *Геополитика и экогеодинамика регионов*, т. 6, № 4, с. 5—21. EDN: UXLLZT
35. Николаев, А. В. 2004, География государственного сектора промышленности России, *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, № 5, с. 42—52. EDN: OVYJXX
36. Покшишевский, В. В. 1975, Теоретические аспекты притяжения расселения к морским побережьям и опыт количественной оценки этого притяжения, *Известия Всесоюзного географического общества*, № 1, с. 29—35.

37. Дружинин, А. Г. 2017, Талассоаттрактивность населения в современной России: общественно-географическая экспликация, *Балтийский регион*, т. 9, № 2, с. 28—43, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2017-2-2>
38. Саушкин, Ю. Г. 2001, *Избранные труды*, Смоленск : Универсум, 416 с.
39. Дружинин, А. Г. 2020, «Опорные базы» морского порубежья России: экономическая динамика в условиях геополитической турбулентности, *Балтийский регион*, т. 12, № 3, с. 89—104, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-3-6>
40. Жихаревич, Б. С., Климанов, В. В., Марача, В. Г. 2020, Шокоустойчивость территориальных систем: концепция, измерение, управление, *Региональные исследования*, № 3, с. 4—15. EDN: PJCFKB
41. Кузнецова, О. В. 2022, Трансформация пространственной структуры экономики в кризисные и посткризисные периоды, *Регион: экономика и социология*, № 2 (114), с. 33—57, <https://doi.org/10.15372/REG20220202>
42. Дергачев, В. А. 1985, Перспективы формирования портово-промышленных комплексов СССР, *Известия Всесоюзного географического общества*, № 6, с. 497—503.
43. Melnikas, B. 2008, Integration processes in the Baltic region: the new form of regional transformations in the European Union, *Engineering economics*, vol. 5, № 60, p. 54—64.
44. Pacuk, M., Palmowski, T., Tarkowski, M. 2018, The emergence of Baltic Europe: An overview of Polish research on regional integration, *Quaestiones Geographicae*, vol. 37, № 2, p. 47—60, <https://doi.org/10.2478/quageo-2018-0013>
45. Fedorov, G. 2010, The Kaliningrad dilemma: a “development corridor” or a “double periphery”? The geopolitical factor of the development of the Russian exclave on the Baltic Sea, *Baltic region*, № 2, p. 4—12, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2010-2-1>
46. Худoley, К. К. 2016, Регион Балтийского моря в условиях обострения международной обстановки, *Балтийский регион*, т. 8, № 1, с. 7—25, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2016-1-1>
47. Зверев, Ю. М., Межевич, Н. М. 2022, Республика Беларусь и Калининградская область России как субрегиональный комплекс безопасности, *Балтийский регион*, т. 14, № 3, с. 64—82, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-3-4>
48. Ekengren, M. 2018, A return to geopolitics? The future of the security community in the Baltic Sea Region, *Global Affairs*, vol. 4, № 4—5, p. 503—519, <https://doi.org/10.1080/23340460.2018.1535250>
49. Морачевская, К. А., Лялина, А. В. 2023, Влияние продовольственного эмбарго на потребительские предпочтения и трансграничные практики населения Калининградской области, *Балтийский регион*, т. 15, № 2, с. 62—81, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-2-4>
50. Лачининский, С. С., Сяолинь, Л. 2021, Геополитические риски и перспективы отношений России и Запада на Балтике, *Псковский регионологический журнал*, т. 17, № 4, с. 3—15, <https://doi.org/10.37490/S221979310017062-1>
51. Swistek, G., Paul, M. 2023, *Geopolitics in the Baltic Sea region: The «Zeitenwende» in the context of critical maritime infrastructure, escalation threats and the German willingness to lead*, № 9, SWP Comment.
52. Бакланов, П. Я. 2015, Тихоокеанская Россия: географические и геополитические факторы развития, *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, № 5, с. 8—19, <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2015-5-8-19>
53. Дружинин, А. Г. 2020, Российское Причерноморье в современной Евразии: геополитические и морехозяйственные факторы региональной динамики, *Научная мысль Кавказа*, № 3 (103), с. 5—15. EDN: FRHEUL
54. Разумовский, В. М., Федоров, Г. М., Бездудная, А. Г. 2019, Российская Балтика в евразийском пространстве, *Проблемы современной экономики*, № 3 (71), с. 38—40. EDN: EXRJHC
55. Лачининский, С. С. 2022, Геоэкономические риски регионов Российской Балтики в условиях обостряющейся геополитической обстановки, *Балтийский регион*, т. 14, № 2, с. 23—37, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-2-2>
56. Федоров, Г. М. 2022, Экономика регионов России на Балтике: уровень и динамика развития, структура, внешнеторговые партнерства, *Балтийский регион*, т. 14, № 4, с. 20—38, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-2>

Об авторе

Дружинин Александр Георгиевич, доктор географических наук, профессор, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем, Южный федеральный университет, Россия; главный научный сотрудник, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт географии РАН, Россия.

E-mail: alexdru9@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1642-6335>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

THE GEOPOLITICAL EFFECT OF THE MARITIME FACTOR ON THE SPATIAL DEVELOPMENT OF POST-SOVIET RUSSIA: THE BALTIC CASE

A. G. Druzhinin

Southern Federal University,
105/42 Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, 344006, Russia
Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences,
29 Staromonetny Ln., Moscow, 119017, Russia
Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences,
47 Nakhimovsky Ave., Moscow 117418, Russia

Received 21 July 2023
Accepted 27 September 2023
doi: 10.5922/2079-8555-2023-4-1
© Druzhinin, A. G., 2023

The article explores the impact of geopolitical processes on the spatial organisation of society, a matter that has gained increasing importance in Russia. It focuses on the utilization of the World Ocean and its coastlines for resource extraction, logistics, military-strategic purposes, and settlement. Methodologically, this study combines modern socio-geographical approaches emphasising the role of the maritime factor in spatial development with classical geopolitical ideologemes drawing a line between the land and the sea. It stresses the fundamental possibility for territories, including states, not only to acquire synthetic continental-maritime attributes but also to transform the balance of these attributes under the influence of geopolitical determinants. The article analyses geopolitically induced changes in the maritime activities pursued by Russia in the post-Soviet period. The primary focus is on the situational territorial and economic shifts of 2014 and 2022, and their implications for Russian territories in the Baltic region. Pronounced inter-basin differences are described with respect to the coastalisation of the population. The study also evaluates the economic condition of key Russian maritime centres and their resilience to external influences, especially geopolitical challenges. The article offers a geopolitical justification for Russia's ongoing maritime endeavours, emphasizing the need for inter-basin, intermunicipal, and interregional integration. This integration should be accompanied by the establishment of coastal-intracontinental facilities, such as hubs, across Russia. It is imperative for the nation and its prominent corporations to actively engage in shaping the framework of emerging expansive international maritime socio-geographical structures, facilitating the shift toward global maritime polycentrism. The solution to these problems is closely linked to the priority goal of strength-

To cite this article: Druzhinin, A. G. 2023, The geopolitical effect of the maritime factor on the spatial development of post-soviet Russia: the Baltic case, *Baltic region*, vol. 15, № 4, p. 6–23. doi: 10.5922/2079-8555-2023-4-1

ening Russia's geostrategic standing in the Baltic region, particularly with a focus on its maritime components. These developments are anticipated within the context of the Russian Baltic Area, envisioned as a borderland with trans-basin geopolitical, economic-geographical, and geocultural bi-structural asymmetry.

Keywords:

spatial development, coastal areas, marine regionalisation, maritime activity, geopolitics, Russia, Russian Baltic Area

References

1. Trenin, D. V. 2022, What We Are, Where We Are, What We Stand For—And Why, *Russia in Global Affairs*, vol. 20, № 3, p. 32—42, <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-3-32-42> (in Russ.).
2. Karaganov, S. A. 2022, From the Non-West to the World majority, *Russia in Global Affairs*, vol. 20, № 5, p. 6—18, <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-5-6-18> (in Russ.).
3. Yevstafiev, D. G. 2023, Step Beyond Global World, *Russia in Global Affairs*, vol. 21, № 2, p. 8—21, <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-2-8-21> (in Russ.).
4. Druzhinin, A. G., Kuznetsova, O. V. 2022, The sea factor in the federal regulation of Russia's spatial development: post-Soviet experience and current priorities, *Baltic region*, vol. 14, № 4, p. 4—19, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-1>
5. Sal'nikov, S. S. 1984, Economic geography of the ocean — a new promising direction of economic and social geography, *Sovetskaya geografiya*, L. : Nauka, p. 231—242 (in Russ.).
6. Baklanov, P. Ya. 2018, Marine Spatial Planning: Theoretical Aspects, *Baltic region*, vol. 10, № 2, p. 76—85, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-2-5>
7. Fedorov, G. M., Kuznetsova, T. Y., Razumovskii, V. M. 2017, How the proximity of the sea affects development of economy and the settlement pattern in Kaliningrad oblast, *Regional Research of Russia*, vol. 7, № 4, p. 352—362, <https://doi.org/10.1134/S2079970517040025> (in Russ.).
8. Wirtz, J. J. 2017, *Sea power: the history and geopolitics of the world's oceans*.
9. Bennett, M. M., Stephenson, S. R., Yang, K., Bravo, M. T., Jonghe, B. 2020, The opening of the Transpolar Sea Route: Logistical, geopolitical, environmental, and socioeconomic impacts, *Marine Policy*, vol. 121, 104178, <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2020.104178>
10. Bouchard, C., Crumplin, W. 2010, Neglected no longer: the Indian Ocean at the forefront of world geopolitics and global geostrategy, *Journal of the Indian Ocean Region*, vol. 6, № 1, p. 26—51, <https://doi.org/10.1080/19480881.2010.489668>
11. Morris, M. A. 1986, Maritime geopolitics in Latin America, *Political Geography Quarterly*, vol. 5, № 1, p. 43—55, [https://doi.org/10.1016/0260-9827\(86\)90010-8](https://doi.org/10.1016/0260-9827(86)90010-8)
12. Germond, B. 2015, The geopolitical dimension of maritime security, *Marine Policy*, vol. 54, p. 137—142, <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2014.12.013>
13. Blanchard, J. M. F., Flint, C. 2017, The geopolitics of China's maritime silk road initiative, *Geopolitics*, vol. 22, № 2, p. 223—245, <https://doi.org/10.1080/14650045.2017.1291503>
14. Østhagen, A. 2022, *Ocean Geopolitics: Marine Resources, Maritime Boundary Disputes and the Law of the Sea*, Edward Elgar Publishing, 168 p.
15. de Vivero, J. L. S., Mateos, J. C. R., del Corral, D. F. 2009, Geopolitical factors of maritime policies and marine spatial planning: State, regions, and geographical planning scope, *Marine Policy*, vol. 33, № 4, p. 624—634, <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2008.12.010>
16. Baklanov, P. Ya. 2022, Sustainable development of coastal regions: geographical and geopolitical factors and limitations, *Baltic region*, vol. 14, № 1, p. 4—16, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-1-1>
17. Mackinder, H. J. 1904, The geographical pivot of history, *The Geographical Journal*, vol. 23, № 4, p. 421—437.
18. Mahan, A. T. 1890, *The Influence of Sea Power Upon History, 1660—1783*. Little, Brown & Co. Boston, Repr. of 5th ed., Dover Publications, N. Y.

19. Semyonov-Tyan-Shanskij, V. P. 1915, On powerful territorial possession in relation to Russia. An Essay on Political Geography, *Izvestiya Russkogo Imperatorskogo geograficheskogo obshchestva*, vol. LI, № VIII, p. 425—457 (in Russ.).
20. Spykman, N. 1944, *The Geography of the Peace*, N. Y. : Harcourt, Brace and Company, 323 p.
21. Lacoste, Y. 2012, La géographie, la géopolitique et le raisonnement géographique, *Hérodote*, № 146—147, p. 3—21, <https://doi.org/10.3917/her.146.0014>
22. Bezrukov, L. A. 2008, *Continental-oceanic dichotomy in international and regional development*, Novosibirsk : Akademicheskoe izd-vo «Geo», 369 p. (in Russ.).
23. Gorshkov, S. G. 1976, *The sea power of the state*, M. : Voenizdat, 416 p. (in Russ.).
24. Alhimenko, A. P. 2005, The marine economic complex of Russia: development trends and problems, *Morekhozaystvennyj kompleks Rossii*, SPb, p. 5—23 (in Russ.).
25. Radvanyi, J. 2017, When Vladimir Putin becomes geographer [Quand Vladimir Poutine se fait géographe...], *Hérodote*, № 166—167, p. 113—132, <https://doi.org/10.3917/her.166.0113>
26. Druzhinin, A. G., Lachininskii, S. S. 2021, Russia in the World Ocean: Interests and Lines of Presence, *Regional Research of Russia*, vol. 11, № 3, p. 336—348, <https://doi.org/10.1134/S2079970521030035>
27. Asmus, R. 2007, Euro-Atlantic Black Sea region, *Russia in Global Affairs*, vol. 5, № 3, p. 66—77. EDN: TZIZYD (in Russ.).
28. Klemeshev, A. P., Korneevets, V. S., Palmowski, T., Studzieniecki, T., Fedorov, G. M. 2017, Approaches to the definition of the Baltic Sea Region, *Baltic region*, vol. 9, № 4, p. 4—20, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2017-4-1>
29. Lavrov, A. M. (ed.). 1999, *Federal budget and regions: Experience in analyzing financial flows*, M. : Dialog-MGU, 194 p. (in Russ.).
30. Klimanov, V. V., Eremina, D. A., Mikhaylova, A. A. 2018, Analysis of the balance of financial flows between the center and regions in the Russian Federation, *ECO*, vol. 48, № 9, p. 51—62, <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-9-51-62> (in Russ.).
31. Druzhinin, A. G. (ed.). 2017, *Cross-border cluster formation in the coastal zones of the European part of Russia: Factors, models, economic and economic effects*, Rostov-na-Donu : Izdatel'stvo YUzhnogo federal'nogo universiteta, 421 p. (in Russ.).
32. Zakaria, F. 2008, *Post-American world*, London : Allen Lane.
33. Shuper, V. A. 2008, Russia in a globalised world: alternatives of progress, *Voprosy filosofii*, № 12, p. 3—21. EDN: JUGPUT (in Russ.).
34. Volkhin, D. A. 2020, Crimean marine economy in integration and disintegration processes in the Black Sea region, *Geopolitics and Ecogeodynamics of regions*, vol. 6, № 4, p. 5—21. EDN: UXLLZT (in Russ.).
35. Nikolaev, A. V. 2004, Geography of the Russian state industry, *Izvestiya Akademii Nauk, Seriya Geograficheskaya*, № 5, p. 42—52 (in Russ.).
36. Pokshishevskij, V. V. 1975, Theoretical aspects of the attraction of settlement to the sea coasts and the experience of quantifying this attraction, *Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva*, № 1, p. 29—35 (in Russ.).
37. Druzhinin, A. G. 2017, The coastalisation of population in today's Russia: a socio-geographical explication, *Baltic region*, vol. 9, № 2, p. 19—30. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2017-2-2>
38. Saushkin, Yu. G. 2001, *Selected works*, Smolensk : Universum, 416 p. (in Russ.).
39. Druzhinin, A. G. 2020, The strongholds of Russian coastal borderlands: economic dynamics amid geopolitical turbulence, *Baltic region*, vol. 12, № 3, p. 89—104, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-3-6>
40. Zhiharevich, B. S., Klimanov, V. V., Maracha, V. G. 2020, Shock resistance of territorial systems: concept, measurement, management, *Regional Research*, № 3, p. 4—15. EDN: PJCFKB (in Russ.).
41. Kuznetsova, O. V. 2022, Spatial structure of the economy transforming during and after crises, *Region: economics and sociology*, № 2 (114), p. 33—57, <https://doi.org/10.15372/REG20220202> (in Russ.).

42. Dergachyov, V.A. 1985, Prospects for the formation of port-industrial complexes of the USSR, *Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva*, № 6, p. 497—503 (in Russ.).
43. Melnikas, B. 2008, Integration processes in the Baltic region: the new form of regional transformations in the European Union, *Engineering economics*, vol. 5, № 60, p. 54—64.
44. Pacuk, M., Palmowski, T., Tarkowski, M. 2018, The emergence of Baltic Europe: An overview of Polish research on regional integration, *Quaestiones Geographicae*, vol. 37, № 2, p. 47—60, <https://doi.org/10.2478/quageo-2018-0013>
45. Fedorov, G. 2010, The Kaliningrad dilemma: a “development corridor” or a “double periphery”? The geopolitical factor of the development of the Russian exclave on the Baltic Sea, *Baltic region*, № 2, p. 4—12, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2010-2-1>
46. Khudoley, K.K. 2016, The Baltic Sea region and increasing international tension, *Baltic region*, vol. 8, № 1, p. 4—16, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2016-1-1>
47. Zverev, Yu.M., Mezhevich, N.M. 2022, The Republic of Belarus and the Kaliningrad region of Russia as a sub-regional security complex, *Baltic region*, vol. 14, № 3, p. 64—82, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-3-4>
48. Ekengren, M. 2018, A return to geopolitics? The future of the security community in the Baltic Sea Region, *Global Affairs*, vol. 4, № 4—5, p. 503—519, <https://doi.org/10.1080/23340460.2018.1535250>
49. Morachevskaya, K.A., Lialina, A.V. 2023, The impact of the food embargo on consumer preferences and cross-border practices in the Kaliningrad region, *Baltic region*, vol. 15, № 2, p. 62—81, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-2-4>
50. Lachininskii, S.S., Xiaoling, L. 2021, Geopolitical risks and prospects of relations between Russia and the West in the Baltic, *Pskov Journal of Regional Studies*, vol. 17, № 4, p. 3—15, <https://doi.org/10.37490/S221979310017062-1> (in Russ.).
51. Swistek, G., Paul, M. 2023, *Geopolitics in the Baltic Sea region: The «Zeitenwende» in the context of critical maritime infrastructure, escalation threats and the German willingness to lead*, № 9, SWP Comment.
52. Baklanov, P.Y. 2015, Pacific Russia: Geographical and geopolitical factors of development, *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk, Seriya Geograficheskaya*, № 5, p. 8—19, <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2015-5-8-19> (in Russ.).
53. Druzhinin, A.G. 2020, Russian Black Sea region in modern Eurasia: geopolitical and maritime economic factors of regional dynamics, *Nauchnaya mysl' Kavkaza*, № 3 (103), p. 5—15. EDN: FRHEUL (in Russ.).
54. Razumovskij, V.M., Fedorov, G.M., Bezdudnaya, A.G. 2019, The Russian Baltic in the Eurasian space, *Problemy sovremennoj ekonomiki*, № 3 (71), p. 38—40 (in Russ.).
55. Lachininskii, S.S. 2022, Geoeconomic risks faced by the Russian Baltic region amid a deteriorating geopolitical situation, *Baltic region*, vol. 14, № 2, p. 23—37, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-2-2>
56. Fedorov, G.M. 2022, The economy of Russian Baltic regions: development level and dynamics, structure and international trade partners, *Baltic region*, vol. 14, № 4, p. 20—38, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-2>

The author

Prof Alexander G. Druzhinin, Director, North Caucasus Institute of Economic and Social Problems, Southern Federal University, Russia; Chief Research Fellow, Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Russia; Senior Research Fellow, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: alexdru9@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1642-6335>

ТРИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНА НА БАЛТИКЕ В УСЛОВИЯХ ПРОТИВОСТОЯНИЯ РОССИИ И ЗАПАДА

Ю. М. Зверев

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию 21.08.2023 г.

Принята к публикации 24.10.2023 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2023-4-2

© Зверев Ю. М., 2023

Цель исследования — выявление особенностей, ограничений и перспектив развития трех российских регионов, непосредственно выходящих на Балтику (Санкт-Петербурга, Ленинградской и Калининградской областей) в условиях резко обострившегося противостояния России и Запада, охватившего и Балтийский регион. В качестве временных рамок исследования выбран период с 2014 по 2023 г. — от санкций, введенных западными странами и их объединениями (прежде всего ЕС) в связи с возвращением в Россию Крыма и Севастополя, до сегодняшних дней, когда отношения России и Запада, по мнению ряда экспертов и политиков, уже прошли точку невозврата и уже вряд ли смогут вернуться к «бизнесу как обычно» без кардинальных преобразований мирового порядка (в том числе и на макрорегиональных уровнях). В ходе исследования рассмотрены и проанализированы такие вопросы, как уровень, динамика развития и экономическая безопасность трех регионов, внешнеполитические отношения и геополитическая типология стран Балтийского региона, сворачивание трансграничного сотрудничества в изменившихся геополитических условиях, реструктуризация внешне-торговых связей трех российских регионов на Балтике, геополитическая и военно-политическая обстановка на Балтике с точки зрения их влияния на развитие и военную безопасность изучаемых российских регионов. На этой основе даны некоторые предложения по обеспечению динамичного развития балтийских регионов России и повышению уровня их экономической и военной безопасности.

Ключевые слова:

Балтийский регион, Российская Федерация, ЕС, НАТО, Санкт-Петербург, Ленинградская область, Калининградская область, противостояние России и Запада

Введение

В своих предыдущих публикациях мы с коллегами, оценивая межгосударственное взаимодействие на Балтике, имели в виду и имевшиеся риски и возможные конфликты между расположенными здесь странами Запада и Россией. Но все же мы надеялись, что здравый смысл и экономические выгоды сотрудничества будут способствовать формированию единого Балтийского макрорегиона [1—3 и др.]. Тем более что был создан Совет государств Балтийского моря, в рамках программы Интеррег стали выполняться совместные исследования Балтийского макрорегиона, реализовываться программы приграничного сотрудничества, совместные научные и образовательные проекты. О развитии трансграничных связей писали некоторые зарубежные эксперты, предлагавшие формирование биполярной системы Трехградье (Гданьск — Гдыня — Сопот) — Калининград [4].

Для цитирования: Зверев Ю. М. Три российских региона на Балтике в условиях противостояния России и Запада // Балтийский регион. 2023. Т. 15, № 4. С. 24—41. doi: 10.5922/2079-8555-2023-4-2

Нами на базе Балтийского федерального университета им. И. Канта была организована международная площадка обсуждения вопросов трансграничного сотрудничества в виде ежегодной международной конференции под общим названием «Балтийский регион — регион сотрудничества». Многие наши партнеры из Польши, Литвы, Германии и других стран Балтийского региона, выступая на конференциях, публикуя статьи и выполняя вместе с российскими участниками проекты программ приграничного сотрудничества, поддерживали идеи расширения и углубления взаимовыгодных взаимодействий в экономике, экологии и социальной сфере [5—8]. Но для состоявшейся в октябре 2022 г. шестой по счету конференции название «Регион сотрудничества» уже не годилось, так как все формы сотрудничества России со странами Балтийского региона были западной стороной аннулированы. Конференция получила название «Новые траектории международного сотрудничества». Изменился и состав зарубежных участников — теперь они представляли Беларусь, Республику Сербскую (Босния и Герцеговина), Китай и Индию.

К этому времени мы стали осознавать усиление геополитических рисков развития экономики, особенно для эксклавной Калининградской области. Учеными БФУ им. И. Канта с привлечением экспертов из других научных центров страны были выполнены исследования, посвященные проблемам экономической безопасности регионов Западного порубежья России [9; 10]. Особое внимание исследователями уделяется проблемам Балтийского региона, отношениям расположенных на Балтике субъектов РФ и особенно эксклавному российскому региону — Калининградской области [11; 12].

В ходе исследований оценивались позиции западных авторов, занимающихся взаимоотношениями России и стран Запада и балтийской проблематикой.

Отмечается, что Россия столкнулась с проблемой определения своего места в новой международной реальности и в силу своей политической и экономической слабости была обречена в 1991—2014 гг. укреплять свои позиции в сотрудничестве с Западом, причем взаимные российско-западные отношения на протяжении многих лет характеризовались как успехами, так и неудачами [13].

Еще в 2021 г. в некоторых работах [14] отмечалось, что в отношениях Запада и России присутствуют элементы сдержанности и взаимного общения. И это позволяло, несмотря на спад в российско-западных отношениях, с осторожным оптимизмом ожидать, что долгий мир в Европе сохранится. С тех пор, однако, некоторые сдерживающие факторы, о которых упоминал автор статьи (в частности, энергетическая взаимозависимость между Россией и Европой), практически утратили свое значение (хотя некоторые исследователи полагают, что «европейская энергетическая безопасность останется проблематичной в отсутствие более общего политического урегулирования между Россией и Западом» [15, р. 875]. Начал нивелироваться и упомянутый в [14] умиротворяющий эффект ядерного оружия. Последнее обстоятельство вынуждает исследователей обсуждать, казалось бы, уже давно утратившие актуальность проблемы предотвращения эскалации конфликтов до «ядерного порога», что вновь стало значимым в условиях проведения СВО [16].

С геополитическими изменениями столкнулась не только Россия, но и ее соседи по Балтийскому региону. В частности, Польша обратилась к идее объединения Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) на основе геополитической идеи «Трех морей», которая помимо того, чтобы служить защитным фактором от чрезмерного влияния России и Германии, призвана решать и важные экономические задачи [17].

Объективно настроенные исследователи признают, что истоками конфликта в регионе ЦВЕ стали американская политика экспорта демократии и политика «от-

крытых дверей» НАТО в сочетании с укреплением в военном отношении своего восточного фланга. Эта восточная политика Запада была воспринята Россией как проявление экспансии США и Запада за счет ее законных интересов безопасности. Особенно Россия выступала против попыток Украины вступить в НАТО [18].

После начала СВО на Западе по состоянию на ноябрь 2022 г. считали, что «победа Украины... вполне возможна при условии, что Запад достаточно быстро предоставит достаточное количество военной техники и обучение» [19, р. 91]. И именно в этом направлении был взят курс.

Однако по мере того, как боевые действия приобрели затяжной характер начало приходить понимание, что противостояние России и Запада окажет долгосрочное, масштабное негативное влияние на большинство европейских компаний и экономик. При этом для бизнеса и экономики может иметь значение не только дата окончания СВО на Украине, но и то, какие торговые и финансовые ограничения могут быть сняты с России и когда [20].

Появилась точка зрения, что в глобальном контексте нынешний конфликт России и Запада вызван тем, что на Западе взяли верх радикальные леволиберальные элиты, а Россия в этой ситуации стремится занять свое традиционное место либерально-консервативного центра в системе международных отношений [21]. По мнению некоторых авторов, к ценностной повестке России близки ценности, разделяемые представителями европейских правых движений, что создает возможность использования консервативных ценностей как моста между Россией и Западом и доказывает целесообразность налаживания разнопланового стратегического взаимодействия [22].

Впрочем, встречается и такая точка зрения, что хотя постоянная изоляция России не является жизнеспособным эндшпилем для Европы или Соединенных Штатов, ее изоляция может быть неизбежной для поколения или более [23].

Но, как отмечает Т.В. Бордачев, «для России ни одно из географических направлений ее внешних связей не является вопросом выживания, необходимостью, а всегда остается выбором». Он считает, и с ним можно согласиться, что любое внешнеполитическое партнерство оценивается Россией с точки зрения выгоды этого выбора, а не с точки зрения жизненной необходимости развития отношений с тем или иным партнером [24]. Тем самым открывается возможность для проведения прагматической внешней и внешнеэкономической политики без «заикливания» на конкретных странах или их группах. Сейчас, как указывает Ф.А. Лукьянов, «мы впервые попадаем в ситуацию, когда наиболее динамичным и напористо развивающимся элементом мира в следующие годы и десятилетия будет не то, что к Западу от нас, а то, что к Востоку и к Югу» [25]. И именно в этих направлениях должны и уже начали диверсифицироваться внешнеполитические и внешнеэкономические связи Российской Федерации. Большое значение для выстраивания евразийского вектора современной хозяйственной (и не только) активности России [26], как представляется, имеют евразийские идеи Л.Н. Гумилёва [27]. Как указывает А.Г. Дружинин, «важный аспект аппликации “евразийских” идей Льва Николаевича видится в одновременном целенаправленном выстраивании взаимодействий русского этноса, России с другими системно значимыми государствами и этносами Евразии, конструировании своего рода многовекторной “евразийской комплементарности” (осмысливая хитросплетения исторических событий, Л.Н. Гумилёв настойчиво и очень верно предлагал “искать друзей, а не врагов”» [28, с. 45].

Для выстраивания новых векторов геополитического и геоэкономического развития России важнейшим является отслеживание динамики геополитических угроз и создание системы мониторинга геополитической (региональной) безопасности России [29].

Таков геополитический контекст, в котором в данной статье мы рассматриваем развитие трех балтийских (имеющих выход на Балтийское море) регионов России — Санкт-Петербурга, Ленинградской и Калининградской областей в 2014—2023 гг., когда постепенное свертывание сотрудничества с западными соседями по Балтийскому региону превратилось практически в полное его прекращение (за исключением сократившихся и продолжающих сокращаться торговых связей).

Уровень, динамика развития и экономическая безопасность трех регионов

Балтийский регион, недавно рассматривавшийся как макрорегион активного международного сотрудничества России с зарубежными странами и оправдывавший тезис «Балтийское море — море мира», превратился в один из наиболее конфликтных регионов по периметру российских границ. Здесь усиливается противостояние России и стран Запада. И все более актуальными для расположенных на побережье Балтийского моря субъектов РФ становятся вопросы экономической безопасности.

Балтийские субъекты РФ играют важную роль в российской экономике [30]. Особенно велико значение Санкт-Петербурга, занимающего среди субъектов РФ 4-е место по численности населения, 3-е место по объему ВРП и 2-е место по внешнеторговому обороту (табл. 1). Во всех трех регионах места, которые они занимают по производству ВРП и особенно по внешнеторговому обороту, выше, чем места по численности населения.

Таблица 1

Места балтийских субъектов РФ среди регионов России (2021 — 2022)

Регион	Численность населения, 2021 г.	ВРП, 2020 г.	ВРП на душу населения, 2020 г.	Внешне-торговый оборот, 2021 г.
Калининградская область	50	47	29	12
Ленинградская область	24	19	17	10
Санкт-Петербург	4	3	10	2

Источник: составлено на основе данных *ЕМИСС* и *Росстата*¹.

На три региона приходится довольно большой удельный вес численности населения, ВРП и внешнеторгового оборота в показателях Российской Федерации. При этом в период действия антироссийских санкций в 2014 — 2021 гг. эти показатели существенно возросли. Совокупный удельный вес трех регионов в производстве ВРП возрос с 6,1 % в 2014 г. до 7,4 % в 2020 г. Быстрее возрастал и душевой ВРП. В Санкт-Петербурге он поднялся за 2014—2021 гг. с 128 до 152 % по отношению к среднему по РФ, в Ленинградской области — со 100 до 103 %, в Калининградской

¹ Валовой региональный продукт в основных ценах (ОКВЭД 2), *ЕМИСС*, URL: <https://fedstat.ru/indicator/59448> (дата обращения: 06.08.2023); Регионы России. Социально-экономические показатели, *Росстат*, URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 06.08.2023).

области — с 79 до 83 %. Значительно превышает среднероссийский уровень внешнеторговый оборот на душу населения, особенно в Санкт-Петербурге и Калининградской области (табл. 2).

Таблица 2

Удельный вес Балтийских регионов в РФ по некоторым показателям

Российская Федерация, регионы России	Удельный вес в РФ						ВРП на душу населения, % к РФ		Внешне-торговый оборот на душу населения, % к РФ, 2021 г.
	Численность населения		ВРП		Внешне-торговый оборот		2014	2020	
	2014	2021	2014	2020	2014	2021	2014	2020	2020
РФ	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Калининградская область	0,66	0,7	0,52	0,58	2,5	1,4	79	83	200
Ленинградская область	1,21	1,3	1,21	1,33	2,6	1,6	100	103	123
Санкт-Петербург	3,53	3,69	4,50	5,45	6,8	7,2	128	152	192
Три региона	5,40	5,69	6,23	7,36	11,8	10,2	115	132	177

Составлено на основе данных *ЕМИСС* и *Росстата*¹.

Согласно известной классификации Дж. Фридманна, Санкт-Петербург можно отнести к регионам-ядрам («сердцевинным регионам»), Ленинградскую и Калининградскую области — к «восходящим» (динамично развивающимся) регионам. При этом все они имеют признаки регионов — «международных коридоров развития» (тип выделен Г. М. Федоровым): в Санкт-Петербурге и Ленинградской области эти признаки выражены более, в Калининградской области — менее. Первые два региона образуют единую территориальную социально-экономическую систему с развитыми внутренними связями. Калининградская область в силу эксклавности отличается «хрупкостью» экономики, сильно зависящей от внешних воздействий, с низким уровнем экономической безопасности.

Промышленное производство во время кризиса 1990-х гг. в Санкт-Петербурге за 1992—1999 гг. сократилось в 4 раза, в Калининградской области — в 6 раз. В Ленинградской области ситуация оказалась несколько лучше (в значительной мере благодаря функционированию Ленинградской АЭС) — минимальный уровень производства, зафиксированный в 1998 г., составил 56 % от 1991 г., что оказалось выше среднего по РФ уровня (48 %). Санкт-Петербург так и не восстановил в количественном объеме к 2021 г. свой индустриальный потенциал, но он стал наращивать другие экономические функции, связанные с развитием сферы услуг. Если в 1997 г. на него приходилось 3,3 % суммарного ВРП субъектов РФ (а на промышленность — 2,3 % отгруженных товаров собственного производства), то в 2020 г. — 5,6 % (на промышленность — 4,1 %). По объему ВРП он уступает только Москве и Московской области. В Ленинградской же и, особенно, в Калининградской областях промышленность (особенно обрабатывающая) развивалась темпами выше средних по стране и быстрее других видов экономической деятельности; здесь со-

¹ Валовой региональный продукт в основных ценах (ОКВЭД 2), *ЕМИСС*, URL: <https://fedstat.ru/indicator/59448> (дата обращения: 06.08.2022); Регионы России. Социально-экономические показатели, *Росстат*, URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 06.08.2023).

отношение доли ВРП с долей отгруженных промышленностью товаров иное. Доля промышленности в 2020 г. в Ленинградской области в процентах к РФ составила 1,9%, а ВРП — 1,3%; в Калининградской области — соответственно 0,9 и 0,6%¹.

Масштабные незаконные санкции (правильнее — рестрикции) 2022 г. сильнее сказались на снижении производства двух из трех регионов по сравнению со средними по РФ показателями из-за обусловленности работы многих обрабатывающих производств импортными поставками. Если в целом по стране обрабатывающая промышленность за 2022 г. сократила выпуск продукции на 1,3%, то в Ленинградской области — на 2,7%, в Калининградской — на 19,5%. Больше всего пострадали предприятия, работающие на импортных комплектующих. На автосборке уровень производства по сравнению с 2021 г. составил соответственно 31,6 и 36,5%², значительно уменьшили производство деревообработка, производство мебели, ремонт машин и оборудования. В Калининградской области — еще и производство компьютеров, железнодорожных вагонов, металлургия. Но пищевая промышленность (не импортирующая сырье из стран ЕС вследствие ответных мер на рестрикции) снизила производство незначительно, а по ряду производств и увеличила его. Обрабатывающая промышленность Санкт-Петербурга оказалась более устойчивой к внешним воздействиям и увеличила производство на 5,1%, хотя и здесь, как и в двух областях, сократилась, например, автосборка или ремонт машин и оборудования. Но в большинстве отраслей производство возросло, особенно в пищевой промышленности, производстве текстильных изделий, одежды и обуви³.

Внешнеполитические отношения и геополитическая типология стран Балтийского региона

Внешнеполитические отношения после периода неопределенности 1990-х и начала 2000-х гг., в связи с игнорированием Западом российских интересов постепенно начали ухудшаться, серьезно осложнившись в 2014 г., а после 24 февраля 2022 г. превратились в проблемные. В 2014 г. Евросоюз ввел против России незаконные экономические санкции, к которым присоединились и все страны — члены ЕС, расположенные в Балтийском регионе.

В 2014—2021 гг. все страны Балтийского региона по отношению к России можно было разделить на следующие геополитические группы (при общей антироссийской направленности их внешней, военной и внешнеэкономической политики):

1. Германия, которая пыталась сохранить особые отношения с Россией, сложившиеся еще во времена СССР в 1980-х гг. Но в сентябре 2020 г., воспользовавшись сфабрикованным на Западе делом об «отравлении Алексея Навального», Берлин принял решение отказаться от проведения особой политики в отношениях с Россией. Полностью эти особые отношения исчезли после начала СВО.

2. Страны, которые не поддерживали дополнительные санкции против России (сверх введенных ЕС) (Финляндия, в меньшей степени Дания, которая, однако, препятствовала строительству газопровода «Северный поток-2»).

¹ Рассчитано на основе данных: Индекс промышленного производства (значение показателя за год), ЕМИСС, URL: <https://fedstat.ru/indicator/43045> (дата обращения: 06.08.2023); Регионы России: Стат. сб. : в 2 т. М. : Госкомстат России, 1999. Т. 2. 861 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022. М. : Росстат. 2022. 1122 с.

² Индекс производства (оперативные данные) (ОКВЭД2) (процент, Крупные, средние и малые организации), ЕМИСС, URL: <https://fedstat.ru/indicator/57806> (дата обращения: 06.08.2023).

³ Там же.

3. Наиболее антироссийски настроенные страны Балтийского региона — Польша, страны Прибалтики (так, Польша, Литва и Латвия установили дополнительные антироссийские меры сверх общих санкций) и Швеция (которая активно поддерживала санкции против России).

Затем за период с 23 февраля 2022 г. по 23 июня 2023 г. ЕС ввел против РФ 11 пакетов санкций. Для экономики балтийских регионов РФ главную негативную роль играют ограничения на экспорт из РФ 20 % наименований товаров и на импорт — 60 %, а также введенные 26—27 февраля (в зависимости от страны) запреты на полеты российских самолетов над территорией стран ЕС. Для Калининградской области трудности связаны также с ограничением с 18 июня 2022 г. транзита через Литву большого перечня ввозимых и вывозимых товаров.

Согласно Распоряжению Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р (с изменениями и дополнениями), все зарубежные страны Балтийского региона включены в перечень иностранных государств, совершающим недружественные действия по отношению к РФ, российским юридическим и физическим лицам. С ними сокращаются взаимоотношения и к ним применяются различные ответные меры, затрудняющие развитие их экономики. Таким образом, даже та небольшая дифференциация между странами Балтийского региона, которая отмечалась в 2014—2021 гг., практически исчезла и мы имеем здесь дело с «антироссийским фронтом» во главе с США, НАТО и ЕС.

Согласно опросу, проведенному онлайн в 53 странах мира весной 2023 г. Фондом Альянса демократий (некоммерческой организацией, основанной в 2017 г. бывшим главой НАТО Андерсом Фогом Расмуссенем), соотношение позитивных и негативных оценок России составляет в Польше – 68 %¹, в Дании — – 57 %, в Швеции — – 55 %, в Германии — – 51 % и в Норвегии — – 43 % (в Прибалтике опрос не проводился, но можно предположить, что там были бы получены показатели, близкие к польским. За пределами исследования осталась и Финляндия). Таким образом, в Балтийском регионе сосредоточены, пожалуй, достаточно негативно настроенные по отношению к России европейские страны (за его пределами, по данным опроса, сходные показатели отмечаются у Португалии (–69 %), Испании (–66 %), Великобритании (–57 %), Ирландии (–55 %), Австрии (–47 %), Франции (–42 %))². При этом следует отметить, однако, что баланс по сравнению с опросом 2022 г. сдвинулся в положительном для России направлении у всех стран Балтийского региона, что, видимо, связано с нарастающей усталостью граждан от поддержки их странами Украины в условиях нарастания внутриэкономических и политических проблем.

По объемам военной помощи Украине с 24 января 2022 г. по 31 мая 2023 г. Германия занимала 2-е место в мире (после США), Польша — 4-е, Дания — 6-е, Швеция — 8-е, Финляндия — 9-е, Норвегия — 10-е. Таким образом в первой десятке стран, оказывающих Украине военную помощь, шесть представляют расширенный Балтийский регион (с учетом Норвегии). Литва (14-е место), Эстония (16-е) и Латвия (18-е) входят во вторую десятку, при этом лидируя в мире по отношению общей государственной помощи Украине к ВВП³. Все это — еще одно свидетельство антироссийской внешнеполитической ориентации зарубежных государств региона.

¹ В Европе больше только на Украине (–79 %) и в Португалии (–69 %).

² Democracy Perception Index — Online Results 2023, *Alliance of Democracies*, URL: <https://www.allianceofdemocracies.org/initiatives/the-copenhagen-democracy-summit/dpi-2023/> (дата обращения: 06.08.2023).

³ Ukraine Support Tracker. A Database of Military, Financial and Humanitarian Aid to Ukraine, *Kiel Institute for World Economy*, URL: <https://www.ifw-kiel.de/topics/war-against-ukraine/ukraine-support-tracker/> (дата обращения: 06.08.2023).

Все зарубежные страны Балтийского региона принимают участие в санкциях, введенных против России.

Литва и Латвия понизили уровни дипломатических отношений с Россией (отзывали послов из Москвы и предписали российским послам покинуть Вильнюс и Ригу). Литва закрыла российское консульство в Клайпеде и свое в Санкт-Петербурге, Латвия закрыла Генконсульства России в Даугавпилсе и Лиенае, Эстония закрыла российское генконсульство в Нарве и консульское отделение в Тарту.

В марте 2022 г. Литва выслала 4 российских дипломата, Латвия — 3, Эстония — также 3, Польша — 45 сотрудников посольства и торгового представительства РФ. Германия в апреле выслала 40 российских дипломатов, Дания — 15, Швеция — 3, Финляндия — 2. Кроме того, в апреле 2022 г. Латвия выслала еще 13 российских дипломатов, Эстония — еще 14 сотрудников посольства России, 7 из которых имели дипломатический статус.

Сейм Литвы 10 мая 2022 г. единогласно признал Россию «государством, поддерживающим и осуществляющим терроризм». Одиннадцатого августа 2022 г. признал Россию «государством, поддерживающим терроризм» и Сейм Латвии. Литва 3 октября 2022 г. объявила персоной нон-грата и выслала российского поверенного в делах.

Финляндия, Эстония, Латвия, Литва и Польша закрыли границу для российских туристов. Финляндия 20 сентября 2022 г. направила в Еврокомиссию письмо с просьбой дать общие рекомендации всем странам Шенгенского соглашения относительно признания недействительными или аннулирования виз, выданных гражданам России, и введения запретов на въезд.

Закончились особые отношения между Россией и Германией. В своем выступлении в Бундестаге 27 февраля 2022 г. канцлер Германии Олаф Шольц объявил о переломном моменте (*Zeitenwende*) для ведения Германией иностранных дел. Новая доктрина представляет собой разрыв с традиционной немецкой Восточной политикой (*Ostpolitik*) [31; 32]. В первой в истории Германии Стратегии национальной безопасности, принятой весной 2023 г., Россия рассматривается как неминуемая угроза [33]. Идет разрыв связей практически по всем направлениям, хотя немецкий бизнес сохраняет значительное присутствие в нашей стране.

О невозможности продолжать отношения в прежнем виде с Россией заявила Финляндия. С российского рынка (в том числе из Санкт-Петербурга и Ленинградской области) уходят финские компании, причем процесс их ухода начался еще с 2014 г. Россия отозвала с 1 октября 2023 г. согласие на деятельность генконсульства Финляндии в Санкт-Петербурге.

Финляндия и Швеция 18 мая 2022 г. подали заявку на присоединение к НАТО. Министры иностранных дел Финляндии и Швеции и послы 30 стран НАТО 5 июля 2022 г. подписали протоколы о вступлении двух северных стран в Североатлантический альянс. Финляндия 4 апреля 2023 г. стала 31-м членом НАТО. Соглашение о вступлении Швеции в НАТО на момент написания этой статьи еще не ратифицировали только Турция и Венгрия. Однако 10 июля 2023 г. по итогам закрытой встречи президента Турции Реджепа Эрдогана и премьер-министр Швеции Ульфа Кристерссона в Вильнюсе было заявлено, что Турция согласилась ратифицировать протокол о приеме Швеции в НАТО.

Трансграничное сотрудничество

В изменившихся условиях объективно ограничиваются не только политические, но и все другие международные связи российских регионов на Балтике со странами Балтийского региона, в том числе трансграничное сотрудничество, которое до

этого было хорошо развито. Население и власти приграничных регионов соседних стран его поддерживали. Например, жители и руководство польского пограничья выступали против прекращения по инициативе Польши местного приграничного передвижения (действовавшего на польско-российской границе в 2012—2016 гг.).

В марте 2022 г. Еврокомиссия приостановила все программы приграничного сотрудничества Европейского инструмента соседства, в том числе «Россия — Юго-Восточная Финляндия», «Россия — Эстония», «Россия — Латвия», «Россия — Литва», «Россия — Польша», в которых активно участвовали исследуемые российские регионы на Балтике. Прекращено участие России в программе транснационального сотрудничества «Регион Балтийского моря». Остановлены совместные проекты с партнерством «Северное измерение». В ответ на враждебные действия Россия в мае вышла из СГБМ. В июле Россия заявила об отказе сотрудничества с Северным советом министров. Полностью прекратилась деятельность еврорегионов, в пяти из которых формально участвовала Калининградская область (хотя реально к 2022 г. функционировали только два — «Балтика» и «Неман»).

Хотя официальной информации об отмене «Российско-германской дорожной карты сотрудничества в области образования, науки, научных исследований и инноваций» (подписана 10 декабря 2018 г.), в которой активно участвуют среди прочих образовательные и научные учреждения Санкт-Петербурга, нет, в нынешних условиях она вряд ли может быть реализована. Это касается и других программ и проектов международного научно-технического сотрудничества и образовательных программ с участием Санкт-Петербурга, Ленинградской и Калининградской областей со странами Балтийского региона. По опыту автора и его коллег известно, что научные журналы Польши прекратили принимать статьи российских ученых.

Внешнеторговые связи

Все три региона благодаря наличию морских портов играют важную роль во внешней торговле России. Помимо транзитных перевозок, имеющих особенно большое значение в экспорте углеводородов и лесоматериалов (порты Ленинградской области и Санкт-Петербург), морской транспорт поставляет в больших количествах сырье и полуфабрикаты для импортозамещающих и отчасти экспортно ориентированных производств самих регионов, а также потребительские товары для нужд населения, обеспечивает экспорт производимой продукции. Балтийский морской бассейн — второй по объемам грузооборота (245,6 млн т в 2022 г., 29,2 % грузооборота всех портов РФ) — лишь немного уступает Азово-Черноморскому (263,6 млн т)¹. В апреле 2023 г. доля Балтийского бассейна в общем грузообороте всех морских портов России соответствовала 30,4 %².

Несмотря на возможности активного морского сообщения, до последнего времени транспортные связи Калининграда по морю с двумя другими регионами были незначительными. Из 3 млн т общего объема перевозок грузов между Калининградом и Санкт-Петербургом с Ленинградской областью введенная в строй в 2006 г. паромная линия Усть-Луга — Балтийск имела мощность только 700 тыс. т грузов в год. В 2015 г. она пополнилась вторым судном. Беспрецедентные санкции 2022 г.

¹ Грузооборот морских портов России в 2022 году вырос на 0,7 % — до 841,5 млн тонн, 12.01.2023, *PortNews*, URL: <https://portnews.ru/news/341316/> (дата обращения: 06.08.2023).

² Грузооборот Балтийского бассейна в апреле 2023: выросла перевалка пищевого налива, 19.05.2023, *Sea News*, URL: <https://seanews.ru/2023/05/19/ru-gruzooborot-baltijskogo-bassejna-v-aprele-2023-vyroslo-perevalka-pishhevo-naliva/> (дата обращения: 06.08.2023).

охватили не только импортные грузы России, но и транзит по территории Литвы. На более чем тысячу наименований товаров (на них в 2021 г. приходилось 60 % объема перевозок) установлены ограничения (первоначально даже запрет) на транзит в размере его средних объемов за три года. Для перевозок дополнительного количества грузов число судов на линии между Калининградской областью и двумя другими регионами РФ на Балтике увеличилось к марту 2023 г. до 18¹.

Актуальнейшей задачей для эксклавной области стала товарная и географическая реструктуризация внешних связей, в которых экспортно-импортные товаропотоки превышают перевозки с другими частями РФ. При этом вывоз из Калининградской области в другие регионы РФ значительно превышает ввоз. Такая структура внешних связей области отражает специфику функционирования Особой экономической зоны (разные режимы которой действуют с 1996 г.) — и импортозамещающее, и экспортное направления производства работают на импортном сырье и полуфабрикатах. При этом большая часть импорта (особенно узлы для автосборочного производства, детали для телевизионного и компьютерного производства, различное оборудование) поступала из «недружественных» стран.

В 2022 г. грузооборот российских портов на Балтике, во многом все еще ориентированный на «недружественные» государства, резко усилившие меры незаконного ограничения торговли с Россией многими товарами, сократился при росте по всем остальным бассейнам (кроме Каспийского). За 2022 г. по сравнению с 2021 г. уменьшение составило 2,9 % при росте 0,7 % в целом по РФ². Дело в том, что в экспорте трех балтийских субъектов РФ преобладают нефть и нефтепродукты, природный газ, лесоматериалы, в импорте — оборудование и другие товары, торговлю которыми страны ЕС ограничили. Происходящая перераспределение грузопотоков на страны Азии, Латинской Америки и Африки ведет к росту грузооборота портов Арктического, Азово-Черноморского и Дальневосточного бассейнов.

До последнего времени важными внешнеторговыми партнерами трех регионов были страны Балтийского региона. Из приходившихся на эти страны в 2014 г. 29 % внешнеторгового оборота трех регионов 10,2 % составляла торговля с Германией, с пограничными с Ленинградской областью Финляндией — 6,2 %, Эстонией — 5,4 %. Только 2 % приходилось на торговлю с Латвией, по 1,8 % — со Швецией и Данией. Наименее активной была торговля с граничащими с Калининградской областью странами — Польшей (1,2 %) и Литвой (0,3 %), что неудивительно, поскольку отношения с ними у России в последние годы складывались наименее удовлетворительно³.

В 2021 г. удельный вес стран Балтийского региона снизился до примерно 16 %, в том числе Германии — до 6,4 %, Финляндии — до 2,8 %, Эстонии (занявшей 4-е место) — до более чем 1,9 %. На 3-м месте оказалась Польша (2,0 %), удельный вес которой, как и Литвы (1,4 %), оставаясь крайне низким, возрос по сравнению с 2014 г. На Данию приходилось около 1,2 %, на Латвию — около 0,8 %, на Швецию — около 0,6 %. Во внешнеторговом обороте всех трех регионов лидером стал Китай, сменивший в первых двух регионах Нидерланды, а в Калининградской области — Германию. При этом если в товарообороте Санкт-Петербурга прежний

¹ Число судов на линии Петербург-Калининград выросло до 18, 07.03.2023, *Морские вести России*, URL: <https://morvesti.ru/news/1679/101369/> (дата обращения: 06.08.2023).

² Грузооборот морских портов России в 2022 году вырос на 0,7 % — до 841,5 млн т, 12.01.2023, *PortNews*, URL: <https://portnews.ru/news/341316/> (дата обращения: 06.08.2023).

³ Рассчитано по: База данных экспорта и импорта России (ВЭД). Данные с января 2013 по январь 2022, *Информационная система Ru-Stat*, URL: <https://ru-stat.com/database/> (дата обращения: 06.08.2023).

лидер Нидерланды переместился на вторую строчку, то в товарообороте Ленинградской области в 2022 г. Нидерланды были только на 6-м месте, а Германия в товарообороте Калининградской области на 7-м¹.

Геополитическая и военно-политическая обстановка на Балтике

Геополитическая и военно-политическая обстановка в Балтийском регионе резко ухудшилась по сравнению с тем периодом, когда задумывалось и начиналось данное исследование. Окончательно сложилась конфигурация «все против России». Западные государства, входящие в созданный в 1992 г. Совет государств Балтийского моря (СГБМ) отказались от равноправного диалога с Россией и превратили Совет в инструмент антироссийской политики. В связи с этим 17 мая 2022 г. Россия, как уже упоминалось выше, заявила о выходе из этой организации (членство России было приостановлено СГБМ 4 марта 2022 г).

После вступления в НАТО Финляндии и в обозримом будущем Швеции Балтийское море в значительной степени превратится во «внутреннее море НАТО» (Россия контролирует только 7% его береговой линии). Североатлантический альянс получает возможность контролировать вход в Финский залив и, следовательно, пути к военно-морской базе Кронштадт и российским портам в нем. Под его контролем также оказываются воздушные и морские пути, связывающие эксклавную Калининградскую область с основной частью России. Следует учитывать возможное появление американских ударных ракетных систем HIMARS на шведском острове Готланд. С новыми оперативно-тактическими ракетами PrSM (дальность стрельбы 650 км) в зоне поражения оттуда окажется вся Калининградская область.

Дополнительным фактором обострения военно-политической обстановки в Балтийском регионе становится начавшееся увеличение вдвое польских вооруженных сил, перед которыми поставлена задача стать самой мощной армией в Европе, и массивные закупки ими современного вооружения и военной техники.

Ярким индикатором обострения военно-политической обстановки в Балтийском регионе стали взрывы в результате терактов на газопроводах «Северный поток» и «Северный поток-2» 26 сентября 2022 г. Подобных событий не происходило даже в худшие периоды Холодной войны.

Россия, разумеется, не останется безучастной к негативным изменениям военно-политической обстановки в Балтийском регионе и будет вынуждена принять ответные меры военного характера. По мнению российских экспертов, на Северо-Западе России появятся дополнительные части сухопутных войск, силы и средства ВКС и ПВО, ракетное оружие, будет усилен Балтийский флот. После вступления в НАТО Швеции и Финляндии, как заявил заместитель председателя Совета безопасности РФ Д. А. Медведев, «ни о каком безъядерном статусе Балтики речь идти уже не сможет...»², то есть в регионе будет развернуто российское ядерное оружие.

Исходя из обостряющейся военно-политической обстановки на Балтике, мы предлагаем продолжить укрепление «зон ограничения и воспрещения зон доступа и маневра» (A2/AD) в Калининградской области и вокруг Санкт-Петербурга. Именно в этих регионах, среди некоторых других, должны быть в первую очередь развернуты новые ЗРС С-500 «Прометей» и, возможно, мобильные системы ПРО/ПКО «Нудоль». В связи с идущим развертыванием в составе ВВС США в Европе и в ВВС ряда европейских стран НАТО малозаметных истребителей-бомбардировщиков пятого поколения F-35 представляется целесообразным включить в состав

¹ Там же.

² Балтика может потерять безъядерный статус, заявил Медведев, 14.04.2022, *РИА Новости*, URL: <https://ria.ru/20220414/baltika-1783465933.html> (дата обращения: 06.08.2023).

ЗВО в Балтийском регионе (возможно, в Калининградской области) российские истребители пятого поколения Су-57 и действующие с ними совместно тяжелые ударные БПЛА С-70 «Охотник». В ответ на начинающиеся массированные закупки Польшей РСЗО HIMARS и K239 Chunmoo, а также 155-мм самоходных гаубиц К9А Thunder необходимо укрепить артиллерию российской военной группировки в Калининградской области современным вооружением. Для сдерживания США и НАТО в качестве ответной меры должно быть проработано развертывание на Западном стратегическом направлении (в том числе в Калининградской области) РСМД наземного базирования (включая гиперзвуковые), а также высокоточных крылатых ракет «Калибр-М» морского базирования (см. подробнее: [34, с. 66—68]).

Большое значение для обеспечения военной безопасности в условиях наращивания у ее границ сил и средств НАТО эксклавной Калининградской области имеет формирующийся субрегиональный комплекс безопасности (СРКБ) Республика Беларусь — Калининградская область РФ (см. подробнее: [35]).

Текущая и прогнозируемая расстановка политических сил в зарубежных странах Балтийского региона и настроения основной массы населения исключают, как представляется, в обозримом будущем приход к власти в какой-либо из них сил, настроенных на дружбу и сотрудничество с Россией. Согласно опыту Холодной войны противостояние может длиться десятилетиями. Тем не менее под воздействием тягот экономического кризиса, вызванного прежде всего антироссийскими санкциями, возможен возврат к некоторым формам прагматично сотрудничества, в первую очередь с Германией и Финляндией. Однако, видимо, этому всеми силами будут препятствовать США, а также Евросоюз и НАТО.

Заключение. Обеспечение динамичного развития балтийских регионов России и повышение уровня их экономической безопасности

В новых стратегиях социально-экономического развития балтийских субъектов Российской Федерации необходимо предусмотреть дальнейшую реструктуризацию их внешнеторговых и в целом международных связей. Речь идет о снижении роли стран Балтийского региона во внешней торговле балтийских субъектов РФ, как и всех «недружественных» стран, в пользу государств, продолжающих сотрудничество, с тем чтобы повысить устойчивость и динамизм внешнеторговых связей и экономического развития России и ее субъектов. Реструктуризации способствует приморское положение балтийских регионов России, все активнее использующих морские перевозки для развития внешнеэкономических связей. Перспективным представляется переориентация части международной торговли на межрегиональную, тесная взаимная кооперация трех регионов в различных видах экономической деятельности.

В связи с прекращением сотрудничества западной стороной выбывающие возможности должны быть компенсированы (и уже компенсируются) за счет развития научно-технического сотрудничества со странами ЕАЭС, БРИКС, ШОС и другими государствами Азии, Латинской Америки и Африки. Опыт прекратившегося трансграничного сотрудничества, с учетом накопленного опыта, предлагается использовать для формирования программ межрегионального сотрудничества Союзного государства.

Для обеспечения устойчивого развития трех балтийских субъектов РФ (особенно эксклавной Калининградской области) большое значение имеет упрочение взаимных связей и кооперации. Перспективным представляется более активное разви-

тие межрегиональных связей, переориентация части международной торговли на межрегиональную, тесная взаимная кооперация трех регионов в различных видах экономической деятельности.

Для Калининградской области жизненно важно развитие с двумя другими регионами интенсивного морского и воздушного транспортного сообщения, способствующего формированию территориально распределенных отраслевых и межотраслевых кластеров. Их создание возможно в судостроении, автомобилестроении, ювелирной промышленности (в том числе с использованием янтаря); в рыбопромышленном, агропромышленном, туристско-оздоровительном и медицинском, научно-образовательном комплексах. Речь должна идти о включении области в единую территориальную социально-экономическую систему с двумя другими балтийскими регионами России. Меры по ее формированию предлагается предусмотреть в Стратегии развития Северо-Западного федерального округа, Стратегии пространственного развития России и стратегиях социально-экономического развития Санкт-Петербурга, Ленинградской и Калининградской областей. Для повышения экономической безопасности регионов, особенно эксклавной Калининградской области, в новых стратегиях социально-экономического развития регионов рекомендовано предусмотреть более полное использование внутренних природных, трудовых, инновационных ресурсов. Одновременно с развитием морского и воздушного сообщения с использованием возможностей международных вод Балтийского моря следует добиваться, в соответствии с международным правом, более обязывающих соглашений о сухопутном транзите грузов и пассажиров между Калининградской областью и остальными регионами России через территории стран Прибалтики.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке проекта РНФ № 22-27-00289 «Обоснование реструктуризации международных связей и мер обеспечения военно-политической безопасности российских регионов на Балтике в условиях углубления геополитических противоречий».

Список литературы

1. Федоров, Г. М., Зверев, Ю. М. 1995, Калининградские альтернативы, Калининград, Издательство Калининградского ун-та, 158 с.
2. Федоров, Г. М., Зверев, Ю. М., Корнеевец, В. С. 1997, *Российский эксклав на Балтике*, Калининград, Издательство Калининградского ун-та, 312 с. EDN: XVWGKR
3. Федоров, Г. М., Зверев, Ю. М., Корнеевец, В. С. 2013, *Россия на Балтике: 1990—2012 годы*, 2-е изд., доп. и перераб., Калининград, Издательство БФУ им. И. Канта, 252 с. EDN: SWPSQZ
4. Palmowski, T. 2013, Trójmiasto — Kaliningrad: bipolarny europol?, *Pomorski Przegląd Gospodarczy*, 8 października 2013, URL: <https://ppg.ibngr.pl/pomorski-przeglad-gospodarczy/trójmiasto-kaliningrad-bipolarny-europol> (дата обращения: 06.08.2023).
5. Кивикари, У. 1996, *Экономическое пространство Балтийского региона*, Хельсинки, Отава, 160 с.
6. Maciejewski, W. (ed.). 2002, *The Baltic Sea Region. Cultures, Politics, Societies*, Uppsala, The Baltic University Press, 676 p.
7. Anisiewicz, R., Palmowski, T. 2019, Współpraca Polski z Obwodem Kaliningradzkim Federacji Rosyjskiej jako istotny element integracji Bałtyckiej, *Prace i Studia Geograficzne*, № 1 (64), p. 13—27.
8. Palmowski, T. 2013, *Kaliningrad — szansa czy zagrożenie dla Europy Bałtyckiej?* Monografia społeczno-gospodarcza, Wydawnictwo “Bernardinum”, Gdańsk — Pelplin, 352 p.
9. Федоров, Г. М. (ред.). 2020, *Западное порубежье России: моделирование развития и обеспечение экономической безопасности*, Калининград, Издательство БФУ им. И. Канта, 319 с. EDN: JOANPD

10. Федоров, Г. М. (ред.). 2021, *Экономическая безопасность регионов Западного порубежья России*, Калининград, Издательство БФУ им. И. Канта, 232 с. EDN: LJKKFA
11. Федоров, Г. М., Зверев, Ю. М. 2020, *Калининградские альтернативы: 25 лет спустя*, Калининград, Издательство БФУ им. И. Канта, 315 с. EDN: JRSSAE
12. Федоров, Г. М. (ред.). 2021, *Вызовы и перспективы развития Калининградской области: геополитика и геоэкономика*, Калининград, Издательство БФУ им. И. Канта, 183 с. EDN: DUBKAW
13. Minkina, M. 2022, The relations of the Russian Federation with the West between 1991 and 2014, *Przegląd Wschodnioeuropejski*, vol. 13, № 2, p. 111—123, <https://doi.org/10.31648/pw.8452>
14. Cottey, A. 2022, The West, Russia and European security: Still the long peace? *British Journal of Politics and International Relations*, vol. 24, № 2, p. 207—223, <https://doi.org/10.1177/136914812111036381>
15. Ostrowski, W. 2022, The Twenty Years' Crisis of European Energy Security: Central and Eastern Europe and the US, *Geopolitics*, vol. 27, № 3, p. 875—897, <https://doi.org/10.1080/14650045.2020.1835863>
16. Baranovsky, V. G., Buzhinsky, E. P., Zagorsky, A. V., Nikitin, A. I., Oznobishchev, S. K. 2022, Avoiding nuclear war. Problems of escalation/de-escalation of armed conflicts when approaching the “nuclear threshold”, *Polis. Political Studies*, № 6, p. 114—134, <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.06.09>
17. Bański, J. 2022, The Issues of Changing Geopolitical Challenges — The Case of Poland. In: Rocha, Á., Fajardo-Toro, C. H., Rodríguez, J. M. R. (eds.), *Developments and Advances in Defense and Security. Smart Innovation, Systems and Technologies*, vol. 255, p. 373—382, https://doi.org/10.1007/978-981-16-4884-7_31
18. Zięba, R. 2023, EU and NATO Eastern Policy. In: Zięba, R. (eds.), *Politics and Security of Central and Eastern Europe. Contributions to Political Science*, p. 119—136, https://doi.org/10.1007/978-3-031-16419-4_6
19. Jonsson, M., Norberg, J. 2022, Russia's War Against Ukraine: Military Scenarios and Outcomes, *Survival*, vol. 64, № 6, p. 91—122, <https://doi.org/10.1080/00396338.2022.2150429>
20. Prohorovs, A. 2022, Russia's War in Ukraine: Consequences for European Countries' Businesses and Economies, *Journal of Risk and Financial Management*, vol. 15, № 7, art. № 295, <https://doi.org/10.3390/jrfm15070295>
21. Girinsky, A. A. 2023, On “Conservative Balance” and “Traditional Values”, *Russia in Global Affairs*, vol. 21, № 3, p. 24—37, <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2023-21-3-24-37>
22. Moiseev, D. S., Kharin, A. N., Sigachev, M. I., Arteev, S. P. 2023, Conservative Values as a Bridge between Russia and the West, *Russia in Global Affairs*, vol. 21, № 3, p. 38—60, <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2023-21-3-38-60>
23. Allin, D. H., Jones, E. 2022, Sleepwalking to Solidarity? Russia, Ukraine and the European Dream, *Survival*, vol. 64, № 3, p. 213—222, <https://doi.org/10.1080/00396338.2022.2078059>
24. Бордачев, Т. 2023, Россия: вопрос о самоценности, *Россия в глобальной политике*, URL: <https://globalaffairs.ru/articles/vopros-o-samocennosti/> (дата обращения: 19.10.2023).
25. Лукьянов, Ф. 2023, «Россия как страна здравого смысла — вот это было бы здорово», *Россия в глобальной политике*, URL: <https://globalaffairs.ru/articles/strana-zdravogo-smysla/> (дата обращения: 19.10.2023).
26. Бакланов, П. Я., Дружинин, А. Г., Мошков, А. В. 2021, Круглый стол «Евразийский вектор современной хозяйственной активности России: тихоокеанская геополитическая и геоэкономическая проекция», *Тихоокеанская география*, № 3 (7), с. 75—77. EDN: UKHNSA
27. Дружинин, А. Г. 2021, Евразийство Л. Н. Гумилёва: магистральные идеи и потенциал их современной аппликации, *Геополитика и экогеодинамика регионов*, т. 7, № 4, с. 5—15. EDN: IAWMMA
28. Дружинин, А. Г. 2022, Евразийские идеи Л. Н. Гумилёва и их значение для России в XXI веке, В: Михеева, Н. М., Каледин, Н. В. (ред.), *Региональная политика, политическая география и геополитика: история и современность*, Санкт-Петербург, с. 40—47. EDN: IAWMMA

29. Ворожеина, Я. А., Клемешев, А. П., Комлева, Н. А., Дружинин, А. Г., Белозеров, В. К., Федоров, Г. М., Волошенко, К. Ю. 2023, Геополитическая безопасность России: к постановке проблемы, *Балтийский регион*, т. 15, № 1, с. 153–169, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-1-9>

30. Федоров, Г. М. 2022, Экономика регионов России на Балтике: уровень и динамика развития, структура, внешнеторговые партнерства, *Балтийский регион*, т. 14, № 4, с. 20–38, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-2>

31. Blumenau, В. 2022, Breaking with convention? Zeitenwende and the traditional pillars of German foreign policy, *International Affairs*, vol. 98, № 6, p. 1895–1913, <https://doi.org/10.1093/ia/iiacl66>

32. Stent, А. 2022, Germany and Russia: Farewell to Ostpolitik? *Survival*, vol. 64, № 5, p. 27–38, <https://doi.org/10.1080/00396338.2022.2126194>

33. Kamp, К.-Н. 2023, The Zeitenwende at Work: Germany's National Security Strategy, *Survival*, vol. 65, № 3, p. 73–80, <https://doi.org/10.1080/00396338.2023.2218698>

34. Зверев, Ю. М. 2023, *Военно-политическая и военная безопасность Калининградской области: информационно-аналитический доклад*, Калининград, Издательство БФУ им. И. Канта, 75 с. EDN: MWTKXG

35. Зверев, Ю. М., Межевич, Н. М. 2022, Республика Беларусь и Калининградская область России как субрегиональный комплекс безопасности, *Балтийский регион*, т. 14, № 3, с. 64–82, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-3-4>

Об авторе

Юрий Михайлович Зверев, кандидат географических наук, доцент ОНК «Институт управления и территориального развития», Балтийский федеральной университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: Yzverev@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5048-7481>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

THREE RUSSIAN BALTIC REGIONS IN THE CONTEXT OF CONFRONTATION BETWEEN RUSSIA AND THE WEST

Y. M. Zverev

Immanuel Kant Baltic Federal University,
14, A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236016, Russia

Received 21 August 2023
Accepted 24 October 2023
doi: 10.5922/2079-8555-2023-4-2
© Zverev, Yu. M., 2023

This study examines the features, limitations and development prospects of three Russian territories bordering the Baltic Sea — St. Petersburg, and the Leningrad, and Kaliningrad region — amid the sharply heightened confrontation between Russia and the West, which has

To cite this article: Zverev, Yu. M. 2023, Three Russian Baltic regions in the context of confrontation between Russia and the West, *Baltic region*, vol. 15, № 4, p. 24–41. doi: 10.5922/2079-8555-2023-4-2

affected the Baltic region. The time frame spanning from 2014 to 2023 was chosen for the study. This period encompasses the sanctions imposed by Western countries and their associations, primarily the EU, in response to the return of Crimea and Sevastopol to Russia, and extends up to the present day, when the relations between Russia and the West, as many experts and politicians have emphasised, have reached a critical point and may require substantial changes in the global order, including at macro-regional levels, for a return to what was once considered 'business as usual'. The study examines the development level and dynamics in the three regions, alongside their economic security. Another focus is on foreign policy and a geopolitical typology of the Baltic region states. The article investigates the impact of a changed geopolitical landscape on cross-border cooperation, the restructuring of foreign trade relations in Russia's three Baltic regions, and the geopolitical and military factors influencing the development and security of these territories. Based on the findings, several suggestions are provided to promote the ongoing growth of Russia's Baltic regions and enhance their economic and military security.

Keywords:

Baltic region, Russian Federation, EU, NATO, St Petersburg, Leningrad region, Kaliningrad region, confrontation between Russia and the West

References

1. Fedorov, G. M., Zverev, Yu. M. 1995, Kaliningradskie al'ternativy [Kaliningrad alternatives], Kaliningrad, 158 p. (in Russ.).
2. Fedorov, G. M., Zverev, Yu. M., Korneevets, V. S. 1997, Rossiiskii eksklav na Baltike [Russian exclave in the Baltic], Kaliningrad, 312 p. EDN: XVWGKR (in Russ.).
3. Fedorov, G. M., Zverev, Yu. M., Korneevets, V. S. 2012, Rossiya na Baltike: 1990—2012 gody [Russia on Baltic: 1990—2012], Kaliningrad, 252 p. EDN: SWPSQZ (in Russ.).
4. Palmowski, T. 2013, Trójmiasto — Kaliningrad: bipolarny europol?, *Pomorski Przegląd Gospodarczy*, 8 października 2013, URL: <https://ppg.ibngr.pl/pomorski-przeglad-gospodarczy/trosjmiasto-kaliningrad-bipolarny-europol> (accessed 06.08.2023).
5. Kivikari, U. 1996, *Ekonomicheskoe prostranstvo Baltiiskogo regiona*, Khel'sinki, Otava, 160 s.
6. Maciejewski, W. (ed.). 2002, *The Baltic Sea Region. Cultures, Politics, Societies*, Uppsala, The Baltic University Press, 676 p.
7. Anisiewicz, R., Palmowski, T. 2019, Współpraca Polski z Obwodem Kaliningradzkim Federacji Rosyjskiej jako istotny element integracji Bałtyckiej, *Prace i Studia Geograficzne*, № 1 (64), p. 13—27.
8. Palmowski, T. 2013, Kaliningrad — szansa czy zagrożenie dla Europy Bałtyckiej? Monografia społeczno-gospodarcza, Wydawnictwo "Bernardinum", Gdańsk—Pelplin, 352 p.
9. Fedorov, G. M. (ed.). 2020, *Zapadnoe porubezh'e Rossii: modelirovanie razvitiya' i obespechenie ekonomicheskoi bezopasnosti* [Western borders of Russia: modeling development and ensuring economic security] Kaliningrad, 319 p. EDN: JOANPD (in Russ.).
10. Fedorov, G. M. (ed.). 2021, *Ekonomicheskaya bezopasnost' regionov Zapadnogo porubezh'ya Rossii* [Economic security of the regions of the Western border of Russia], Kaliningrad : Izd-vo BFU im. I. Kanta, 232 p. EDN: LJKKFA (in Russ.).
11. Fedorov, G. M., Zverev, Y. M. 2020, Kaliningradskie al'ternativy: 25 let spustya [Kaliningrad alternatives: 25 years later], Kaliningrad : Izd-vo BFU im. I. Kanta, 315 p. EDN: JRSSAE (in Russ.).
12. Fedorov, G. M. (ed.). 2021, *Vyzovy i perspektivy razvitiya Kaliningradskoi oblasti: geopolitika i geekonomika* [Challenges and prospects for the development of the Kaliningrad region: geopolitics and geoeconomics], Kaliningrad : Izd-vo BFU im. I. Kanta, 2021, 183 p. EDN: DUBKAW (in Russ.).
13. Minkina, M. 2022, The relations of the Russian Federation with the West between 1991 and 2014, *Przegląd Wschodnioeuropejski*, vol. 13, № 2, p. 111—123, <https://doi.org/10.31648/pw.8452>

14. Cottey, A. 2022, The West, Russia and European security: Still the long peace? *British Journal of Politics and International Relations*, vol. 24, № 2, p. 207—223, <https://doi.org/10.1177/13691481211036381>
15. Ostrowski, W. 2022, The Twenty Years' Crisis of European Energy Security: Central and Eastern Europe and the US, *Geopolitics*, vol. 27, № 3, p. 875—897, <https://doi.org/10.1080/14650045.2020.1835863>
16. Baranovsky, V. G., Buzhinsky, E. P., Zagorsky, A. V., Nikitin, A. I., Oznobishchev, S. K. 2022, Avoiding nuclear war. Problems of escalation/de-escalation of armed conflicts when approaching the “nuclear threshold”, *Polis. Political Studies*, № 6, p. 114—134, <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.06.09>
17. Bański, J. 2022, The Issues of Changing Geopolitical Challenges — The Case of Poland. In: Rocha, Á., Fajardo-Toro, C. H., Rodríguez, J. M. R. (eds.), *Developments and Advances in Defense and Security. Smart Innovation, Systems and Technologies*, vol. 255, p. 373—382, https://doi.org/10.1007/978-981-16-4884-7_31
18. Zięba, R. 2023, EU and NATO Eastern Policy. In: Zięba, R. (eds.), *Politics and Security of Central and Eastern Europe. Contributions to Political Science*, p. 119—136, https://doi.org/10.1007/978-3-031-16419-4_6
19. Jonsson, M., Norberg, J. 2022, Russia's War Against Ukraine: Military Scenarios and Outcomes, *Survival*, vol. 64, № 6, p. 91—122, <https://doi.org/10.1080/00396338.2022.2150429>
20. Prohorovs, A. 2022, Russia's War in Ukraine: Consequences for European Countries' Businesses and Economies, *Journal of Risk and Financial Management*, vol. 15, № 7, art. № 295, <https://doi.org/10.3390/jrfm15070295>
21. Girinsky, A. A. 2023, On “Conservative Balance” and “Traditional Values”, *Russia in Global Affairs*, vol. 21, № 3, p. 24—37, <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2023-21-3-24-37>
22. Moiseev, D. S., Kharin, A. N., Sigachev, M. I., Arteev, S. P. 2023, Conservative Values as a Bridge between Russia and the West, *Russia in Global Affairs*, vol. 21, № 3, p. 38—60, <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2023-21-3-38-60>
23. Allin, D. H., Jones, E. 2022, Sleepwalking to Solidarity? Russia, Ukraine and the European Dream, *Survival*, vol. 64, № 3, p. 213—222, <https://doi.org/10.1080/00396338.2022.2078059>
24. Bordachev, T. 2023, Rossiya: vopros o samotsennosti [Russia: the question of self-worth], *Russia in Global Affairs*, URL: <https://globalaffairs.ru/articles/vopros-o-samoczennosti/> (accessed 19.10.2023).
25. Luk'yanov, F. 2023, Rossiya kak strana zdravogo smysla — vot eto bylo by zdorovo [Russia as a country of common sense — that would be great], *Russia in Global Affairs*, URL: <https://globalaffairs.ru/articles/strana-zdravogo-smysla/> (accessed 19.10.2023).
26. Baklanov, P. Ya., Druzhinin, A. G., Moshkov, A. V. 2021, The Round table “Eurasian vectors of contemporary economic activity of Russia: Pacific Geopolitical and Geoeconomic Projection”, *Pacific Geography Journal*, № 3 (7), p. 75—77. EDN: UKHNSA
27. Druzhinin, A. G. 2021, Eurasianism of L. N. Gumilyov: the main ideas and the potential of their modern application, *Geopolitics and Ecogeodynamics of regions*, vol. 7, № 4, p. 5—15. EDN: IAWMMA
28. Druzhinin, A. G. 2022, Evraziiskie idei L. N. Gumileva i ikh znachenie dlya Rossii v XXI veke [Eurasian ideas L. N. Gumilyov and their significance for Russia in the 21st century], In: Mikheeva, N. M., Kaledin, N. V. (eds.), *Regional'naya politika, politicheskaya geografiya i geopolitika: istoriya i sovremennost'* [Regional politics, political geography and geopolitics: history and modernity], Sankt-Peterburg, p. 40—47.
29. Vorozheina, Y. A., Klemeshev, A. P., Komleva, N. A., Druzhinin, A. G., Belozherov, V. K., Fedorov, G. M., Voloshenko, K. Yu. 2023, Geopolitical security of Russia: remarks on the problem statement, *Baltic region*, vol. 15, № 1, p. 153—169, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-1-9>
30. Fedorov, G. M. 2022, The economy of Russian Baltic regions: development level and dynamics, structure and international trade partners, *Baltic region*, vol. 14, № 4, p. 20—38, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-2>
31. Blumenau, B. 2022, Breaking with convention? Zeitenwende and the traditional pillars of German foreign policy, *International Affairs*, vol. 98, № 6, p. 1895—1913, <https://doi.org/10.1093/ia/iaac166>

32. Stent, A. 2022, Germany and Russia: Farewell to Ostpolitik? *Survival*, vol. 64, № 5, p. 27—38, <https://doi.org/10.1080/00396338.2022.2126194>

33. Kamp, K.-H. 2023, The Zeitenwende at Work: Germany's National Security Strategy, *Survival*, vol. 65, № 3, p. 73—80, <https://doi.org/10.1080/00396338.2023.2218698>

34. Zverev, Yu. M. 2023, Voенно-politicheskaya i voennaya bezopasnost' Kaliningradskoi oblasti: informatsionno-analiticheskii doklad. Kaliningrad : Izdatel'stvo BFU im. I. Kanta, 75 p. EDN: MWTKXG

35. Zverev, Yu. M., Mezhevich, N. M. 2022, The Republic of Belarus and the Kaliningrad region of Russia as a sub-regional security complex, vol. 14, № 3, p. 64—82, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-3-4>

The author

Dr Yury M. Zverev, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: Yzverev@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5048-7481>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ВСТУПЛЕНИЕ ФИНЛЯНДИИ И ШВЕЦИИ В НАТО: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ РОССИИ В БАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ

П. Е. Смирнов

Институт США и Канады им. академика Г. А. Арбатова РАН,
121069, Россия, Москва, Хлебный пер., 2/3

Поступила в редакцию 01.08.2023 г.
Принята к публикации 20.09.2023 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2023-4-3
© Смирнов П. Е., 2023

Исследованы основные предпосылки коренного изменения внешнеполитического позиционирования Финляндии и Швеции после начала Россией специальной военной операции на Украине в феврале 2022 г., которые проявились в их решении покончить с внеблоковой политикой и вступить в НАТО. Отмечено, что это решение отвечает прежде всего интересам США, которые после окончания Холодной войны всегда стремились заполнить геополитический вакуум, образовавшийся в результате исчезновения противостоящего полюса в лице СССР и его сферы влияния. Финляндия и Швеция в этом отношении были для них недостающим звеном в Балтийском регионе и в Северной Европе в целом. Проанализированы основные последствия этих изменений для России в регионе Балтики. Они проявляются в возрастающем силовом дисбалансе с НАТО, значительном увеличении линии соприкосновения с альянсом, наращивании территориальных и инфраструктурных возможностей для переброски вооруженных сил и боевой техники стран НАТО в регион, возможности размещения ядерного оружия на территориях новых стран-членов, опасности блокирования Калининградской области, а также Финского залива и выхода из Балтийского моря в Атлантический океан для России. Указывается, что России в сложившихся условиях следует предусматривать возможность различных вариантов развития ситуации на Балтике, чтобы, с одной стороны, защитить свои интересы, с другой — избежать различных сценариев неконтролируемого роста напряженности с НАТО, несущего риск военного столкновения.

Ключевые слова:

Балтийский регион, Россия, Калининградская область, НАТО, вооруженные силы, военно-морская активность, ядерное оружие, инфраструктура, блокада

Введение

Одним из важнейших проявлений резкого роста напряженности между Россией и Западом стало решение о вступлении в Североатлантический союз (НАТО) Швеции и Финляндии. Эти страны длительное время (первая — в течение более чем двух веков, вторая — весь период после Второй мировой войны) придерживались политики отказа от присоединения к военным союзам. В мае 2022 г. они подали в НАТО соответствующую заявку, а на саммите Альянса в Мадриде в июне того же года им было направлено официальное приглашение вступить в НАТО.

Для цитирования: Смирнов П. Е. Вступление Финляндии и Швеции в НАТО: геополитические последствия для позиционирования России в Балтийском регионе // Балтийский регион. 2023. Т. 15, № 4. С. 42–61. doi: 10.5922/2079-8555-2023-4-3

Складывающаяся в результате такого развития событий ситуация не может не оказать влияния на позиции России как в Балтийском регионе, так и в Европе в целом. Еще более очевидным становится геополитический и военный дисбаланс между РФ и коллективным Западом, восточный фланг НАТО приобретает логически законченное «оформление», что в условиях резкого обострения российско-западного противостояния играет не на пользу нашей стране.

В то же время последствия такого приращения Североатлантического альянса, которое, по мнению (пусть и не бесспорному) многих наблюдателей в первую очередь на Западе, означает превращение Балтики во «внутреннее озеро» НАТО, не следует считать однозначными. У России по-прежнему имеется немало возможностей как для защиты собственных интересов и избежания полной изоляции в регионе, так и для недопущения наиболее опасного развития конфронтации, чреватого прямым военным столкновением с НАТО. Целью данной работы является анализ тех непосредственных и потенциальных вызовов, которые стоят перед Россией в ее позиционировании в Балтийском регионе, прогнозирование возможных сценариев развития ситуации и формулирование некоторых рекомендаций в плане того, как действовать России для минимизации ущерба, а в перспективе — поиска путей для выхода из кризиса.

В качестве методологии исследования используются элементы исторической ретроспективы, необходимой для понимания мотивов принятого Финляндией и Швецией решений, изучение роли основных внешних игроков (прежде всего США), анализ основных факторов, формирующих те вызовы и угрозы, которые в свете указанных событий стоят перед Россией, построение сценариев возможного развития ситуации и действий нашей страны. В работе использован широкий круг работ российских и зарубежных авторов, которые рассматривают эволюцию военно-политических тенденций в регионе Балтийского моря (в том числе вопрос о том, как созревало решение Хельсинки и Стокгольма о разрыве с внеблоковой политикой), способность этих двух северных стран внести вклад в совокупную мощь НАТО и в нынешнее противостояние Запада с Россией, прогнозируют, как и по каким направлениям могут развиваться в этой обстановке действия Москвы.

Как формировалось решение Хельсинки и Стокгольма. Обсуждение в политических кругах обеих северных стран возможности вступления в НАТО велось задолго до начала Россией СВО на Украине 24 февраля 2022 г., во всяком случае после начала в 2014 г. самого военно-политического кризиса вокруг этой страны. Да и в более ранний период различные форматы сотрудничества Северных стран в сфере обороны и безопасности, независимо от их принадлежности к военно-политическим блокам (в первую очередь учрежденный в 2009 г. форум «Северное оборонное сотрудничество» (NORDEFSCO) с участием Дании, Исландии, Норвегии, Финляндии и Швеции), были объективно направлены на сближение этих государств с НАТО и выстраивание в регионе системы безопасности, ориентированной на атлантический вектор [1]. Обострившаяся после возникновения украинского кризиса конфронтация между Россией и Западом еще больше ускорила размывание внеблокового статуса Финляндии и Швеции, которые все активнее стали вовлекаться в совместную военную активность с НАТО (в том числе путем участия в военных учениях, в частности Aurora, Baltops и Cold Response), пусть даже не ставя на официальном уровне задачу вступления в НАТО. На саммите НАТО в Уэльсе (2014) эти две страны подписали меморандумы с Альянсом о присоединении к его программе «Поддержка принимающей страны» (Host Nation Support), что предполагает возможность приглашать силы НАТО в кризисных ситуациях и для проведения учений [2, с. 16]. В мае 2018 г. в Вашингтоне министры обороны США, Финляндии

и Швеции подписали трехстороннюю декларацию о намерениях по расширению сотрудничества в сфере безопасности. В качестве одного из главных направлений такого сотрудничества было намечено расширение совместных военных учений и повышение взаимной оперативной совместимости¹.

В Финляндии еще в 2016 г. был выпущен доклад Министерства иностранных дел, посвященный оценке возможного вступления страны в НАТО, в котором были рассмотрены всевозможные «за» и «против» такого вступления, предполагаемые варианты действий в различных обстоятельствах (в том числе варианты одновременного или раздельного со Швецией присоединения к блоку). Правда, авторы доклада — среди них такие видные эксперты и дипломаты из Финляндии и других европейских стран, как М. Бергквист, Р. Нюберг, Ф. Эйсбур, — призывали принять во внимание опасность серьезного кризиса в отношениях с Россией в случае такого разрыва с послевоенными постулатами политики безопасности Хельсинки и не принимать столь ответственных решений в спешке. Однако стратегический курс на присоединение к НАТО в этом докладе был намечен уже тогда [3].

Отдельные российские эксперты уже в тот период признавали, что вероятность присоединения данных стран (Швеции и Финляндии) к Североатлантическому альянсу в последнее время повысилась [4, с.16], особенно ввиду растущей «угрозы», исходящей из России в «посткрымский» период [5, с. 88], или во всяком случае констатировали, что их сближение с НАТО — необратимый процесс, вопрос лишь в том, насколько далеко зайдет, как именно будет воспринят в Москве [6].

В принципе отход Хельсинки и Стокгольма от нейтралитета был ознаменован уже их вступлением в Европейский союз в 1995 г., поскольку возможности ЕС, несмотря на амбиции отдельных его лидеров, выстроить собственную европейскую идентичность в области обороны и безопасности жестко ограничены, и без тесной координации с НАТО эта задача невозможна.

Тем не менее определяющим фактором для решения правительств (и появления практически полного консенсуса в политических элитах) двух этих северных стран об окончательном расставании с внеблоковой политикой выступило начало СВО, которое стало для российского руководства неизбежным после отказа США и НАТО от рассмотрения по существу переданных им в конце 2021 г. Москвой предложений по договорам о взаимной безопасности. Если бы не началась российская спецоперация на Украине, то в Стокгольме и Хельсинки внутренние дискуссии относительно целесообразности вступления в НАТО, вероятно, велись бы еще неопределенно долго, а сами эти страны продолжали бы втягиваться в совместную военную активность с Альянсом, активизируя в особенности участие в совместных с ним военных учениях. Теперь же, когда Россия на Украине перешла критическую черту, эти раздумья, по мнению большей части правящих элит этих стран, стали неуместными [7, с. 11]. Этот радикальный разрыв обоих государств со своим многолетним геополитическим позиционированием подкрепляется и результатами опросов общественного мнения. В Финляндии, согласно опросу, проведенному медиакомпанией YLE почти сразу после начала Россией спецоперации на Украине, доля граждан, выступающих за вступление в НАТО, впервые в истории страны превысила 50 %². Несколько меньше оказалась в те же дни доля сторонников всту-

¹ Finland, Sweden and US sign trilateral agreement, with eye on increased exercises, *Defense News*, 09.05.2018, URL: <https://www.defensenews.com/training-sim/2018/05/09/finland-sweden-and-us-sign-trilateral-agreement-with-eye-on-increased-exercises/> (дата обращения: 29.07.2023).

² Neutral Finns and Swedes reconsider idea of NATO membership, *NPR*, 03.03.2022, URL: <https://www.npr.org/2022/03/03/1084112625/neutral-finland-sweden-warm-to-idea-of-nato-membership> (дата обращения: 22.07.2023).

пления в альянс в Швеции: 41 % — «за, 35 % — «против», что означало рост доли сторонников примерно на 4 % в сравнении с опросом, проведенным в январе того же года¹.

События, начало которым было положено 24 февраля 2022 г., стали триумфом для той группы политиков в обеих Северных странах, которые всегда ориентировались на максимальное сближение с НАТО. Среди них, в частности, бывший премьер-министр Швеции К. Бильдт, являющийся одним из главных архитекторов программы ЕС «Восточное партнерство», направленной на всемерное вовлечение европейских стран бывшего СССР в западную орбиту. Бильдт после начала СВО стал одним из самых энергичных сторонников присоединения Швеции и Финляндии к НАТО, утверждая, что они в своем новом статусе способны значительно изменить европейскую архитектуру безопасности и укрепить европейскую опору НАТО [8—10]. В Финляндии наиболее активными сторонниками вступления в Североатлантический альянс с самого начала украинского кризиса в 2014 г. были такие видные политики, как экс-президент страны М. Ахтисаари и бывший министр иностранных дел А. Стубб².

Впервые после окончания Холодной войны расширение НАТО происходит не за счет бывших социалистических стран, входивших в Организацию Варшавского договора, или некоторых бывших республик СССР, а путем принятия государств, которые были частью мировой капиталистической системы, но придерживались внеблокового статуса. При этом по уровню соответствия вооруженных сил требованиям НАТО, а также по политическим критериям (принадлежность к «зрелым демократиям») Хельсинки и Стокгольм могли быть приняты в Альянс без тех промежуточных и подготовительных этапов, которые прошли бывшие члены ОВД и страны Балтии.

Хельсинки и Стокгольм активно участвуют в предоставлении военной помощи Киеву путем поставок оружия (в частности, средств ПВО), подготовке украинских военнослужащих, осваивающих различные образцы западной военной техники. «Российская угроза» после начала Москвой СВО перевесила аргумент той части экспертного сообщества, политической и деловой элиты Финляндии и Швеции, который основывался на опасениях, что их присоединение к НАТО и взятие на себя соответствующих обязательств чреваты риском неконтролируемой напряженности с Россией или вовлечения в военные действия в интересах тех членов Альянса, которые географически далеки от Балтийского региона (в частности, Турции). Данный аргумент, вплоть до объявления этими двумя северными странами в 2022 г. о разрыве с внеблоковой политикой, давал надежду некоторым российским экспертам и наблюдателям, что шансы на отказ этих государств от нейтралитета и на вступление в НАТО еще долго будут невелики, а самой России не следует относиться к нейтральным странам Северной Европы как к субрегиону, который неизбежно «дрейфует» в сторону НАТО [11; 12].

Обосновывая свое намерение коренным образом пересмотреть стратегию в сфере национальной и региональной безопасности, правительство Финляндии в своем докладе, вышедшем в апреле 2022 г., возлагая всю ответственность за изменившуюся ситуацию на «агрессивную и реваншистскую политику России», утверждало: «Внешняя и военная политика Финляндии, ее активная и превентивная дипломатия

¹ Possible NATO membership campaign gathers momentum, *Euractiv*, 28.02.2022, URL: https://www.euractiv.com/section/politics/short_news/possible-nato-membership-campaign-gathers-momentum/ (дата обращения: 22.07.2023).

² Hakala H. J. Finland Turned to NATO Membership with Lightning Speed, *International Centre for Defence and Security, Estonia*, 26.09.2022, URL: <https://icds.ee/en/finland-turned-to-nato-membership-with-lightning-speed/> (дата обращения: 28.07.2023).

укрепляют безопасность Финляндии и соседних с нами регионов как путем принятия мер на национальном уровне, так и путем международного сотрудничества. Чем дальше разворачивается война на Украине, тем труднее оценить ее последствия. Реагируя на изменившуюся ситуацию в области безопасности, Финляндия в любом случае должна укреплять свою безопасность и оборонный потенциал, развивать долгосрочное сотрудничество с ключевыми партнерами». При этом в докладе подчеркивается, что страна сохраняет «суверенитет в принятии решений» и «принимает решения в сфере внешней политики и политики безопасности самостоятельно» [13, р. 14].

Несколько более противоречивым образом складывалось решение о направлении заявки о вступлении в НАТО в Швеции (тем более что там вопрос о возможности присоединения к Альянсу традиционно носил идеологический характер и отражал противоречия между прежде всего «НАТО-скептиками» — социал-демократами — и сторонниками сближения с НАТО из правого лагеря [14, с. 27—28]). Об этом свидетельствуют дискуссии в рабочей группе, созданной в марте 2022 г. по решению правительства страны из представителей различных политических партий, представленных в риксдаге (парламенте). Выпущенный по итогам работы этой группы доклад, так же как и в описанном выше случае с Финляндией, констатировал ухудшение военно-политической ситуации для Швеции в результате «российской агрессии» и опасность российских «агрессивных действий» уже против нее самой, однако больше внимания посвятил издержкам для страны от потенциального членства в НАТО (в том числе связанным с возможным вовлечением Стокгольма в международные конфликты в отдаленных регионах). Документ призывает к максимальному сохранению тех механизмов сотрудничества в сфере безопасности и международного влияния Швеции, которые ей удалось выработать в период своего внеблокового статуса [15].

Заявление Швеции и Финляндии о намерении вступить в НАТО, сделанное вскоре после начала Россией СВО на Украине, неслучайно совпало по времени с таким формально не имеющим отношения к НАТО событием, как проведение в Дании 1 июня 2022 г. референдума по вопросу отмены положения, исключавшего участие страны в Общей внешней политике и политике безопасности (ОВПБ) Евросоюза. За отмену этого положения, до сих пор бывшего одной из основ ограниченного статуса Копенгагена в европейском интеграционном проекте, проголосовало более двух третей участвовавших в референдуме. Фактически на фоне резкого обострения военно-политической ситуации в Европе и конфронтации между Россией и Западом любые попытки Евросоюза выстроить свою собственную идентичность в военно-политической сфере, автономную от НАТО и США, становятся неактуальными и различные проекты в рамках ОВПБ укрепляют скорее атлантическое, нежели европеистское начало в стратегии объединенной Европы. Как отмечает один из российских экспертов, победившие сторонники отмены положения, ограничивающего участие Дании в ОВПБ, «смогли вывести этот референдум из плоскости критики или поддержки ЕС и превратить его в вопрос о защите европейских ценностей, солидарности с Украиной и европейскими партнерами, которые идут на беспрецедентные для себя шаги в новых условиях» [16].

Правда, ратификация протоколов о присоединении двух государств (особенно Швеции) к альянсу встретила с определенными препятствиями, прежде всего из-за условий, которые выдвигало руководство Турции под предлогом нежелания Стокгольма предпринимать адекватные меры противодействия курдским группировкам (в первую очередь Рабочей партии Курдистана — РПК), которые Анкара считает террористическими. Ратификация турецким парламентом протокола о

вступлении в НАТО Финляндии также затянулась, но была все же проведена в марте 2023 г. Схожую позицию в данном вопросе заняла и Венгрия, которая была недовольна вмешательством Хельсинки и Стокгольма во внутренние дела страны под предлогом «антидемократических» тенденций в политике правительства В. Орбана. Действия Анкары и Будапешта нарушили первоначальный план Хельсинки и Стокгольма, который заключался в одновременном вступлении в НАТО.

Некоторые эксперты в Швеции в этой связи выражают опасение, что подобная рассинхронизация между Финляндией и Швецией в процессе вступления в Альянс и возможность дальнейшего затягивания присоединения к нему Стокгольма дадут шанс России эксплуатировать возникающий эффект «серой зоны» в регионе и рассматривать Швецию как слабое звено в западной цепи. По утверждению, например, доцента Университета Йёнчёпинга М. Нильссона, Москва в этой ситуации сделает ставку на активизацию операций влияния на общественное мнение стран региона и даже на стимулирование там внутренней нестабильности [17].

Однако, судя по тому, как президент Турции Р. Т. Эрдоган шаг за шагом в течение 2022—2023 гг. отходил от своей «принципиальной» позиции и делал уступки большинству в НАТО (и прежде всего Вашингтону) о вопросе членства Стокгольма в Альянсе, его можно считать решенным. Правда, незавершенность процесса приема Швеции в НАТО отразилась в заключительном коммюнике вильнюсского (июль 2023 г.) саммита альянса, в котором говорилось лишь о том, что НАТО «приветствует Финляндию в качестве последнего по времени вступления члена Альянса» и что «членство в НАТО делает Финляндию безопаснее, а НАТО сильнее»¹.

В конце октября 2023 г. Р. Т. Эрдоган подписал протокол о вступлении Швеции в НАТО и направил его на ратификацию в парламент страны. Поскольку препятствием в решении «шведского вопроса» остается позиция Будапешта, нельзя исключать, что завершение приема Стокгольма в НАТО растянется на некоторое время, однако очевидно, что и Финляндия, и Швеция будут интегрированы в Альянс. Соответствующим образом меняется — и далеко не в лучшую сторону — геополитическое положение России и ее политическое, экономическое и военное позиционирование в Балтийском регионе.

О том, насколько важным для коллективного Запада стало решение Швеции и Финляндии присоединиться к НАТО, свидетельствует такой, пусть и символический, шаг, как вручение двум этим странам премии им. Э. фон Кляйста за «исторический шаг в ответ на агрессивную войну России», которое произошло во время Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2023 г. Эту награду, названную в честь основателя данного международного форума, приняли бывший и нынешний премьер-министры Швеции М. Андерссон и У. Кристерссон, президент Финляндии С. Ниинистё и премьер-министр этой страны С. Марин².

Интерес США к Балтийскому региону как инструменту прокси-войны против России. После окончания Холодной войны, когда США и их союзники по военно-политическим альянсам (прежде всего НАТО) стремились максимально использовать возникший «однополярный момент», расширение Североатлантического союза и его выход за пределы зоны ответственности, ограниченной ст. 5 Вашингтонского договора, стали одной из основ американской геостратегии. Это относилось и к Балтийскому региону, где Вашингтону необходимо было, несмотря

¹ Vilnius Summit Communiqué. Issued by NATO Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Vilnius 11 July 2023, *NATO*, 11.07.2023, URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_217320.htm (дата обращения: 26.07.2023).

² Kleist Award 2023 to be presented to Sweden and Finland, *Munich Security Conference*, 13.02.2023. URL: <https://securityconference.org/en/news/full/kleist-award-2023/> (дата обращения: 15.07.2023).

на неизбежность негативной реакции России, способствовать вступлению в НАТО Эстонии, Латвии и Литвы и максимальному втягиванию тогда еще внеблоковых Финляндии и Швеции в сферу активности НАТО, в том числе для возможной защиты стран Балтии ввиду их географической полуизолированности от основной территории Альянса [18, с. 61].

Правда, эволюция приоритетов Вашингтона в отношении и Балтийского региона, и всей восточной половины Европы, во многом носила реактивный характер и зависела от большого количества факторов — как внутривнутриполитических, так и внешнеполитических, среди которых — готовность и способность России бросить вызов однополярному мироустройству в своем ближайшем окружении, а также во все большей мере (начиная с президентства Д. Трампа) растущее влияние Китая и необходимость противодействовать китайской экспансии. Во всяком случае, пока «опасности» такого вызова со стороны Москвы не наблюдалось, Вашингтон (в периоды президентства У. Клинтона, Дж. Буша-мл. и в первые годы президентства Б. Обамы) делал акцент не столько на использовании Балтийского региона в своей военно-политической стратегии, сколько на демонстрации триумфа в этом регионе «демократических ценностей» и ориентации его посткоммунистических стран на Запад [19].

Ситуация стала меняться после начала украинского кризиса и действий России в ответ на государственный переворот в Киеве в 2014 г., когда задача «сдерживания» Москвы, в том числе в Балтийском регионе, стала возвращаться в повестку дня США и НАТО. Правда, и тогда, вплоть до февраля 2022 г., ставка делалась в основном на военное «освоение» тех стран (Польши и прибалтийской «тройки»), которые вошли в НАТО после окончания Холодной войны и всегда старались идти в авангарде антироссийских усилий Запада, а задача вовлечения Финляндии и Швеции в НАТО и их непосредственного использования для военного противостояния с Россией ставилась скорее в теоретическом и прогностическом плане.

Вашингтон, учитывая его потребность в том, чтобы мобилизовать максимальное количество стран на противодействие России после начала военных действий на Украине, использовать их военный, промышленный и разведывательный потенциал, создать всевозможные проблемы Москве в наиболее чувствительных для нее регионах (то есть фактически для ведения против нее прокси-войны), с самого начала оказался в числе тех, кто наиболее энергично поддержал заявки Швеции и Финляндии на вступление в НАТО. В начале июня 2022 г. председатель Комитета начальников штабов США генерал М. Милли посетил Хельсинки и Стокгольм. В ходе встреч с высшими руководителями этих стран он отметил, что они способны внести существенный вклад в военный потенциал альянса, и заверил их, что Вашингтон намерен активизировать свое участие в совместных военных учениях с этими странами¹.

Сенат США 3 августа 2022 г. ратифицировал протоколы о вступлении Финляндии и Швеции в НАТО. Девятого августа того же года президент Дж. Байден подписал эти протоколы. Комментируя это событие, государственный секретарь Э. Блинкен заявил, что в «США существует мощная двухпартийная поддержка стремлению Финляндии и Швеции стать членами Альянса» и что Вашингтон «настроен на их скорейшую интеграцию в самый сильный (военно-политический. — П. С.) альянс в истории». Блинкен отметил, что «союзники едины в своей общей миссии, заключающейся в защите безопасности Евроатлантического сообщества, отпоре агрессии,

¹ Pentagon weighs plans to expand exercises with Finland, Sweden amid NATO bid, *Defense News*, 03.06.2022, URL: <https://www.defensenews.com/pentagon/2022/06/03/pentagon-weighs-plans-to-expand-exercises-with-finland-sweden-amid-nato-bid/> (дата обращения: 20.07.2023).

проецировании стабильности, поддержании общих для НАТО ценностей демократии, индивидуальной свободы и верховенства права». «Мы также сохраняем твердую приверженность политике открытых дверей в НАТО...»¹.

Американские эксперты, рассматривающие перемены в военно-политической ситуации, которые происходят вместе с последней волной расширения НАТО, делают акцент, во-первых, на вклад Хельсинки и Стокгольма в общий военный потенциал НАТО, во-вторых, на их способность совместно с другими странами региона разрушать стратегические расчеты Москвы на дальнейшее использование Балтики в своих интересах как «серой зоны», в-третьих, на необходимость координации действий всех входящих в западный лагерь государств региона в рамках НАТО, ЕС и других форумов, преодоления определенной разобщенности военно-политических приоритетов между отдельными группами государств региона (прибалтийской «тройки», скандинавских стран, стран Южной Балтики) [20].

Среди образцов военной техники, которые способны сформировать вклад Швеции и Финляндии в общенатовский потенциал, близкие к Пентагону эксперты называли (по состоянию на середину 2022 г.) около 150 истребителей, включая 96 шведских многоцелевых истребителей JAS-39 Gripen и 62 истребителя-бомбардировщика F/A-18 Hornet у Финляндии (последние планируются к выводу из состава ВВС страны к 2025 г.). К концу текущего десятилетия Финляндия намерена приобрести 64 истребителя пятого поколения F-35. ВВС Швеции приобретут два самолета комплекса дальнего радиолокационного обнаружения и управления GlobalEye. Одним из существенных элементов шведского вклада в НАТО станут корветы типа «Висбю» по технологии «Стелс» и подводные лодки класса «Готланд». Со своей стороны Финляндия, которую часто называют «артиллерийской сверхдержавой», обладает мощным (большим, чем Франция, Германия или Великобритания) ресурсом этого вида вооружений, прежде всего РСЗО M-270. Что касается танков, то Финляндия и Швеция располагают 220 боевыми танками «Леопард», что сравнимо с 245 аналогичными машинами у Германии. Обе страны имеют развитые системы ПВО (Швеция с 2021 г. эксплуатирует ЗРК Patriot, Финляндия — системы NASAMS) [21]. Следует отметить также наличие у Финляндии малозаметных крылатых ракет класса «воздух — поверхность» AGM-158 JASSM, производимых корпорацией «Локхид Мартин», а также планируемые Хельсинки закупки модификации этой ракеты AGM-158B JASSM-ER для истребителей F-35 с дальностью до 980 км — а это уже является предметом дополнительной озабоченности для России.

Вместе с тем на некоторых, в том числе американских, экспертных площадках размещаются предупреждения о том, что Россия не смирится с ухудшением своей геополитической ситуации (даже несмотря на неоднозначно складывающуюся кампанию на Украине), усилит ставку на ядерное устрашение и другие военные инструменты в регионе, равно как и на гибридные методы воздействия на потенциального противника [22].

Ценность двух северных стран для США и НАТО в их опыте борьбы с «гибридными» угрозами (главным источником которых Запад в последние годы объявляет Россию) подтверждается тем, что в Хельсинки с 2017 г. действует Европейский центр по борьбе с гибридными угрозами. Право на участие в нем предоставлено странам — членам Евросоюза и НАТО. После того как Финляндия и Швеция станут членами НАТО, роль Североатлантического альянса в функционировании этого формально европейского института очевидно возрастет. В компетенцию этого

¹ Signing of U. S. Instruments of Ratification of Finland and Sweden's NATO Accession Protocols, U. S. Department of State, 09.08. 2022, URL: <https://www.state.gov/signing-of-u-s-instruments-of-ratification-of-finland-and-swedens-nato-accession-protocols/> (дата обращения: 20.07.2023).

центра входит отражение угроз, носящих невоенный характер, но непосредственно влияющих на безопасность тех или иных стран, главным образом в информационно-психологической сфере, с активным применением кибертехнологий, с поддержкой различных оппозиционных и внесистемных движений с целью расшатывания государственной власти.

Новое расширение НАТО на Балтике и позиции России. После направления Финляндией и Швецией официальных заявок на вступление в НАТО, позитивный ответ на которые был очевиден, общим местом комментариев западных СМИ, да и большинства военно-политических экспертов, стал тезис о превращении Балтийского моря во «внутреннее озеро» НАТО. Некоторые наблюдатели в самих странах Альянса, правда, предостерегают против эйфории и нереалистичных расчетов на этот географический фактор, напоминая, что у России остается немало возможностей противодействовать НАТО в Балтийском регионе, что ее вооруженные силы размещены в Калининградской области, что в западной части основной территории РФ и в Белоруссии у нее сохраняется потенциал, чтобы ограничивать для НАТО свободу маневра на Балтике, пусть и не во всей ее акватории и лишь на определенный период времени [23].

Тем не менее тот факт, что на Балтийском море теперь не останется стран, за исключением самой России, которые не являются членами НАТО, не может пройти бесследно для позиций нашей страны как на самой Балтике, так и в целом для ее геополитических и военно-политических интересов. Главные вызовы и угрозы — реальные и потенциальные — можно свести к следующим группам:

- полное исчезновение геополитического буфера между Россией и западным лагерем, который фактически представляла собой Финляндия;

- неизбежный удар по внешнеэкономическим связям и логистическим цепочкам этих связей России в регионе (в первую очередь с Финляндией), который начался после присоединения стран, входящих в ЕС, к антироссийским санкциям в 2022 г. и не может не усугубиться в результате нового расширения НАТО;

- рост совокупной мощи НАТО за счет новых стран-членов, особенно Швеции (в первую очередь ее подводного флота);

- складывание для России еще более неблагоприятного положения в Балтийском регионе, связанного с сосредоточением в этом регионе наиболее антироссийски настроенных членов НАТО и ЕС (Польши и Прибалтийских государств) и потенциальным объединением их усилий с новыми членами Альянса ради «сдерживания» Москвы;

- появление плацдарма для размещения воинских контингентов стран — членов НАТО с целью противодействия России;

- облегчение возможности доставки военных подкреплений НАТО в страны Балтии благодаря географическому ресурсу двух северных стран и усовершенствованию в этой связи их инфраструктурных возможностей;

- опасность размещения ядерного оружия на территориях новых стран-членов;

- угроза блокады Финского залива и Калининграда, а также блокирования для России выхода из Балтийского моря в Атлантический океан.

Если сгруппировать эти вызовы и угрозы по степени актуальности, то следует отметить, что на первом месте стоят те из них, которые касаются неблагоприятных для России изменений в соотношении военных потенциалов с НАТО, особенно в условиях, когда вмешательство США и их союзников в украинский конфликт чревато риском возникновения «горячей» войны. Это усугубляется резким (примерно на 1,3 тыс. км) удлинением сухопутной границы между Россией и НАТО в Финляндии и еще большим увеличением линии соприкосновения с Альянсом в Балтийском море с севера на юг. Более того, в среде западных военно-политических экспертов

и в СМИ, у которых присутствует прямая заинтересованность в том, чтобы обосновать необходимость скорейшей интеграции вооруженных сил новых членов НАТО в совокупную военную мощь блока ради отпора «российской агрессии», наблюдается стремление запугать Москву, представить складывающуюся ситуацию для нее в Балтийском море едва ли не катастрофической. Примером такого информационного блефа являются высказывания ряда экспертов, опрошенных журналом «Newsweek» накануне вильнюсского саммита НАТО в июле 2023 г. В частности, аналитик Центра стратегических исследований в Гааге Ф. Мертенс утверждает, что НАТО на Балтике уже имеет стратегический перевес над Россией не только по морскому, но и по воздушному потенциалу, а с вступлением в НАТО Швеции российским надводным кораблям остается полагаться лишь на сухопутную ПВО; в Балтийском море не останется места, где эти корабли не могли бы ожидать ракетной атаки со стороны НАТО. Кроме того, Швеция будет в гораздо большей степени интегрирована в НАТО в плане обмена информацией и разведанными¹.

Вторая группа вызовов и неопределенностей, встающая перед Россией на Балтике, возникает для ее наиболее уязвимых территорий и морских пространств. Прежде всего это Калининградская область из-за ее эксклавного и изолированного от «большой земли» положения. Наиболее алармистски настроенные наблюдатели в России (в частности, главный редактор калининградского аналитического портала RuBaltic А. Носович), вообще считают, что вступление Финляндии и Швеции в НАТО несет с собой угрозу потери Россией этого региона [24], тем более что шаг к этому был уже сделан в результате начатого в июне 2022 г. правительством Литвы блокирования транзита через свою территорию товаров, попавших под санкции Евросоюза. Это была попытка спровоцировать военно-политический кризис, требующий вмешательства НАТО, в котором новые члены, особенно Швеция с ее серьезным военно-морским потенциалом и «непотопляемым авианосцем» — островом Готланд, должны сыграть важную роль.

Пусть угроза «потери Калининграда» пока крайне маловероятна, очевидно, что те на Западе, кто призывают к более жесткой линии в отношении Москвы, чтобы вынудить ее к капитуляции в украинском вопросе, откровенно рассматривают давление на Калининград и создание России максимальных трудностей в этом регионе как один из главных рычагов воздействия на нее. Прежде всего потому, что Калининград — незамерзающий порт, место базирования Балтийского флота, а в регионе располагаются ракеты «Искандер-М». Во всяком случае, некоторые западные эксперты, хотя они и не говорят вслух о блокаде российского эксклава, открыто утверждают, что именно Калининград будет в центре нового российско-натовского противостояния [25].

Вступление Швеции в НАТО (пусть пока и незавершенное) открывает альянсу путь к активному использованию стратегически значимого острова Готланд в Балтийском море, в том числе для давления на Калининградскую область. В конце 2021 г. и начале 2022 г. (когда стала расти военная напряженность вокруг Украины) началась переброска на этот остров американских ракетных комплексов HIMARS, радиус действия которых может включать и Калининград, а также размещение там шведскими властями боевых бронированных машин и военных для патрулирования. В конце апреля 2022 г. правительство Швеции объявило о выделении 1,6 млрд шведских крон (163 млн долл.) на укрепление военной инфраструктуры на этом острове (в первую очередь на строительство казарм), обосновывая этот шаг растущей напряженностью на российском направлении. По

¹ Sweden Joining NATO Is a Nightmare for Russia's Baltic Sea Fleet, *Newsweek*, 12.07.2023, URL: <https://www.newsweek.com/russia-nato-sweden-baltic-sea-finland-1812526> (дата обращения: 30.07.2023).

заявлению заместителя министра финансов страны М. Элгера, цель этой меры — «иметь возможность разместить [на острове] как можно больше призывников, сделать их операции эффективнее и тем самым внести вклад в увеличение оборонного потенциала... Готланда»¹.

Другой, хотя и менее вероятной кризисной точкой, оказывающейся под угрозой гипотетической блокады некоторыми странами НАТО, становится российская часть Финского залива. Особенное удовлетворение выражают в этой связи Прибалтийские страны, в первую очередь Эстония, которые всерьез рассматривают возможность «запереть» российский флот в Финском заливе. Они могут попытаться сделать это совместно с Финляндией (в частности, с использованием имеющихся у Хельсинки береговых ракетных комплексов RBS-15 и закупаемых Таллином у Израиля противокорабельных ракет Blue Spear), поскольку теперь выход из этого узкого залива в основную акваторию Балтийского моря будет с обоих берегов контролироваться странами НАТО. Начальник штаба Сил обороны Эстонии Э. Мытс, в частности, откровенно заявил в мае 2022 г., что расширение присутствия НАТО на Балтике сорвет планы России по ведению боевых действий из Финского залива, аналогично тому, как Калининград будет окружен НАТО со всех сторон².

С вступлением в НАТО Финляндии и особенно Швеции (в силу обретения Альянсом плацдарма в виде всего Скандинавского полуострова и соответствующей стратегической глубины), для НАТО решается проблема «незащищенности» прибалтийских государств. Теперь у стран Альянса, удаленных от этого региона, появляются почти неограниченные возможности для переброски туда подкреплений, в первую очередь с использованием воздушного и морского пространства Швеции. В частности, старший научный сотрудник Института Брукинса Д. Хэмилтон утверждает, что с превращением Балтики в «натовское озеро» не будет необходимости ради реализации задачи защиты Прибалтийских стран полагаться лишь на «Сувалкский коридор» между Польшей и Литвой [25].

Вступление Финляндии и Швеции в НАТО способно активизировать в военных целях некоторые инфраструктурные объекты, которые теперь могут быть использованы для переброски войск и вооружений на территории, находящиеся недалеко от российских границ и от российских военных баз на Кольском полуострове. Это, в частности, проект электрификации длительное время «замороженного» железнодорожного перехода (Торнио — Хапаранда) между двумя этими странами в приполярном регионе³.

Правда, в публикациях ряда экспертов в странах Северной Европы (в частности, из Шведской королевской академии военных наук) выражается обеспокоенность тем, что вступление Финляндии, а в будущем Швеции в НАТО высветит проблему разобщенности североευропейского фланга Альянса между различными оперативными командованиями объединенных вооруженных сил (Joint Force Commands). Так, Финляндия после принятия в НАТО была приписана к командованию в Брунсуме (Нидерланды), отвечающему за Центральную Европу и Балтийский регион, в то время как Норвегия находится в зоне ответственности командования в Норфолке

¹ Sweden to boost military on Gotland amid Russia fears, *Reuters*, 29.04.2022, URL: <https://www.reuters.com/world/europe/sweden-boost-military-gotland-amid-russia-fears-2022-04-29/> (дата обращения: 25.07.2023).

² Finland Joining NATO Will Help Bloc Control Baltic Sea: Officials, *Newsweek*, 13.05.2022, URL: <https://www.newsweek.com/finland-joining-nato-help-bloc-control-baltic-sea-officials-russia-estonia-1706293> (дата обращения: 23.07.2023).

³ How Sweden and Finland could help NATO contain Russia, *Reuters*, 5.07.2023. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/natos-new-north-fresh-chances-contain-moscow-2023-07-03/> (дата обращения: 17.07.2023).

(США), в задачу которого входит защита морских путей между Европой и Северной Америкой по линии Гренландия — Исландия — Великобритания, а также в Арктике. К какому командованию будет приписана Швеция после своего вступления в НАТО, пока неизвестно. Авторы этих публикаций рассчитывают, что дальнейшие реформы командной структуры НАТО будут руководствоваться стратегическим видением региона Северной Европы и Балтики как единого целого [26].

«Ядерный фактор» в военно-политическом уравнении, которое складывается в новых условиях, скорее всего, будет иметь отложенный эффект для России, хотя Финляндия и Швеция устами глав их правительств заявили, что не ставят предварительных условий для членства в Альянсе (то есть не исключают возможности размещения ядерного оружия на своих территориях в принципе). Однако вопросы ядерного планирования с точки зрения как распространения гарантий на потенциальных членов, так и их участия в коллективной активности НАТО, все равно остаются крайне важными, ведь как часть «коллективной обороны» и ядерных гарантий НАТО они станут объектом соответствующего планирования со стороны России. С другой стороны, их вооруженные силы могут и будут рассматриваться в НАТО в контексте ядерного планирования даже без ядерных вооружений на их территории [27, с. 21 — 22].

Не в меньшей степени, чем в Балтийском, вступление Швеции и Финляндии в НАТО влияет на безопасность России и в Арктическом регионе. С учетом того, что после этого вступления произойдет существенная активизация их совместного участия в различных общенатовских и региональных военных проектах, противостояние России с Западом в Арктике, как считает, в частности, научный сотрудник Центра изучения стратегического планирования ИМЭМО им. Е. М. Примакова И. Крамник, «рискует оказаться более масштабным, чем в годы Холодной войны, особенно учитывая, что Швеция и Финляндия в тот период были нейтральными государствами» [28]. Ряд американских специалистов обоснованно прогнозирует, что само по себе присоединение этих двух стран к Североатлантическому альянсу существенно повысит место Арктического региона в системе как натовских, так и российских военных приоритетов (тем более что более половины береговой линии Северного Ледовитого океана приходится на Россию), а Швеция и Финляндия могут внести существенный вклад в мониторинг военной активности Москвы на Кольском полуострове и одновременно способствовать повышению риска эскалации напряженности между НАТО и Россией [29].

Новые планы — не только военные, но и геоэкономические — противодействия России в связи с ростом совокупной мощи НАТО в Балтийском регионе строят Польша и Прибалтийские государства — Эстония, Латвия и Литва — и рассчитывают на включение этих планов в повестку дня Альянса. Прибалтийские страны приобретут важное стратегическое и оборонительное пространство на случай возможного военного конфликта с Россией, равно как и возможность участия в проектах создания альтернатив российским энергоносителям. В частности, дополнительное натовское «прикрытие» получают строящийся польско-датский газопровод *Baltic Pipe* с подключением к норвежской газотранспортной сети и терминал Свиноуйсьце — газовый хаб американских нефтегазовых компаний для Восточной и Центральной Европы, плавучий терминал сжиженного газа в районе Гданьска [30].

Новое измерение деятельности НАТО, получающей в свое «распоряжение» почти всю Балтику, возникает на стыке военно-политической сферы и геоэкономики, чему благоприятствовали диверсии на газопроводах «Северный поток» и «Северный поток-2» в сентябре 2022 г. Они на неопределенный срок вывели из строя эти газовые магистрали, а в их функционировании был непосредственно заинтересован ряд ведущих стран ЕС (прежде всего Германия). Сам этот инцидент, вероятное

вступление в НАТО Швеции, в чьей особой экономической зоне он произошел и которая ведет здесь собственное расследование, стали дополнительными предложениями для НАТО, чтобы взять под контроль также сферу безопасности соответствующих инфраструктурных объектов в зоне действия альянса, в том числе в Балтийском море. В феврале 2023 г. генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг объявил об учреждении в штаб-квартире Альянса координационной группы по защите критической подводной инфраструктуры¹.

Альтернативы для России в обстановке новых неопределенностей. Чем более неблагоприятным становится международное положение России в связи с украинским конфликтом, тем более насущным представляется поиск вариантов снижения взаимной напряженности если не в целом, то на отдельных направлениях, в том числе региональных — даже если сам конфликт на Украине в ближайшее время урегулировать или заморозить не удастся. Балтийский регион, как ни парадоксально, способен предоставить такие возможности, даже несмотря на то, что именно здесь находятся наиболее недружественные по отношению к России государства и он теперь становится почти монополярной сферой влияния НАТО.

Неблагоприятный сценарий развития ситуации в регионе на обозримый период представляется, учитывая уровень взаимной напряженности, наиболее реальным. Об этом свидетельствует хотя бы значительное ухудшение отношений с Финляндией (как экономических, так и политических), разрыв многих гуманитарных связей с этой страной, в результате чего Россия лишилась одного из немногих «буферов» в отношениях с коллективным Западом. Процесс монополизации Североатлантическим альянсом сферы безопасности на Балтике происходит в общем контексте с другими событиями, заключающимися в стремлении Запада изолировать Россию в регионе как политически, так и экономически. Почти сразу после начала СВО, в марте 2022 г., РФ была отстранена от работы Совета государств Балтийского моря (СГБМ), после чего Москва в мае того же года объявила о том, что сама выходит из него.

О том, насколько серьезно Москва воспринимает вызовы, исходящие от дальнейшего расширения НАТО и ее инфраструктуры, в том числе на те страны, чей внеблоковый статус долгое время был одной из основ европейского баланса сил, свидетельствует окончательный выход РФ из Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). О денонсации этого договора МИД РФ объявил в начале июня 2023 г. В частности, в его заявлении отмечается, что «недавнее присоединение к НАТО Финляндии, не являющейся государством — участником ДОВСЕ, но при этом граничащей с входящей в район применения Договора частью территории Российской Федерации, перспектива размещения в Финляндии обычных вооруженных сил третьих государств, равно как и продолжающиеся процедуры приема в Альянс Швеции, также не являющейся государством — участником ДОВСЕ, существенным образом нарушают безопасный и стабильный баланс обычных вооруженных сил на севере Европы и являются «последней каплей», сделавшей необходимым выход Российской Федерации из Договора»².

В первые месяцы после принятия Хельсинки и Стокгольмом решения вступить в НАТО в российском политическом и экспертном сообществе еще преобладало

¹ NATO stands up undersea infrastructure coordination cell, *North Atlantic Treaty Organization*, 15.02.2023, URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_211919.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 24.07.2023).

² Заявление МИД России в связи с направлением Российской Федерацией уведомлений государствам — участникам Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), *Министерство иностранных дел Российской Федерации*, 09.06.2023, URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1886348/ (дата обращения: 26.07.2023).

убеждение, что такой поворот в их политике, хотя и создает проблемы для России, но не является фатальным. В частности, профессор СПбГУ К. Худoley высказал мнение, что присоединение этих стран к Альянсу «не создает для России какую-то экзистенциальную угрозу», и что, «критикуя решение Швеции и Финляндии, желательно воздержаться от угроз, резких и грубых выпадов — они не испугают финнов и шведов, а лишь усилят среди них негативное отношение к России. В случае появления на территории Швеции и Финляндии военных объектов НАТО Россия, конечно, должна принять меры, но они должны быть строго выверенными и стать ответом только на те угрозы, которые конкретно возникнут, — не меньше, но и ни в коем случае не больше» [31].

Однако последующее развитие событий, затягивание боевых действий на Украине, эскалация западного вмешательства в украинский конфликт оставляют, по крайней мере на обозримую перспективу, мало шансов сторонникам сдержанного поведения России, в том числе в Балтийском регионе. После того как Швеция и Финляндия решились на разрыв с многолетней традицией внеблоковой политики и активно втянулись в военно-политическую конфронтацию с Россией, безоговорочно присоединившись к общей линии Запада на сдерживание «российской агрессии», перестали быть актуальными представления о том, что поддержание в каком-то виде сотрудничества в военной и военно-технической области в масштабе Балтийского региона (в частности, идея возврата к участию в учениях *Baltops*, в которых Россия участвовала до 2014 г. [32, с. 73]) поможет сдержать рост напряженности.

Сценарий «снижения ущерба» от превращения Балтики во «внутреннее озеро» НАТО, хотя и кажется малореалистичным в условиях, когда напряженность между Россией и НАТО не уменьшается, не следует исключать полностью, ведь ни Москва, ни Запад не заинтересованы в том, чтобы эта конфронтация приобрела неуправляемый характер. Так, несмотря на очевидный военно-политический вызов, который фактическая монополизация Балтики Североатлантическим альянсом несет для России, внутри высшего руководства РФ и экспертного сообщества на первых порах после объявления Стокгольма и Хельсинки о намерении вступить в Альянс не наблюдалось стремления поставить эту проблему в число первоочередных угроз для безопасности России. Президент В. В. Путин в ходе саммита ОДКБ 16 мая 2022 г., говоря о расширении НАТО, в том числе за счет Финляндии и Швеции, заявил, что «у России... нет проблем с этими государствами», поэтому «в этом смысле непосредственной угрозы для нас — расширения за счет этих стран — для России не создается. Но расширение военной инфраструктуры на эту территорию, безусловно, вызовет нашу ответную реакцию, и какой она будет, мы будем смотреть исходя из тех угроз, которые нам будут создаваться... будем соответствующим образом на это и реагировать»¹. Таким образом, налицо было желание Москвы несколько отодвинуть в сторону те вызовы и угрозы из-за расширения НАТО, которые на данный момент меньше, нежели те угрозы, которые проистекают из-за событий вокруг Украины и опасности столкновения с НАТО на украинском фронте.

На такие, отчасти примирительные сигналы из Москвы не замедлили отреагировать отдельные представители дипломатического и экспертного сообщества в новых странах — членах НАТО, стремящиеся к тому, чтобы не сжигать все мосты с Россией. В их среде явно существуют разные мнения относительно того, насколько это приращение Североатлантического альянса действительно

¹ Саммит ОДКБ, 16.05.2022, *Сайт Президента России*, URL: <https://www.kremlin.ru/events/president/news/68418> (дата обращения: 27.07.2022).

угрожает военной безопасности России, является ли оно непосредственной военной угрозой или представляет собой в основном политико-психологический фактор. В политических кругах Финляндии и Швеции преобладает стремление преуменьшить опасность, которую несет для России их вступление в НАТО, возложить всю вину за соответствующий геополитический выбор Хельсинки и Стокгольма на саму Москву. В частности, известный финский дипломат, бывший посол Финляндии в РФ и Германии Р. Нюберг считает, что на фоне просчетов, допущенных Москвой в ходе ее военной кампании на Украине, «вступление Финляндии и Швеции в НАТО представляет для России не прямую угрозу, а скорее сопутствующий ущерб», ведь «Швеция еще в 1950-е гг. получила неофициальные гарантии безопасности от США, Финляндия давно и активно сотрудничает с НАТО, а вооруженные силы обеих стран соответствуют натовским стандартам. Да и в чисто военном плане в Северной Европе мало что изменится — разве что Норвегии теперь будет проще защищать свою северную область Финмарк» [33].

Несмотря на подобные попытки преуменьшить негативные для России последствия вступления двух северных стран в НАТО, высказанная финским дипломатом точка зрения оставляет надежду на то, что в Хельсинки и Стокгольме не возобладает стремление слепо следовать по пути других государств Балтики из числа посткоммунистических стран, пытающихся быть главными «доверенными лицами» Вашингтона. Однако рассчитывать на то, что неблагоприятного для России развития ситуации в Балтийском регионе удастся избежать, можно будет лишь после достижения какого-то прогресса в преодолении первопричин нынешней острой конфронтации между Россией и Западом.

Необходимость принятия Россией ответных мер с целью снизить негативное воздействие превращения Балтийского моря во «внутреннее озеро НАТО» оставляет достаточно возможностей для гибкости и предполагает сочетание чисто военных мероприятий и коррекции политических приоритетов нашей страны в регионе. Во-первых, неизбежным станет усиление как сухопутной, так и морской группировок Вооруженных сил РФ на северо-западной границе страны (с размещением в том числе оперативно-тактических ракетных комплексов, сил ПВО, с возможностью нанесения ударов высокоточным оружием на территориях новых членов НАТО), соответствующее уровню возникающей для нашей страны угрозы. Во-вторых, по крайней мере в период сохранения высокого уровня военно-политической напряженности между Россией и Западом потребуются более радикальная ревизия политических и экономических приоритетов РФ в отношении с наиболее недружественными государствами региона (в том числе пересмотр устоявшихся логистических схем), увязка этих отношений с тем «вкладом», который они вносят в наращивание взаимной напряженности (собственно, этот процесс был начат самими ЕС и США путем эскалации санкционного давления на Россию). В-третьих, даже в условиях очевидного тупика и балансирования на грани войны в отношениях с Западом необходимо прорабатывать варианты возобновления сотрудничества и отстаивания российских интересов в регионе на будущее, когда стороны этого противостояния начнут осознавать, что взамен дискредитировавшей себя постбиполярной западентристской системы требуются новые институциональные механизмы европейской архитектуры безопасности.

Реальные последствия последних геополитических изменений в Балтийском регионе будут во многом зависеть от исхода военных действий на территории Украины и шансов на хотя бы частичное снижение уровня военно-политической напряженности между Россией и Западом.

Список литературы

1. Dahl, A. S. 2014, NORDEFCO and NATO: “Smart Defence” in the North? *Research Paper. Research Division — NATO Defence College, Rome*, № 101, May, p. 1—12.
2. Смирнов, П. Е. 2020, Эволюция политических приоритетов США в регионе Балтийского моря во втором десятилетии XXI века, *Балтийский регион*, т. 12, № 3, с. 4—25, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-3-1>
3. The Effects of Finland’s Possible NATO Membership, An Assessment. Ministry for Foreign Affairs of Finland, 2016, April, 64 p.
4. Громько, А. А., Плевако, Н. С. 2016, О возможном вступлении Швеции и Финляндии в НАТО, *Современная Европа*, № 2, с. 13—16, <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220161316>
5. Воронов, К. В. 2018, Северный нейтраллизм: исторический финал или трансформация? *Современная Европа*, № 1, с. 80—89, <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120188089>
6. Timofeev, I. 2016, Russia and NATO in the Baltic, In: Andžāns, M., Bruģe, I. (eds.), *The Baltic Sea Region: Hard and Soft Security Reconsidered*, Latvian Institute of International Affairs, Riga, p. 56—65.
7. Смирнов, П. Е. 2022, Обострение украинского кризиса и формирование новой стратегической концепции НАТО, *США & Канада: экономика, политика, культура*, № 10, с. 5—18, <https://doi.org/10.31857/S2686673022100017>
8. Трухачев, В. 2023, Россия — Швеция: тупик отношений? *Перспективы*, URL: https://www.perspektivy.info/oikumena/europe/rossija__shvecija_tupik_otnoshenij_2023-02-15.htm (дата обращения: 25.07.2023).
9. Bildt, C. 2022, What NATO’s Northern Expansion Means, *Project Syndicate*, URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/sweden-finland-nato-membership-expanded-european-defense-capacity-by-carl-bildt-2022-04?barrier=accesspaylog> (дата обращения: 27.07.2023).
10. Bildt, C. 2022, NATO’s Nordic Expansion Adding Finland and Sweden Will Transform European Security, *Foreign Affairs*, URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/europe/2022-04-26/natos-nordic-expansion> (дата обращения: 27.07.2023).
11. Худoley, К. К., Ланко, Д. А. 2019, Финская дилемма безопасности, НАТО и фактор Восточной Европы, *Мировая экономика и международные отношения*, т. 63, № 3, с. 13—20, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-3-13-20>
12. Никитин, А. И. 2016, Усиление НАТО на восточных границах альянса и перспективы его расширения на север, *Международная аналитика*, № 1, с. 34—43, <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2016-0-1-34-43>
13. Government report on changes in the security environment. 2022. *Publications of the Finnish Government 2022:20*. Finnish Government, Helsinki, 52 p.
14. Плевако, Н. С. 2022, Шведский и финский нейтралитет. В прошлом? *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*, № 2, с. 24—31, <https://doi.org/10.15211/vestnikieran220222431>
15. Ett försämrat säkerhetspolitiskt läge — konsekvenser för Sverige, 2022, Ds 2022:7. *Regeringskansliet, Utrikesdepartementet*, Stockholm.
16. Белухин, Н. Е. 2022, Дания больше не «отговорится» от оборонной интеграции ЕС, *ИМЭМО РАН*, URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/denmark-will-no-longer-opt-out-of-eu-defense-integration> (дата обращения: 25.07.2023).
17. Nilsson, M. 2023, Vad innebär Finlands Nato-inträde för Sverige? Jönköping University. Verticals, URL: <https://ju.se/portal/vertikals/blogs/vertikals-guest-blogger/bloggposter/2023-04-04-vad-innebar-finlands-nato-intrade-for-sverige.html> (дата обращения: 06.09.2023).
18. Грибанова, Г. И., Косов, Ю. В. 2018, Политика НАТО на Балтике — цели и приоритеты, *Балтийский регион*, т. 10, № 1, с. 56—72, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2018-1-4>
19. Hanska, J. 2015, The Role of the Baltic region for the United States. An Analysis of the U.S. Presidential Rhetoric from the Reagan Years to Today, *The Finnish Institute of International Affairs*, FIIA Working Paper, April, 26 p.
20. Crowther, G. A. 2023, The Baltic Sea Region at an Inflection Point, *PRISM*, vol. 10, № 2.

21. Bowman, B., Brobst, R., Sullivan, J., Hardie, J. 2022, Finland and Sweden in NATO are strategic assets, not liabilities, *Defense News*, URL: <https://www.defensenews.com/opinion/commentary/2022/07/20/finland-and-sweden-in-nato-are-strategic-assets-not-liabilities/> (дата обращения: 22.07.2023).
22. Lokker, N., Townsend, J., Hautala, H., Kendall-Taylor, A. 2023, How Finnish and Swedish NATO Accession Could Shape the Future Russian Threat a Report of the Transatlantic Forum on Russia, *CNAS Transatlantic Forum on Russia*, URL: <https://www.cnas.org/publications/reports/how-finnish-and-swedish-nato-accession-could-shape-the-future-russian-threat> (дата обращения: 31.07.2023).
23. Pawlak, J. 2022, No, Don't Call the Baltic a 'NATO Lake' *RUSI*, URL: <https://rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/no-dont-call-baltic-nato-lake> (дата обращения: 29.07.2023).
24. Носович, А. 2022, Россия рискует потерять Калининградскую область после вступления Швеции и Финляндии в НАТО, *RUBALTIC.RU*, URL: <https://www.rubaltic.ru/editorial/20220523-rossiya-riskuet-poteryat-kaliningradskuyu-oblast-posle-vstupleniya-shvetsii-i-finlyandii-v-nato/> (дата обращения: 21.07.2023).
25. Hamilton, D. S., Pita, A. 2022, Why is Kaliningrad at the Center of a New Russia-NATO Face-Off? *Brookings*, URL: <https://www.brookings.edu/articles/why-is-kaliningrad-at-the-center-of-a-new-russia-nato-faceoff/> (дата обращения: 21.07.2023).
26. Adamson, E., Ålander, M. 2023, Finland and Sweden are ready. Is NATO? *The Royal Swedish Academy of War Sciences*, URL: <https://kkrrva.se/en/finland-and-sweden-are-ready-is-nato/> (дата обращения: 06.09.2023).
27. Данилов, Д. А. 2022, Финляндия и Швеция у открытых дверей НАТО, *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*, № 2, с. 16 – 23, <https://doi.org/10.15211/vestnikieran220221623>
28. Крамник, И. 2023, Новое расширение НАТО делает Арктику более опасным регионом, *Независимая газета*, URL: https://www.ng.ru/kartblansh/2023-07-24/3_8781_kb.html (дата обращения: 27.07.2023).
29. Mellen, R., Moriarty, D., Ledur, J. 2023, Four maps explain how Sweden and Finland could alter NATO's security, *The Washington Post*, URL: www.washingtonpost.com/world/2023/07/11/nato-sweden-finland-maps/ (дата обращения: 27.07.2023).
30. Овчарук, А. П. 2022, НАТО превращает Балтийское море в регион нестабильности, *ИМЭМО РАН*, URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/nato-turns-the-baltic-sea-into-a-region-of-instability> (дата обращения: 23.07.2023).
31. Худoley, К. 2022, Финляндия, Швеция и НАТО: процесс пошел, *Россия в глобальной политике*, <https://globalaffairs.ru/articles/finlyandiya-shvecziya-i-nato/> (дата обращения: 30.07.2023).
32. Кикнадзе, В. Г., Миронюк, Д. А., Кретинин, Г. В. 2019, Военно-политическая обстановка в Балтийском регионе в конце XX — начале XXI века: перспективы «худого мира», *Балтийский регион*, т. 11, № 1, с. 60 – 75, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-1-5>
33. Nyberg, R. 2022, Russian Collateral Damage: Finland and Sweden's Accession to NATO. *Carnegie Endowment for International Peace*, URL: <https://carnegieendowment.org/politika/88096> (дата обращения: 22.07.2023).

Об авторе

Павел Евгеньевич Смирнов, старший научный сотрудник, Отдел внешнеполитических исследований, Институт США и Канады имени академика Г. А. Арбатова РАН, Россия.

E-mail: smi-pavel@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4757-8099>

THE ACCESSION OF FINLAND AND SWEDEN TO NATO: GEOPOLITICAL IMPLICATIONS FOR RUSSIA'S POSITION IN THE BALTIC SEA REGION

P. Ye. Smirnov

Georgy Arbatov Institute for US and Canada Studies
Russian Academy of Sciences,
2/3, Khlebny Ln., Moscow, 121069, Russia

Received 01 August 2023
Accepted 20 September 2023
doi: 10.5922/2079-8555-2023-4-3
© Smirnov, P. Ye., 2023,

The article examines Sweden's and Finland's motives for ending their long-time non-aligned policies and joining NATO after Russia had launched a special military operation in Ukraine in February 2022. The country's decision is shown to be in the interest of the United States, which has always sought to fill the geopolitical vacuum reigning after the collapse of the opposing Soviet bloc and the Soviet Union itself. Finland and Sweden were the missing links for Washington and NATO in the Baltic region and Northern Europe as a whole. The study analyses the major consequences of these geopolitical changes for Russia in the Baltic region. These include the increasing disparity in armed forces with NATO, the substantial expansion of the border with the Alliance, the acquisition of new territorial and infrastructural capabilities by NATO to deploy reinforcements and military equipment from member countries to the region, the potential stationing of nuclear weapons on the territories of new member countries, the risk of blockading the Kaliningrad region, as well as the Gulf of Finland, and the Danish straits for Russian vessels. It is stressed that in the current circumstances, Russia needs to consider multiple scenarios in the Baltic region. On the one hand, it must safeguard its interests with minimal damage. On the other hand, it is crucial to steer clear of uncontrolled escalation of tensions with NATO, as it entails the risk of a military clash.

Keywords:

Baltic region, Russia, Kaliningrad region, NATO, armed forces, naval activity, nuclear weapons, infrastructure, blockade

References

1. Dahl, A. S. 2014, NORDEFECO and NATO: "Smart Defence" in the North? *Research Paper. Research Division — NATO Defence College, Rome*, № 101, May, p. 1—12.
2. Smirnov, P. E. 2020, The evolution of US political priorities in the Baltic sea region in the 2010s, *Baltic region*, vol. 12, № 3, p. 4—25, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-3-1>
3. The Effects of Finland's Possible NATO Membership, An Assessment. Ministry for Foreign Affairs of Finland, 2016, April, 64 p.
4. Gromyko, A. A., Plevako, N. S. 2016, On the Sweden's and Finland's optional membership in NATO, *Sovremennaya Evropa*, № 2, p. 13—16, <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220161316> (in Russ.).
5. Voronov, K. 2018, Nordic neutralism in the XXI century: Historical Finale or a New Transformation? *Sovremennaya Evropa*, № 1, p. 80—89, <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120188089> (in Russ.).

To cite this article: Smirnov, P. Ye. 2023, The Accession of Finland and Sweden to NATO: Geopolitical Implications for Russia's Position in the Baltic Sea Region, *Baltic region*, vol. 15, № 4, p. 42—61.
doi: 10.5922/2079-8555-2023-4-3

6. Timofeev, I. 2016, Russia and NATO in the Baltic, In: Andžāns, M., Bruģe, I. (eds.), *The Baltic Sea Region: Hard and Soft Security Reconsidered*, Latvian Institute of International Affairs, Riga, p. 56—65.
7. Smirnov, P. 2022, Escalation of the Ukrainian Crisis and Formulating a New Strategic Concept of NATO, *USA & Canada: Economics — Politics — Culture*, № 10, p. 5—18, <https://doi.org/10.31857/S2686673022100017> (in Russ.).
8. Trukhachev, V. 2023, Russia — Sweden: a Deadlock in Relations? *Perspektivy*, URL: https://www.perspektivy.info/oykumena/europe/rossija_shvecija_tupik_otnoshenij_2023-02-15.htm (accessed 25.07.2023) (in Russ.).
9. Bildt, C. 2022, What NATO's Northern Expansion Means, *Project Syndicate*, URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/sweden-finland-nato-membership-expanded-european-defense-capacity-by-carl-bildt-2022-04?barrier=accesspaylog> (accessed 27.07.2023).
10. Bildt, C. 2022, NATO's Nordic Expansion Adding Finland and Sweden Will Transform European Security, *Foreign Affairs*, URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/europe/2022-04-26/natos-nordic-expansion> (accessed 27.07.2023).
11. Khudoley, K., Lanko, D. 2019, Finnish Security Dilemma, NATO and the Factor of Eastern Europe, *World Economy and International Relations*, vol. 63, № 3, p. 13—20, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-3-13-20> (in Russ.).
12. Nikitin, A. 2016, The reinforcement of NATO at the Eastern borders of the alliance and prospects for its expansion northward, *Journal of International Analytics*, № 1, p. 34—43, <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2016-0-1-34-43> (in Russ.).
13. Government report on changes in the security environment. 2022. *Publications of the Finnish Government 2022:20*. Finnish Government, Helsinki, 52 p.
14. Plevako, N. S. 2022, Swedish and Finnish Neutrality. In the Past? *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, № 2, c. 24—31, <https://doi.org/10.15211/vestnikieran220222431> (in Russ.).
15. Ett försämrat säkerhetspolitiskt läge — konsekvenser för Sverige, 2022, Ds 2022:7. *Regeringskansliet, Utrikesdepartementet*, Stockholm.
16. Belukhin, N. E. 2022, Denmark will no longer “opt-out” of EU defense integration, *IMEMO RAN*, URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/denmark-will-no-longer-opt-out-of-eu-defense-integration> (accessed 25.07.2023) (in Russ.).
17. Nilsson, M. 2023, Vad innebär Finlands Nato-inträde för Sverige? *Jönköping University. Verticals*, URL: <https://ju.se/portal/vertikals/blogs/vertikals-guest-blogger/bloggposter/2023-04-04-vad-innebar-finlands-nato-intrade-for-sverige.html> (accessed 06.09.2023).
18. Gribanova, I. G., Kosov, Yu. V. 2018, NATO policies in the Baltics: objectives and priorities, *Baltic region*, vol. 10, № 1, p. 56—72, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-1-4>
19. Hanska, J. 2015, The Role of the Baltic region for the United States. An Analysis of the U. S. Presidential Rhetoric from the Reagan Years to Today, *The Finnish Institute of International Affairs*, FIIA Working Paper, April, 26 p.
20. Crowther, G. A. 2023, The Baltic Sea Region at an Inflection Point, *PRISM*, vol. 10, № 2.
21. Bowman, B., Brobst, R., Sullivan, J., Hardie, J. 2022, Finland and Sweden in NATO are strategic assets, not liabilities, *Defense News*, URL: <https://www.defensenews.com/opinion/commentary/2022/07/20/finland-and-sweden-in-nato-are-strategic-assets-not-liabilities/> (accessed 22.07.2023).
22. Lokker N., Townsend J., Hautala, H., Kendall-Taylor, A. 2023, How Finnish and Swedish NATO Accession Could Shape the Future Russian Threat a Report of the Transatlantic Forum on Russia, *CNAS Transatlantic Forum on Russia*, URL: <https://www.cnas.org/publications/reports/how-finnish-and-swedish-nato-accession-could-shape-the-future-russian-threat> (accessed 31.07.2023).
23. Pawlak, J. 2022, No, Don't Call the Baltic a 'NATO Lake' *RUSI*, URL: <https://rusi.org/ex-plore-our-research/publications/commentary/no-dont-call-baltic-nato-lake> (accessed 29.07.2023).
24. Nosovich, A. 2022, Russia risks losing the Kaliningrad region after Sweden and Finland join NATO, *RUBALTIC.RU*, URL: <https://www.rubaltic.ru/editorial/20220523-rossiya-riskuet-poteryat-kaliningradskuyu-oblast-posle-vstupleniya-shvetsii-i-finlyandii-v-nato/> (accessed 21.07.2023) (in Russ.).
25. Hamilton, D. S., Pita, A. 2022, Why is Kaliningrad at the Center of a New Russia-NATO Face-Off? *Brookings*, URL: <https://www.brookings.edu/articles/why-is-kaliningrad-at-the-center-of-a-new-russia-nato-faceoff/> (accessed 21.07.2023).

26. Adamson, E., Ålander, M. 2023, Finland and Sweden are ready. Is NATO? *The Royal Swedish Academy of War Sciences*, URL: <https://kkrva.se/en/finland-and-sweden-are-ready-is-nato/> (accessed 06.09.2023).

27. Danilov, D. A. 2022, Finland and Sweden on the Threshold of NATO's Open Door, *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, № 2, p. 16—23, <https://doi.org/10.15211/vestnikieran20221623>

28. Kramnik, I. 2023, New Enlargement of NATO Makes Arctic More Dangerous. *Nezavisimaya Gazeta*, URL: https://www.ng.ru/kartblansh/2023-07-24/3_8781_kb.html (accessed 27.07.2023) (in Russ.).

29. Mellen, R., Moriarty, D., Ledur, J. 2023, Four maps explain how Sweden and Finland could alter NATO's security, *The Washington Post*, URL: www.washingtonpost.com/world/2023/07/11/nato-sweden-finland-maps/ (accessed 27.07.2023).

30. Ovcharuk, A. I. 2022, NATO turns the Baltic Sea into a region of instability. *MEMO RAN*, URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/nato-turns-the-baltic-sea-into-a-region-of-instability> (accessed 23.07.2023) (in Russ.).

31. Khudoley, K. 2022, Finland and Sweden Joining NATO: The Game is Afoot, *Russia in Global Affairs*, <https://globalaffairs.ru/articles/finlyandiya-shvecziya-i-nato/> (accessed 30.07.2023) (in Russ.).

32. Kiknadze, V. G., Mironyuk, D. A., Kretinin, G. V. 2019, The military and political situation in the Baltic region in the late 20th/early 21st centuries: the prospects of 'uneasy peace', *Baltic region*, vol. 11, № 1, p. 60—75, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-1-5>

33. Nyberg, R. 2022, Russian Collateral Damage: Finland and Sweden's Accession to NATO. *Carnegie Endowment for International Peace*, URL: <https://carnegieendowment.org/politika/88096> (accessed 22.07.2023).

The author

Pavel Ye. Smirnov, Senior Research Fellow, Georgy Arbatov Institute for US and Canada Studies Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: smi-pavel@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4757-8099>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

АДАПТАЦИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ К РАЗРЫВУ ОТНОШЕНИЙ С ЕВРОПОЙ (НА ПРИМЕРЕ ПОРТОВ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ)

Д. Б. Кувалин

Ю. А. Щербанин

Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН,
117418 Россия, Москва, Нахимовский просп., 47

Поступила в редакцию 04.09.2023 г.

Принята к публикации 18.10.2023 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2023-4-4

© Кувалин Д. Б., Щербанин Ю. А., 2023

Несмотря на крупномасштабные экономические санкции со стороны западных стран, Россия избежала масштабного спада и вернулась к восстановительному росту. Ситуация в российских регионах, ранее ориентированных на сотрудничество с Европой, была сложнее. Но и эти регионы в целом смогли перестроиться и вернуться к росту. Более того, в российских регионах возник ряд точек роста, которые продолжают успешно развиваться даже в условиях санкций. Один из таких примеров — российские морские порты. Целью проведенного исследования стало изучение факторов, которые позволили российскому бизнесу, в том числе портам на Балтийском море, адаптироваться к санкциям и успешно продолжить свою работу. Для решения поставленных задач использовался разносторонний анализ макроэкономической, отраслевой, региональной и корпоративной статистики; изучались профильные публикации в научной литературе и информация из деловых СМИ; проводились опросы российских предприятий, работающих в различных отраслях и регионах России. В статье были рассмотрены история экономических взаимоотношений России и Европы в последние 25—30 лет; влияние западных санкций на пространственное развитие России; реакция морского транспорта России на санкции и предпринятые адаптационные меры; результаты работы портов российской Балтики в 2022—2023 гг.; риски и угрозы, способные затруднить развитие балтийских портов в более долгосрочной перспективе; возможные варианты развития морского транспорта на Балтике в новых условиях.

Ключевые слова:

пространственное развитие России, Балтийское море, морские порты, адаптация к санкциям

Сотрудничество с Европой — главный приоритет постсоветской внешнеэкономической политики России. В течение 25—30 лет, предшествовавших нынешнему геополитическому кризису, европейское направление было главным приоритетом российской внешнеэкономической и внешнеторговой политики [1; 2].

Для цитирования: Кувалин Д. Б., Щербанин Ю. А. Адаптация экономики российских регионов к разрыву отношений с Европой (на примере портов Балтийского моря) // Балтийский регион. 2023. Т. 15, № 4. С. 62—78. doi: 10.5922/2079-8555-2023-4-4

В европейские страны направлялась преобладающая часть российского экспорта. В период с 2011 по 2014 г. доля 37 европейских стран в товарном экспорте России составляла 53—55 %. После запуска первой волны антироссийских санкций эта доля сократилась, но не очень сильно — с 2015 г. по 2021 г. она составляла от 42 до 49 %. По отдельным видам продукции она была еще выше. Например, в 2021 г. удельный вес Европы в экспортных поставках российского газа был равен 79 %, нефтепродуктов — 56 %, нефти — 48 %.

Аналогичным образом обстояли дела и с ввозом товаров: с 2011 по 2014 г. на 37 европейских стран приходилось 43—44 % российского импорта, а в период с 2015 по 2021 г. эта доля составляла 35—40 % [3].

Кроме того, в указанные годы Россия сделала ставку на масштабное привлечение прямых и портфельных инвестиций, а также высоких технологий из европейских стран, надеясь провести с их помощью модернизацию своей национальной экономики. Иностранные инвесторы, преимущественно европейские, получали значительные преференции и льготы, помогавшие им закрепиться на российских рынках. Как следствие, компании из европейских стран открыли в России очень большое число собственных и совместных предприятий для производства различных товаров и услуг [4]. В частности, в 2014 г. в России работало свыше 6 тысяч только немецких компаний с накопленным объемом инвестиций в 22,3 млрд евро¹.

Российские компании в эти годы также достаточно часто открывали свои дочерние предприятия в европейских странах, стараясь интегрироваться в международные цепочки создания стоимости. Например, группа НЛМК до сих пор владеет тремя металлургическими предприятиями во Франции и одним в Дании, поставляя туда для дальнейшей переработки свою продукцию, произведенную в России².

Проблемы российско-европейского экономического сотрудничества. Следует особо отметить, что Россия много лет стремилась к открытому и равноправному экономическому сотрудничеству с Европой. Европейский вектор развития внешнеэкономических связей России обосновывался уверенностью многих отечественных политиков в том, что сотрудничество с партнерами из ЕС и других стран в целом будет долгосрочным, стабильным и взаимовыгодным. Эта политика была неизменной, несмотря даже на то, что многие европейские партнеры еще задолго до обострения геополитической ситуации в 2014 г. отказывались принимать во внимание экономические интересы России и применяли по отношению к нашей стране различные дискриминационные меры [5—8].

В частности, в 2006 г. российской компании «Северсталь» было отказано в приобретении люксембургской металлургической компании «Arcelor». По мнению многих наблюдателей, причиной отказа стало нежелание европейских правительств продавать одного из крупнейших производителей черных металлов в мире именно российскому покупателю³.

Еще одна похожая история произошла в 2009 г., когда сорвалась сделка по приобретению российскими покупателями немецкой автомобильной компании «Опель». После срыва сделки в СМИ было много сообщений о том, что в действительности

¹ В России зарегистрировано почти 6300 немецких предприятий, *Российская газета*, 08.10.2014, URL: <https://rg.ru/2014/10/07/inostranny-business.html> (дата обращения: 16.10.2023).

² География активов группы НЛМК, *НЛМК*, URL: <https://nlmk.com/ru/about/map-of-assets/> (дата обращения: 16.06.2023).

³ Российские политики считают решение Arcelor проявлением русофобии, *Инопресса*, 27.06.2006, URL: <https://www.inopressa.ru/article/27Jun2006/nytimes/arcelor.html> (дата обращения: 16.06.2023) ; Эксперты: сделка с Arcelor-Mittal — политическое решение, *Росбизнесконсалтинг*, 27.06.2006, URL: <https://www.rbc.ru/economics/27/06/2006/5703c3139a7947dde8e0aab3> (дата обращения: 16.06.2023).

причины отказа были политически мотивированными¹. Контролировавший на тот момент компанию «Опель» концерн «Дженерал Моторс» под давлением американских властей не захотел предоставлять России доступ к технологиям и патентам «Опеля»², даже несмотря на то, что эти технологии относились к массовым и их вряд ли можно было считать самыми передовыми и чувствительными с точки зрения военного соперничества.

Также следует напомнить о том, как граничащие с Россией Эстония, Латвия, Литва, Польша в течение многих лет проявляли себя как нелояльные и ненадежные транзитеры товарных потоков, следующих из России и обратно. Эти страны нередко вводили различные ограничения для российских экспортеров и импортеров, завышали расценки на транспортировку грузов по своей территории, создавали препятствия для строительства транзитной транспортной инфраструктуры, выдвигали различные требования политического характера. В частности, Польша в 2013 г. отказалась согласовать проект строительства газопровода «Ямал — Западная Европа-2», в ультимативном порядке требуя, чтобы на участке до польской границы труба прошла не по более короткому и надежному маршруту через Белоруссию, а через Украину³. Эта история стала одной из главных причин, вынудивших российскую компанию «Газпром» в дальнейшем переключиться на реализацию проекта «Северный поток», в рамках которого газ шел напрямую в Германию в обход недружественно настроенных стран Восточной Европы.

Развитие российских портов на Балтике. Россия вплоть до самого последнего времени продолжала всячески развивать инфраструктуру, обеспечивающую экономические и торговые отношения с Европой. Эта политика сопровождалась строительством на западных границах России новых портов, причалов, терминалов, железнодорожных подходов, специализированных складских площадей. При этом в припортовых зонах строились жилье для работников и другая инфраструктура для портовых, таможенных, фитосанитарных и прочих служб. Особое значение придавалось расширению грузодвижения через Балтийское море, поскольку здесь пролегал наиболее короткий и удобный путь к основным торговым партнерам России из Европы — Германии, Франции, Нидерландам и т. д. [9 — 11].

Как следствие, транспортные перевозки на Балтике, как грузовые, так и пассажирские, получили мощное развитие. В середине 1990-х гг. удалось (именно удалось) убедить тогдашнего российского президента подписать указы о строительстве трех новых портов в Ленинградской области — Усть-Луга, Приморск и Бухта Батарейная. Это решение принципиально поменяло ситуацию с балтийским транзитом в пользу России, хотя руководство и бизнес Эстонии, Латвии и Литвы всячески сопротивлялись такому развитию событий, пытались сохранить свое ценовое и политическое влияние на российско-европейские торговые связи. Создание новых крупных портов в Финском заливе можно считать одним из главных успехов российской пространственной политики последних десятилетий. Этот успех

¹ Срыв сделки по продаже Opel мог произойти по политическим причинам, *Форбс*, 12.11.2009, URL: <https://www.forbes.ru/news/27466-sryv-sdelki-po-prodazhe-opel-mog-proizoiti-politicheskim-prichinam-pervyi-zampred-sove> (дата обращения: 16.06.2023).

² Журналисты выяснили новые подробности о неудавшейся продаже Opel, *Автоньюс*, 25.07.2011, URL: <https://www.autonews.ru/news/5825a8939a7947474312d984> (дата обращения: 16.06.2023).

³ Польская оппозиция недовольна проектом строительства газопровода Ямал-Европа-2, *Нефтегаз*, 08.04.2013, URL: <https://neftgaz.ru/news/politics/257954-polskaya-oppozitsiya-nedovolna-proektom-stroitelstva-gazoprovoda-yamal-evropa-2/> (дата обращения: 03.06.2023).

позволил в значительной степени избавиться от диктата нелояльных транзитных стран Восточной Европы и дал серьезный импульс для экономического развития практически всех регионов Северо-Запада России.

Развитие российских портовых мощностей на Балтике осуществлялось целенаправленно и ритмично, обеспечивая постоянный рост грузооборота морских перевозок (рис.).

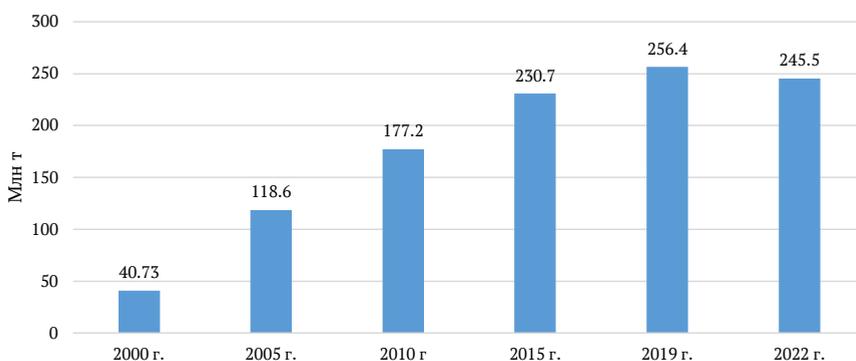

Рис. Динамика роста грузооборота российских портов на Балтике, млн т/год

Источник: составлено авторами на основе данных: Транспорт России, Информационно-статистический бюллетень 2022, 2023, *Министерство транспорта Российской Федерации*, URL: <https://mintrans.gov.ru/ministry/results/180/documents> (дата обращения: 08.08.2023); Российские порты Балтики. «Окно в Европу в начале XXI века», *Морстройтехнология*, <https://morproekt.ru/articles/science-artiles/obzornye-stati/1204-russian-baltic-ports>; Все грузы России, Морские порты, 2011, № 1, с. 79—86. Все грузы России, Морские порты, 2016, № 1, с. 71. Все грузы России, Морские порты, 2020, № 1, с. 65. Все грузы России, Морские порты, 2023, № 1, с. 57.

Таким образом, отечественные порты на Балтике в период с 2000 по 2019 г. нарастили свой грузооборот в 6,3 раза. Это позволило российским портам в 2019—2020 гг. занять первые три места в портовой иерархии Балтийского моря (табл.).

Грузооборот десяти ведущих портов на Балтийском море в 2019—2021 гг., млн т

Порт	2019	2020	2021
Усть-Луга	103,852	102,602	109,377
Санкт-Петербург	59,879	59,884	62,031
Приморск	61,024	49,302	52,998
Гданьск	52,154	49,038	53,213
Клайпеда	46,26	47,79	45,619
Гетеборг	38,9	37,9	36,9
Свиноустье	32,175	31,178	36,9
Росток	25,7	25,1	28,68
Гдыня	23,957	24,662	26,686
Таллин	19,931	21,327	22,397
<i>Всего</i>	463,832	447,782	471,121

Источник: Report. Cargo Throughput In Top 10 Baltic Ports In 2021 Rebound After Tough 2020. February 2022, Port Monitor, p. 3, URL: www.actiaforum.pl (дата обращения: 08.08.2023).

Как видно из таблицы, в 2021 г. на три ведущих российских порта приходилась почти половина грузооборота первой десятки. Отметим еще один важный итог

произошедших изменений: сейчас практически весь рынок перевозки российской нефти и нефтепродуктов на Балтике контролируется двумя отечественными портами — Приморском и Усть-Лугой.

Адаптация российской экономики к западным санкциям. После начала специальной военной операции в феврале 2022 г. западные страны, в первую очередь европейские, ввели многочисленные антироссийские запреты. В частности, из бизнеса с Россией вышли ведущие зарубежные морские контейнерные перевозчики, были запрещены заходы в европейские порты судов под российским флагом, а также загрузка судов под другими флагами, следовавших в российские порты. Также были запрещены транзит российских грузов через европейские порты; бункеровка всех судов, которыми владеют российские судовладельцы; въезд автомобильного подвижного состава (грузового и легкового) с российскими номерами. Кроме того, была ограничена перегрузка контейнеров с российскими грузами на железнодорожном транспорте на погранпереходах, судам под флагами стран ЕС запретили заходить в российские порты, был введен режим закрытого неба для российского воздушного флота и т. д. Страны ЕС, по существу, отказались от импорта из балтийских портов как крупных грузовых партий (нефтегрузы, уголь, удобрения, древесина и др.), так и грузов, вывозимых мелкими партиями.

Многие эксперты как на Западе, так и в России ожидали, что введение крупномасштабных санкций нанесет сильный удар по российской экономике и отбросит ее далеко назад. Как показали последовавшие события, удар действительно был сильным [12; 13]. Однако скорость адаптации российской экономики к внешнему давлению оказалась очень высокой, что позволило значительно смягчить последствия санкций и довольно быстро начать перестройку экономики.

Например, как показали опросы, проведенные Институтом народнохозяйственного прогнозирования РАН, уже весной 2022 г. 36 % российских предприятий начали поиск альтернативных поставщиков санкционной продукции за границей и еще 70 % — внутри России. Кроме того, 31 % предприятий начали поиски новых рынков сбыта; 21 % запустили выпуск новых видов продукции, а 15 % начали перестраивать производство за счет модернизации, ремонтов и т. п. Российские предприятия не снижали интенсивность адаптации и в дальнейшем. Более того, частота применения активных методов адаптации продолжала расти. В частности, весной 2023 г. доля предприятий, начавших модернизацию своего производства, увеличилась до 33 %. В результате весной 2023 г. 32 % российских предприятий пришли к выводу, что они в целом не пострадали от санкций (весной 2022 г. таких предприятий было только 19 %) [14].

Активная работа по адаптации к санкциям велась также на уровне федеральных министерств и ведомств, региональных администраций, крупных госкомпаний и т. д. По подсчетам Минэкономразвития (МЭР) РФ, в 2022 г. в России было запущено 309 мер по антисанкционной поддержке национальной экономики. В частности, была реструктурирована судная задолженность крупного бизнеса на сумму 5,9 трлн руб., что позволило отечественным компаниям сэкономить на процентных платежах 36,6 млрд руб. Также был законодательно разрешен так называемый параллельный импорт продукции (без согласия правообладателей по неформальным каналам), поставщики которой официально отказались завозить ее в Россию. Од-

¹ В опросах ИНП РАН 2022—2023 гг. участвовало от 132 до 189 предприятий, работавших в 49 регионах России и представлявших такие отрасли, как электроэнергетика; черная и цветная металлургия; химия; машиностроение; промышленность стройматериалов; лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность; легкая, пищевая и медицинская промышленность; сельское хозяйство; строительство; транспорт; связь, ремонт автотранспортных средств; здравоохранение; гостиницы, общественное питание.

новременно Правительство РФ ввело мораторий на внеплановые проверки бизнеса по 100 видам федерального, 33 видам регионального и 7 видам муниципального контроля. Кроме того, были предприняты многочисленные меры по поддержке отдельных секторов российской экономики. Так, например:

— вплоть до 30.07.2027 г. был обнулен налог на добавленную стоимость (НДС) на услуги по проживанию в гостиницах;

— на 2022—2024 гг. был установлен нулевой налог на прибыль для предприятий ИТ-сферы (что, по оценкам МЭР РФ, обеспечит отрасли ежегодную экономию затрат в 3,7 млрд руб.);

— предприятия АПК в 2022 г. получили свыше 150 млрд руб. льготных кредитов по ставке не выше 5 % годовых;

— отечественным авиаперевозчикам в 2022 г. было выделено свыше 122 млрд руб. прямой бюджетной поддержки для компенсации потерь, понесенных из-за разрыва транспортных связей с западными странами;

— ОАО РЖД получило из Фонда национального благосостояния 250 млрд руб. на докапитализацию; основная цель докапитализации — дополнительное бюджетное финансирование деятельности по модернизации железных дорог на Дальнем Востоке и закупке подвижного состава у российских поставщиков¹.

Также были предприняты меры по антикризисной поддержке населения (домохозяйств). В их числе можно упомянуть дополнительные выплаты семьям с детьми, объем которых в 2022 г. составил примерно 440 млрд руб.; оплату бюджетом общественных работ (на сумму в 25 млрд руб.), на которые привлекались безработные граждане; расширение бюджетного финансирования профессиональной переподготовки и т. п. В свою очередь, поведение российских граждан, которые в целом не стали поддаваться потребительской панике, массово изымать вклады из банков, устраивать забастовки и т. д., также можно назвать очень ответственным.

Вследствие активной адаптационной деятельности государства, бизнеса и населения падение ВВП России по итогам 2022 г. составило не 8—12 %, как в начале событий ожидали многие ведущие зарубежные и отечественные аналитические организации, а только 2,1 %².

Влияние западных санкций на развитие российских регионов. Перестройка экономических процессов, вызванных геополитическими потрясениями 2022—2023 гг., весьма сильно повлияла на пространственное развитие России [15; 16]. Резкое сокращение экономических связей с объявившими санкции западными (и прежде всего европейскими) странами привело к заметной переориентации российских внешнеторговых и транспортных потоков [17—19]. В новых условиях особую важность для России приобрели транспортные направления, выходящие на Дальний Восток, к Баренцеву и Каспийскому морям, а также странам Центральной Азии. В настоящее время происходит быстрое развитие этих направлений, которое выражается не только в росте товарооборота с лояльно относящимися к России странами, но и в наращивании инвестиций в проекты, обеспечивающие расширение внешнеторговых связей на юге и востоке России (строительство новых и расширение существующих портов и погранпереходов; увеличение провозной способности транспортных магистралей; сдвиг некоторых видов производственной активности на восток и т. д.).

¹ О ходе реализации Правительством антикризисных мер, *Министерство экономического развития РФ*, 27.09.2022, URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/bf52beec-f1a10a82b88953a79edc34e6/daydzhest_mery_podderzhki.pdf (дата обращения: 22.05.2023).

² О производстве и использовании валового внутреннего продукта (ВВП) в 2022 году, *ФСГС России*, 20.02.2023, URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/22_20-02-2023.html (дата обращения: 03.09.2023).

Вместе с тем вследствие санкций сократились транспортные потоки в направлении европейских стран, проходящие через морские и сухопутные границы России на западе страны. Весьма вероятно, что такое положение дел сохранится и в среднесрочной перспективе. Возможное смягчение геополитической напряженности в более отдаленном будущем, скорее всего, приведет к постепенному восстановлению экономических связей между Россией и Европой, однако уже сейчас ясно, что это восстановление произойдет нескоро и повлечет за собой серьезные изменения в структуре трансграничных обменов [20].

Такое развитие событий довольно серьезно влияет на положение дел в таких примыкающих к Балтике российских регионах, как Санкт-Петербург, Ленинградская, Калининградская, Псковская и Новгородская области, Республика Карелия. В первую очередь это выразилось в снижении загрузки большого числа местных предприятий транспортного комплекса и обслуживающих его смежных отраслей.

Кроме того, произошло падение выпуска на российских предприятиях, которые зависели от поставок сырья и комплектующих из недружественных стран. Таких предприятий было достаточно много и в российских прибалтийских регионах. Например, на начало 2023 г. в автомобильном кластере г. Санкт-Петербурга практически полностью было остановлено производство на двух заводах — Nissan и General Motors, а на третьем заводе — Hyundai-KIA — продолжался выпуск только отдельных комплектующих для автомобилей этих марок¹. Тихвинский вагоностроительный завод из Ленинградской области в 2022 г. останавливался более чем на два месяца из-за нехватки кассетных подшипников западного происхождения².

Также в числе негативных экономических последствий можно указать полное или частичное закрытие ряда совместных производств из-за ухода части иностранных инвесторов. В частности, упомянутые выше кассетные подшипники перестали выпускаться именно на российских заводах шведской компании SKF и американской компании Timken, которые поддержали санкции и покинули российский рынок.

Сократили выпуск и многие российские предприятия, ранее экспортировавшие свою продукцию в европейские страны. Так, экспорт пиломатериалов из России по итогам 2022 г. упал примерно на 21—22 %, главным образом из-за того, что в результате санкций были заблокированы их поставки в европейские страны³. При этом наиболее сильно пострадала лесная промышленность Северо-Запада России, которая в наибольшей степени была завязана на экспортные поставки своей продукции в Европу⁴.

Развитие морского транспорта — история успеха в рамках борьбы с последствиями антироссийских санкций. Вопреки многим ожиданиям российский морской транспорт, в том числе обслуживающий международные перевозки, в целом избежал кризиса в 2022—2023 гг. Хорошие результаты были показаны как в целом по России, так и на Балтике. Несмотря на введение многочисленных пакетов санкций против российских физических и юридических лиц, в 2022 г. российским пор-

¹ Кобиц, Е. На автозаводы в Санкт-Петербурге появился неожиданный претендент, *Эксперт*, 03.03.2023, URL: <https://expert.ru/2023/03/3/na-avtozavody-v-sankt-peterburge-poyavilsya-neozhidanniy-pretendent/> (дата обращения: 16.10.2023).

² Вагоностроительный завод возвращается на рельсы, *Коммерсантъ*, 02.08.2022, URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5491481> (дата обращения: 16.10.2023).

³ Экспорт российских пиломатериалов в 2022 году сократился на 20,8 %, *Интерфакс*, 26.01.2023, URL: <https://www.interfax.ru/business/883363> (дата обращения: 16.10.2023) ; Экспорт леса в 2023 году: от прогнозов к реальности, *Тимбер эксперт*, URL: <https://timber-expert.ru/eksport-pilomaterialov-2023-prognozy-i-realnost> (дата обращения: 16.10.2023).

⁴ Итоги работы российского ЛПК в 2022 г., *WhatWood*, 15.02.2023, URL: <https://whatwood.ru/whatwood-itogi-raboty-rossiyskogo-lpk-v-2022-g/> (дата обращения: 05.09.2023).

там удалось не только сохранить уровень грузовой работы, достигнутый в допандемийном 2019 г., но и превзойти его. Отечественным транспортным компаниям удалось переломить ситуацию всего за три-четыре месяца: к июлю-августу 2022 г. объемы перевалки грузов «вышли из минуса», а затем грузопотоки из России в другие страны мира и обратно продолжили расти.

По итогам 2022 г. суммарный грузооборот российских морских портов увеличился на 0,7 % по сравнению с 2021 г. и составил 841,5 млн т, в том числе по сухим грузам — 404,7 млн тонн (-2,0 %), по наливным грузам — 436,8 млн т (+3,4 %). На экспорт было отгружено 667,5 млн т (+1,0 %); импортных грузов было ввезено на 36,3 млн т (-10,2 %); транзит составил 60,7 млн т (-5,9 %); каботаж — 77,0 млн т (+10,7 %).

Что касается наиболее пострадавшего от санкций Балтийского бассейна, то результаты 2022 г. были таковы: суммарный грузооборот — 245,5 млн т (-2,9 %), в том числе сухие грузы — 96,9 млн т (-18,1 %); наливные грузы — 148,6 млн т (+10,4 %). Грузооборот отдельных портов составил: Усть-Луга — 124,1 млн т (+13,5 %); Приморск — 57,1 млн т (+7,8 %); Большой порт Санкт-Петербург — 38,8 млн т (-37,5 %); Высоцк — 16,0 млн т (-5,2 %). Надо отметить, что падение грузовой работы в Санкт-Петербурге связано с резким снижением обработки контейнерных грузов, на которой городской порт всегда специализировался. В 2022 г. Россию перестали обслуживать ведущие контейнерные компании мира, а перестройка этой сферы за счет внутренних ресурсов требует довольно много времени.

В 2023 г. позитивная динамика развития российского морского транспорта продолжилась. В целом по России рост морских перевозок по сравнению с 2022 г. ускорился, а балтийское направление перешло от уменьшения объемов транспортной работы к восстановительному росту. За январь—июль 2023 г. грузооборот морских портов России увеличился на 9,3 % по сравнению соответствующим периодом 2022 г. и составил 526,8 млн т, в том числе сухие грузы — 263,9 млн т (+16,8 %), наливные — 262,9 млн т (+2,6 %), в том числе нефть — 161,5 млн т (+6,4 %), нефтепродукты — 75,5 млн т (-5,7 %), сжиженные газы — 20,2 млн т (-4,4 %), пищевые — 3,4 млн т (+38,6 %). На экспорт перегружено 413,0 млн т (+7,8 %), на импорт — 22,8 млн т (+11,1 %), транзит — 38,9 млн т (+7,1 %), каботаж — 52,1 млн т (+24,3 %).

На Балтике результаты первых 7 месяцев 2023 г. были таковы: грузооборот — 149,0 млн т (+3,8 %), из них сухие грузы — 66,2 млн т (+17,5 %), наливные — 82,8 млн т (-5,1 %). Грузооборот отдельных портов выглядел следующим образом: Усть-Луга — 70,2 млн т (+1,6 %), Приморск — 38,6 млн т (+9,5 %), Большой порт Санкт-Петербург — 26,4 млн т (+9,3 %), Высоцк — 7,8 млн т (-16,3 %).

Эти показатели свидетельствуют о том, что российские маркетологи, логисты, портовики, железнодорожники, судовладельцы и другие участники рынка, использующие морской транспорт, смогли найти эффективный асимметричный ответ на санкции и почти полностью компенсировали понесенные потери. В этих целях использовались самые разные методы, позволяющие противостоять политически мотивированным санкционным ограничениям.

Например, по сообщениям зарубежных деловых СМИ, в начале 2023 г. теневой танкерный флот, обслуживающий российский экспорт нефти и нефтепродуктов в обход санкций, составлял свыше 600 судов¹. Причем этот флот сформировался именно в течение 2022 г. Одновременно ускоряется строительство судов, в частности газозовов, в самой России. Увеличение числа таких судов также поможет обходить санкции в процессе перевозки углеводородов.

¹ Теневой флот ширится, *Коммерсантъ*, 20.02.2023, URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5840103> (дата обращения: 05.09.2023).

Деятельность российских балтийских портов по преодолению последствий санкционного кризиса. В 2022 г. порты российской Балтики из-за своей ориентации на европейское направление пострадали от санкций больше, чем порты других морей. Однако и сами эти порты, и грузоперевозчики очень оперативно и гибко отреагировали на ситуацию.

Во-первых, балтийские транспортники постарались максимально быстро поменять направления поставок для традиционных грузов. В результате российские транспортные мощности, ориентированные на балтийское направление, очень быстро стали использовать не только для связей с Европой, но и для интенсивной перевозки грузов в другие страны. Как следствие, в балтийских портах стали обрабатывать гораздо больше грузов, следующих в страны Африки, Латинской Америки и Азии.

В частности, экспорт газойля и дизтоплива из России в Северную Африку в I квартале 2023 г. (2,3 млн т) увеличился в 7,2 раза по сравнению с I кварталом 2022 г. (0,32 млн т). При этом две трети этого экспорта идет именно через балтийские порты¹. Кроме того, быстро растут поставки российских нефтепродуктов в Латинскую Америку: только за январь-апрель 2023 г. в этом направлении их было вывезено 1,5 млн т, тогда как за полный 2022 г. объем поставок составил всего 0,21 млн т. Причем и в этом случае, как сообщают деловые СМИ, существенная доля поставок нефтепродуктов идет через порты Финского залива, прежде всего из Приморска².

По итогам 2022 г. было также отмечено увеличение экспорта российских пиломатериалов в направлении Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока (Иран, ОАЭ, Ирак, Иордания, Израиль, Тунис и др.). По сравнению с 2021 г. прирост экспорта пиломатериалов в этот макрорегион составил 18 %, а общий объем поставок достиг 1,2 млн т³. И в этом случае основными бенефициарами стали главные порты по вывозу российского леса — Усть-Луга и Санкт-Петербург.

Переориентация транспортных потоков, проходящих через российскую Балтику, будет, по всей видимости, продолжаться и дальше. Так, например, компания «Фосагро» планирует удвоить экспорт своих удобрений в Африку, используя близость своего нового завода в Волхове к российским портам Финского залива⁴.

Помимо этого через порты Российской Балтики стало вывозиться намного больше продукции из Белоруссии и других постсоветских стран. В частности, за первое полугодие 2023 г. вывоз белорусских экспортных грузов через российские порты увеличился в четыре раза по сравнению с первым полугодием 2022 г. — с 1,5 млн т до 6 млн т⁵. При этом практически весь прирост транзита из Белоруссии пришелся на порты Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Еще один пример

¹ Россия — лидер по поставкам топлива в Африку, *Argus*, 21.04.2023, URL: <https://www.argusmedia.com/ru/white-papers/2023-russia-the-leading-fuel-supplier-to-africa> (дата обращения: 05.09.2023).

² На какие рынки уходят российские нефтепродукты? *Нефть и капитал*, 19.05.2023, URL: <https://oilcapital.ru/news/2023-05-19/na-kakie-rynki-uhodyat-rossiyskie-nefteprodukty-2932569> (дата обращения: 05.09.2023).

³ Задера, С. 2023, Экспорт пиломатериалов в Африку и на Ближний Восток вырос почти на 18 %. Как санкции повлияли на изменение рынка, *Российская газета*, 23.01.2023, URL: <https://rg.ru/2023/01/23/svoi-v-dosku.html> (дата обращения: 05.09.2023).

⁴ Синцова, Н. 2023, «Фосагро» планирует удвоить поставки удобрений в Африку к 2025 году, *Ведомости*, 27.07.2023, URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2023/07/27/987128-fosagro-planiruet-udvoit-postavki-udobrenii-v-afriku> (дата обращения: 05.09.2023).

⁵ В Белоруссии рассказали об объемах экспорта, переваленного через порты России, 18.07.2023, *EuroAsia Daily*, URL: <https://easaily.com/ru/news/2023/07/18/v-belorussii-rasskazali-ob-obemah-eksporta-perevalennogo-cherez-porty-rossii> (дата обращения: 10.07.2023).

такого рода — перевозки казахстанского угля, вывоз которого через порты российской Балтики в августе-ноябре 2022 г. вырос на 27 % (до 3,7 млн т) по сравнению августом-ноябрем 2021 г.¹

Во-вторых, грузоперевозчики стали менять номенклатуру грузов, вывозимых из российских балтийских портов, что позволяет заново загрузить высвободившиеся мощности. В частности, появились сообщения об увеличении объемов зернового экспорта, следующего через балтийские порты. Так, в 2023 г. под вывоз зерновых в объеме 4 млн т в год был переоборудован один из терминалов порта Высоцкий в Финском заливе. В свою очередь, ГК «Содружество» запланировало строительство зернового терминала в порту Усть-Луга с заявленной мощностью по перевалке 10 млн т год². А так как преобладающая часть российского экспортного зерна идет в страны Ближнего Востока и Африки, европейские санкции в целом неспособны нанести существенный вред российским аграриям и транспортникам, которые занимаются его поставками.

Кроме того, следует отметить значительный рост каботажных перевозок в направлении Калининградской области. В частности, в 2023 г. каботажные перевозки контейнеров на Балтике выросли в 35 раз³. Это позволило не только преодолеть барьеры, введенные недружественными странами для сухопутных перевозок, но и поддержать Калининградский порт, грузооборот которого по итогам 2023 г. на 6—7 % должен превысить результаты 2022 г.⁴

Таким образом, реакция российских портов на Балтике, а также сотрудничающих с ними транспортных и производственных компаний оказалась не только быстрой, но и в целом весьма эффективной. Следует, однако, отметить, что описанные успехи в решении текущих проблем сами по себе не гарантируют устранения рисков и угроз более долгосрочного характера.

Риски, создающие угрозы для долгосрочного развития грузоперевозок через порты Российской Балтики. Политическая подоплека принятых против России санкций делает дальнейшее развитие событий слабо предсказуемым. По мнению многих зарубежных и российских аналитиков, чисто экономический потенциал западных санкций близок к исчерпанию⁵. Однако, как показали недавние события, в попытках нанести ущерб России недружественные страны готовы прибегать к прямому военному давлению и даже к террористическим актам по отношению к внешнеторговой инфраструктуре. Именно на Балтике 26 сентября 2022 г. в результате диверсии были взорваны подводные трубопроводы «Северный поток» и «Север-

¹ Потаева, К., Синцова, Н., 2022, Транзит казахстанского угля в порты Северо-Запада России вырос на 27 %, *Ведомости*, 08.12.2022, URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/12/08/954248-tranzit-kazahstanskogo-uglya-v-porti-severo-zapada-rossii-viros> (дата обращения: 10.07.2023).

² Белая, А., 2023, Непокойно Черное море: что будет с экспортом российского зерна, *Форбс*, 14.08.2023, URL: <https://www.forbes.ru/prodovolstvennaya-bezopasnost/494279-nespokojno-chernoe-more-cto-budet-s-eksportom-rossijskogo-zerna> (дата обращения: 10.07.2023).

³ Балтика постепенно оживляет контейнерооборот, *Коммерсантъ*, 16.08.2023, URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6161356> (дата обращения: 10.07.2023).

⁴ Калининградский порт ожидает роста товарооборота в 7 % по итогам 2023 г., *ТАСС*, 19.09.2023, URL: <https://tass.ru/ekonomika/18788217> (дата обращения: 16.10.2023).

⁵ Смирнова, С. 2023, Дел не в оборот: внешняя торговля вернулась к уровню прошлого февраля, *Известия*, 01.02.2023, URL: <https://iz.ru/1463404/sofia-smirnova/del-ne-v-oborot-vneshniaia-torgovlia-vernulas-k-urovniu-proshlogo-fevralia> (дата обращения: 10.07.2023) ; Савенкова, Д. 2023, Игорь Сечин предложил пути решения проблем российского нефтегаза, *Ведомости*, 17.06.2023, URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2023/06/17/981015-sechin-predlozhit-puti-resheniya-problem-rossiiskogo-neftegaza> (дата обращения: 16.08.2023).

ный поток-2», предназначенные для транспортировки российского газа в Европу. Официальные расследования теракта, осуществляемые Данией, Швецией и Германией, ведутся крайне медленно и непрозрачно, что, по сути, не оставляет сомнений в том, что за взрывом стоит коалиция недружественных России государств, готовых к крайне опасным действиям военно-политического характера.

География Балтийского моря такова, что для выхода в Атлантику судам придется пересекать достаточно узкие Датские проливы, которые без труда контролируются военными кораблями недружественных России стран. В этой связи не исключено, что в случае неуспеха текущих экономических санкций грузовые суда, направляющиеся из российских портов на внешние рынки и обратно, будут подвергаться «незапланированным» досмотрам и прочим задержкам вплоть до полной блокады движения с помощью военных кораблей НАТО.

Разумеется, у России имеются рычаги для встречного военно-политического давления на недружественные страны в случае их попыток затруднить перемещение внешнеторговых грузов через Балтику. Однако, во-первых, открытое военно-политическое противостояние может само по себе заблокировать деятельность почти любого морского транспорта на Балтике. Во-вторых, как показал взрыв «Северных потоков», недружественные страны могут успешно перекаладывать вину за враждебные действия на «неизвестных террористов» и не давать явных поводов для ответных военно-политических действий.

При планировании дальнейшего развития балтийских портов с указанными рисками, несомненно, надо считаться [21—23]. В этом смысле ситуация на Балтике для российских моряков и портовиков хуже, чем, например, в акваториях Японского, Баренцева и Каспийского морей, где организовывать «мягкую» блокаду движения торговых судов со стороны недружественных стран будет либо крайне трудно, либо невозможно.

Впрочем, военно-политические риски — это не единственная угроза для российского морского транспорта и портового хозяйства на Балтике. Отрасль всегда может пострадать и от вполне традиционных проблем. Динамика работы морского транспорта прямо зависит от общей экономической ситуации. Возможные экономические кризисы, особенно масштабные, в мировой и/или российской экономике также могут серьезно подорвать динамику грузоперевозок и работы портов.

Перспективы развития портов Российской Балтики в новых условиях. Оценивая возможности для развития морского транспорта и портового хозяйства на Балтийском море, следует учитывать как положительные, так и отрицательные факторы.

К конкурентным преимуществам балтийских портов России можно отнести высокий уровень развития прибрежной инфраструктуры и большой удельный вес современных основных фондов. Кроме того, побережье Финского залива надежно связано многочисленными транспортными магистралями с ключевыми регионами производства основной российской экспортной продукции — нефти, нефтепродуктов, лесоматериалов, металлов, химических продуктов и т. д., а также с регионами, потребляющими значительную часть импортного сырья, комплектующих, машин и оборудования. Также к преимуществам можно отнести то обстоятельство, что через Балтику проходят кратчайшие торговые пути из России в Западную Европу, Центральную и Латинскую Америку, Западную и Южную Африку.

К важным факторам будущего развития следует отнести подтвержденные в 2022—2023 гг. высокие адаптивные способности российского транспортного комплекса по отношению к различным кризисным явлениям и его умение быстро находить новые направления торговых связей. Помимо этого российские власти и далее планируют оказывать широкую финансовую и институциональную поддержку как всему национальному транспортному комплексу, так и его балтийским подразделе-

ниям. Как отмечалось выше, многие отечественные крупные компании также намерены развивать свою деятельность на балтийском направлении, прежде всего с целью расширения экспортных поставок.

К относительным слабостям транспортного комплекса на Балтике можно отнести скученность портов на небольшом участке побережья Финского залива и возможность возникновения транспортных «пробок» на судоходных путях, особенно во время зимнего замерзания прибрежных вод. Кроме того, анклавное положение Калининградской области, окруженной недружественными странами, в современных условиях значительно затрудняет полноценную интеграцию ее транспортного комплекса с остальной частью российской экономики.

Описанные выше риски военно-политического характера также могут затруднить развитие российских портов и морского транспорта на Балтике. Впрочем, представляется, что пока вероятность попыток создать постоянно действующие препятствия для движения российских торговых судов по Балтике не очень велика, так как это приведет к резкому обострению общей ситуации, которое серьезно ударит и по морским транспортным потокам инициаторов подобной агрессии.

Кроме того, как показывает исторический опыт, режим соблюдения экономических санкций с течением времени практически всегда ослабевает. Бизнес, в том числе в странах-инициаторах санкций, неся очевидные потери, гораздо меньше заинтересован в их соблюдении, чем политические власти. В результате бизнес-структуры втянутых в политическое противостояние стран постепенно находят все новые пути обхода санкций, расширяя взаимовыгодные торгово-экономические связи [24—26]. Поэтому нет особых сомнений в том, что в случае антироссийских санкций будет наблюдаться аналогичное развитие событий.

Таким образом, анализ ситуации показывает, что на данном этапе перспективы развития российского морского транспорта и портового хозяйства можно оценивать как весьма позитивные. Представляется, что положительные факторы развития в целом перевешивают существующие проблемы, риски и угрозы.

По всей видимости, Министерство транспорта России также считает, что положительные факторы развития преобладают над отрицательными. Как следствие, 10 августа 2023 г. Минтранс РФ опубликовал утвержденный паспорт федерального проекта «Развитие железнодорожных подходов к морским портам Северо-Западного бассейна». В соответствии с этим документом к концу 2024 г. провозная способность железнодорожных подходов к портам Северо-Западного бассейна должна увеличиться до 145,6 млн т, а к концу 2030 г. — до 220 млн т¹. Реализация этих планов, безусловно, самым положительным образом скажется и на развитии портов российской Балтики.

Основные выводы

1. Антироссийские санкции и частичный разрыв торгово-экономических отношений с европейскими странами нанесли немалый ущерб российским регионам. При этом целый ряд отраслей из регионов, примыкающих к бассейну Балтийского моря, пострадал сильнее других, так как их хозяйственная деятельность во многом была ориентирована именно на сотрудничество с европейскими партнерами.

2. Российская экономика в лице бизнеса, структур федеральной и региональной власти и домохозяйств сумела быстро и гибко отреагировать на режим санкций, не

¹ Развитие железнодорожных подходов к морским портам Северо-Западного бассейна, *Национальные проекты РФ*, URL: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/modernizatsiya-transportnoy-infrastruktury/razvitie-zheleznodorozhnykh-podkhodov-k-morskim-portam-severo-zapadnogo-basseyna> (дата обращения: 16.10.2023).

допустив серьезного кризиса в стране в 2022 г. и запустив восстановительный рост в 2023 г. Одним из важных элементов адаптации к санкциям стал разворот российской политики пространственного развития на юг и восток. При этом деятельность российского морского транспорта и портового хозяйства стала «историей успеха» в рамках антисанкционной политики.

3. Порты Российской Балтики пострадали от санкций больше портов других бассейнов, потому что были ориентированы на торговое сотрудничество с европейскими странами, которые в 2022 г. разорвали существенную часть экономических связей с Россией. Однако активные действия по поиску новых торговых партнеров и новых грузов позволили этим портам переориентировать свою деятельность на новые направления и значительно смягчить удар санкционного кризиса.

4. Несмотря на существующие проблемы, риски и угрозы, в том числе военно-политического характера, российский морской транспорт и порты на Балтике имеют в целом хорошие перспективы для дальнейшего развития, в том числе за счет глубокой модернизации портового хозяйства, проведенной в последние годы. Развитие морских перевозок, в свою очередь, обеспечит значимый импульс для экономической динамики в регионах Северо-Запада России.

Список литературы

1. Касьянов, Р. А. 2013, Диалог Россия — Европейский Союз по финансовой и макроэкономической политике в период 2007—2012 гг., *Право и управление. XXI век*, № 4 (29), с. 16—25.
2. Евченко, Н. Н. 2021, Европейский рынок товаров и услуг: динамика, состояние и перспективы расширения экспорта Российской Федерации. В: Мурзин, А. Д. (ред.), *Современные проблемы развития социально-экономических систем: инновационные подходы и решения в управлении и маркетинге. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием*, Ростов-на-Дону, с. 115—118. EDN: RNKBAG
3. Спартак, А. Н., Чекина, Т. Н. 2023, Торгово-экономическое сотрудничество России со странами Европы до и после начала специальной военной операции, *Российский внешнеэкономический вестник*, № 2, с. 8—46, <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2023-2-8-46>
4. Terebova, S. V. 2017, Cooperation between Russia and the European Union: From Importing to Exporting Technology, *Studies on Russian Economic Development*, vol. 28, p. 327—337, <https://doi.org/10.1134/S1075700717030145>
5. Шмелёв, Н. П., Фёдоров, В. П. 2011, Евросоюз — Россия: мера сотрудничества, *Современная Европа*, № 2 (46), с. 5—25. EDN: OEEGKL
6. Тяжов, А. В. 2008, Четыре общих пространства Россия — ЕС: анализ перспектив, *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*, № 74-1, с. 497—499. EDN: KKNKAL
7. Рогинко, С. А., Сильвестров, С. Н. 2021, Реализация пари́жского соглашения по глобальному климату: европейский углеродный шантаж России и возможности противодействия ему, *Российский экономический журнал*, № 4, с. 77—93, <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2021-4-77-93>
8. Федоров, Г. М. (ред.). 2020, Западное порубежье России: моделирование развития и обеспечение экономической безопасности, Калининград, Изд-во БФУ им. И. Канта.
9. Дружинин, А. Г. 2020, Опорные базы морского порубежья России: экономическая динамика в условиях геополитической турбулентности, *Балтийский регион*, т. 12, № 3, с. 89—104, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-3-6>
10. Федоров, Г. М. 2022, Экономика регионов России на Балтике: уровень и динамика развития, структура, внешнеторговые партнерства, *Балтийский регион*, т. 14, № 4, с. 20—38, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-2>

11. Druzhinin, A. G., Kuznetsova, T. Yu., Mikhaylov, A. S. 2020, Coastal Zones of Modern Russia: Delimitation, Parametrization, Identification of Determinants and Vectors of Eurasian Dynamics, *Geography, Environment, Sustainability*, vol. 13, № 1, p. 37—45, <https://doi.org/10.24057/2071-9388-2019-81>
12. Frolov, I., Borisov, V., Ganichev, N. 2023, Problems of Transition to Innovative-Continuous Development of the Russian Economy in Conditions of Forced Import Substitution, *Studies on Russian Economic Development*, vol. 34, p. 473—483, <https://doi.org/10.1134/S1075700723040068>
13. Shirov, A. A. 2023, Development of the Russian Economy in the Medium Term: Risks and Opportunities, *Stud. Russ. Econ. Dev.*, vol. 34, p. 159—166, <https://doi.org/10.1134/s1075700723020120>
14. Kuvalin, D. B., Zinchenko, Yu. V., Lavrinenko, P. A., Ibragimov, Sh. 2023, Russian Enterprises at the End of 2022: Countering Sanctions, Relations with Banks and Reaction to the Climate Agenda, *Stud. Russ. Econ. Dev.*, vol. 34, p. 419—432, <https://doi.org/10.1134/S1075700723030073>
15. Кузнецова, О. В. 2023, Новые закономерности в современной динамике социально-экономического развития регионов России, *Региональные исследования*, № 1 (79), с. 19—30, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2023-1-2>
16. Ахунов, Р. Р. 2023, Региональная проекция развития национальной экономики в условиях санкционного давления: экономическая устойчивость и социальные вызовы (на примере Республики Башкортостан), *Экономика и управление: научно-практический журнал*, № 3 (171), с. 66—74, <https://doi.org/10.34773/EU.2023.3.11>
17. Минакир, П. А. 2023, Внешнеторговый фактор экономики форс-мажора: пространственный маневр, *Пространственная экономика*, т. 19, № 1, с. 7—19, <https://dx.doi.org/10.14530/se.2023.1.007-019>
18. Школяр, Н. А. 2022, Смена приоритетов внешней торговли, *Российский внешнеэкономический вестник*, № 5, с. 95—107. EDN: GXKXMI
19. Мигел, А. А., Лесина, Т. В., Васильчиков, Н. В., Совин, И. А. 2023, Внешняя торговля РФ: развитие в условиях санкций и новые приоритеты, *Вестник Академии знаний*, № 3 (56), с. 164—168. EDN: IOHTDR
20. Блохин, А. А. 2023, Глобальный кризис как кризис экономического доминирования, *Проблемы рыночной экономики*, № 1, с. 32—47, <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2023-1-32-47>
21. Яфасов, А. Я., Костенко, Л. В. 2022, Инновационно-инвестиционная политика развития экономики Калининградской области в новых условиях, *Известия КГТУ*, № 66, с. 175—194. EDN: QSJQVB
22. Оргусар, Я. Н. 2023, Анализ возможностей и вызовов для устойчивого развития экономики Калининградской области в условиях внешнего санкционного давления, *Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество*, № 2, с. 43—47, <https://doi.org/10.18137/tnu.v9276.23.02.p.043>
23. Лачининский, С. С. 2022, Геоэкономические риски регионов российской Балтики в условиях обостряющейся геополитической обстановки, *Балтийский регион*, т. 14, № 2, с. 23—37, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-2-2>
24. Савинский, А. В. 2018, Западные санкции и диверсификация: опыт Ирана, *Геополитика и экогеодинамика регионов*, т. 4 (14), № 3, с. 5—13. EDN: YKVOXJ
25. Нуреев, Р. М., Бусыгин, Е. Г. 2017, Экономические санкции: издержки и выгоды конфронтации, *Terra Economicus*, т. 15, № 3, с. 56—74. EDN: ZMKZPR
26. Malakhov, V. A., Yurevich, M. A., Aushkap, D. S. 2018, Iran: the Positive Experience of S&T Development, *World Economy and International Relations*, vol. 62, № 11, p. 116—124, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-11-116-124>

Об авторах

Дмитрий Борисович Кувалин, доктор экономических наук, заместитель директора, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Россия.

E-mail: dbkuvalin@ecfor.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5462-8763>

Юрий Алексеевич Щербанин, доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Россия.

E-mail: shcherbaninya@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1050-7898>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

THE ADAPTATION OF RUSSIAN REGIONS' ECONOMIES TO THE RUPTURE OF RELATIONS WITH EUROPE: THE CASE OF BALTIC SEA PORTS

D. B. Kovalin

Yu. A. Shcherbanin

Institute of Economic Forecasting of RAS,
47, Nakhimovsky Ln., Moscow 117418, Russia

Received 04 September 2023

Accepted 18 October 2023

doi: 10.5922/2079-8555-2023-4-4

© Kovalin, D. B., Shcherbanin, Yu. A., 2023

Despite the sweeping economic sanctions imposed by Western countries, Russia has managed to avoid a significant recession, experiencing recovery growth. The situation in the regions earlier involved in cooperation with Europe was more complicated. Yet, these territories have also succeeded in reviving their economies and returning to growth. A number of growth areas have emerged in the Russian regions, which continue to develop under sanctions. A prime example of this is Russian seaports. This article examines the factors that enabled Russian businesses, including those operating in Baltic Sea ports, to adapt to the sanctions and continue operations. To do so, a comprehensive analysis was conducted, with a focus on macroeconomic, sectoral, regional, and corporate statistics. In addition, scholarly articles and information from business media were examined, and a survey was conducted among Russian enterprises operating across various industries and regions of the country. This study traces the history of economic relations between Russia and Europe over the past twenty-five years, examining the impact of Western sanctions on Russia's spatial development, the response of Russian maritime transport to these sanctions, and the adaptation measures taken. It also evaluates the performance of Russian Baltic ports between 2022 and 2023, assessing the long-term risks and threats to their development and exploring the potential for maritime transport growth in the Baltic region under the current circumstances.

Keywords:

spatial development of Russia, the Baltic Sea, seaports, adaptation to sanctions.

References

1. Kasyanov, R. A. 2013, The EU-Russia Financial Services and Macro-economic Policy Dialogue in 2007—2012, *Pravo i upravlenie. XXI vek*, № 4 (29), p. 16—25 (in Russ.).

To cite this article: Kovalin, D. B., Shcherbanin, Yu. A., 2023, The adaptation of Russian regions' economies to the rupture of relations with Europe: the case of Baltic Sea ports, *Baltic region*, vol. 15, № 4, p. 62—78.
doi: 10.5922/2079-8555-2023-4-4

2. Evchenko, N. N. 2021, Evropeiskii rynek tovarov i uslug: dinamika, sostoyanie i perspektivy rasshireniya eksporta Rossiiskoi Federatsii. In: Murzin, A. D. (ed.), *Sovremennyye problemy razvitiya sotsial'no-ekonomicheskikh sistem: innovatsionnye podkhody i resheniya v upravlenii i marketinge*. Materialy III Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Rostov-na-Donu, p. 115—118 (in Russ.).
3. Spartak, A. N., Cheklina, T. N. 2023, Russia's trade and economic cooperation with Europe before and after the start of the special military operation, *Rossiiskij vnešneekonomičeskij vestnik*, № 2, p. 8—46, <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2023-2-8-46> (in Russ.).
4. Terebova, S. V. 2017, Cooperation between Russia and the European Union: from importing to exporting technology, *Studies on Russian Economic Development*, vol. 28, p. 327—337. doi: <https://doi.org/10.1134/S1075700717030145>
5. Shmelev, N. P., Fedorov, V. P. 2011, Evrosoyuz — Rossiya: mera sotrudnichestva [European Union — Russia: a measure of cooperation], *Sovremennaya Evropa*, № 2 (46), p. 5—25. EDN: OEEGKL (in Russ.).
6. Tyazhov, A. V. 2008, Four common spaces between Russia and the EU: analysis of the prospects, *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, № 74-1, p. 497—499. EDN: KKNKAL (in Russ.).
7. Roginko, S. A., Silvestrov, S. N. 2021, Implementation of the Paris Agreement on Global Climate: European Carbon Blackmail of Russia and Possibilities of Countering It, *Russian Economic Journal*, № 4, p. 77—93, <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2021-4-77-93> (in Russ.).
8. Fedorov, G. M. (ed.). 2020, *Zapadnoe porubezh'e Rossii: modelirovanie razvitiya i obespechenie ekonomicheskoi bezopasnosti*, Kaliningrad: Izd. BFU im. I. Kanta. 319 p. EDN: JOANPD (in Russ.).
9. Druzhinin, A. G. 2020, The strongholds of Russian coastal borderlands: economic dynamics amid geopolitical turbulence, *Baltic region*. vol. 12, № 3, p. 89—104, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-3-6>
10. Fedorov, G. M. 2022, The economy of Russian Baltic regions: development level and dynamics, structure and international trade partners, *Baltic region*, vol. 14, № 4, p. 20—38, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-2>
11. Druzhinin, A. G., Kuznetsova, T. Yu., Mikhaylov, A. S. 2020, Coastal Zones of Modern Russia: Delimitation, Parametrization, Identification of Determinants and Vectors of Eurasian Dynamics, *Geography, Environment, Sustainability*, vol. 13, № 1, p. 37—45, <https://doi.org/10.24057/2071-9388-2019-81>
12. Frolov, I., Borisov, V., Ganichev, N. 2023, Problems of Transition to Innovative-Continuous Development of the Russian Economy in Conditions of Forced Import Substitution, *Studies on Russian Economic Development*, vol. 34, p. 473—483, <https://doi.org/10.1134/S1075700723040068>
13. Shirov, A. A. 2023, Development of the Russian Economy in the Medium Term: Risks and Opportunities, *Stud. Russ. Econ. Dev.*, vol. 34, p. 159—166, <https://doi.org/10.1134/s1075700723020120>
14. Kuvalin, D. B., Zinchenko, Yu. V., Lavrinenko, P. A., Ibragimov, Sh. 2023, Russian Enterprises at the End of 2022: Countering Sanctions, Relations with Banks and Reaction to the Climate Agenda, *Stud. Russ. Econ. Dev.*, vol. 34, p. 419—432, <https://doi.org/10.1134/S1075700723030073>
15. Kuznetsova, O. V. 2023, New patterns of modern socio-economic development of Russian regions, *Regional Studies*, № 1 (79), p. 19—30, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2023-1-2> (in Russ.).
16. Akhunov, R. R. 2023, Regional projection of the development of the national economy under the conditions of sanctions pressure: economic stability and social challenges (on the example of the Republic of Bashkortostan), *Economics and Management: Research and Practice Journal*, № 3 (171), p. 66—74, <https://doi.org/10.34773/EU.2023.3.11> (in Russ.).
17. Minakir, P. A. 2023, The foreign trade factor of the force majeure economy: a spatial manoeuvre, *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, vol. 19, № 1, p. 7—19, <https://dx.doi.org/10.14530/se.2023.1.007-019> (in Russ.).
18. Shkolyar, N. A. 2022, Shift in foreign trade priorities, *Russian Foreign Economic Journal*, № 5, p. 95—107. EDN: GXKXMI (in Russ.).

19. Miguel, A. A., Lesina, T. V., Vasilchikov, N. V., Sovin, I. A. 2023, Foreign trade of the Russian federation: development under sanctions and new priorities, *Bulletin of the Academy of Knowledge*, № 5 (56), p. 164—168. EDN: IOHTDR (in Russ.).

20. Blokhin, A. A. 2023, Global crisis as a crisis of economic dominance, *Market Economy Problems*, № 1, p. 32—47, <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2023-1-32-47> (in Russ.).

21. Yafasov, A. Ya., Kostenko, L. V. 2022, Innovative and investment processes in the economy of the Kaliningrad region, *Izvestiya KGTU*, № 66, p. 175—194. EDN: QSDQB (in Russ.).

22. Orgusar, Ya. N. 2023, Analysis of opportunities and challenges for the sustainable development of the Kaliningrad region's economy under external sanctions pressure, *Vestnik of Russian New University. Series «Man and society»*, № 2, p. 43—47, <https://doi.org/10.18137/rnu.v9276.23.02.p.043> (in Russ.).

23. Lachinskii, S. S. 2022, Geoeconomic risks faced by the Russian Baltic region amid a deteriorating geopolitical situation, *Baltic region*, vol. 14, № 2, p. 23—37, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-2-2>

24. Savinskiy, A. V. 2018, Western sanctions and diversification: the experience of Iran, *Geopolitics and Ecogeodynamics of regions*, vol. 4 (14), № 3, p. 5—13. EDN: YKVOXJ (in Russ.).

25. Nureev, R. M., Busygin, E. G. 2017, Economic sanctions: costs and benefits of confrontation, *Terra Economicus*, vol. 15, № 3, p. 56—74. EDN: ZMKZPR (in Russ.).

26. Malakhov, V. A., Yurevich, M. A., Aushkap, D. S. 2018, Iran: the Positive Experience of S&T Development, *World Economy and International Relations*, vol. 62, № 11, p. 116—124, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-11-116-124> (in Russ.).

The authors

Prof Dmitry B. Kovalin, Deputy Director, Institute of Economic Forecasting of Russian Academy of Sciences.

E-mail: dbkuvalin@ecfor.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5462-8763>

Prof Yuri A. Shcherbanin, Head of Laboratory, Institute of Economic Forecasting of Russian Academy of Sciences.

E-mail: shcherbaninya@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1050-7898>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

НАУЧНО-ИННОВАЦИОННАЯ ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН

А. С. Михайлов^{1, 2, 3}

Д. Д. Максименко⁴

М. Р. Максименко⁴

М. М. Филатов⁴

¹ Южный федеральный университет,
344019, Россия, Ростов-на-Дону, ул. 23-я Линия, 43

² Институт Географии РАН,
119017, Москва, Старомонетный пер., 29

³ Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

⁴ НИУ Высшая школа экономики,
101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 11

Поступила в редакцию 10.09.2023 г.

Принята к публикации 02.11.2023 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2023-4-5

© Михайлов А. С., Максименко Д. Д.,
Максименко М. Р., Филатов М. М.,
2023

За последнюю четверть века Россия столкнулась с необходимостью преодоления последствий мирового финансового кризиса 2008 г., усиливающегося с 2014 г. санкционного давления недружественных стран и коронавирусной рецессии 2020—2021 гг. Эффективное прохождение страной глобальных макроэкономических кризисов и геополитических потрясений сопряжено с выработкой гибкой стратегии развития. Невозможность полного возврата социально-экономической системы к докризисному состоянию требует эффективного использования ее внутреннего потенциала для перехода на новый путь развития. Данная статья направлена на оценку развития инновационной системы Северо-Запада РФ и определение ключевых факторов ее устойчивости и инновационной безопасности в условиях геополитической нестабильности. Методика исследования базируется на комплексном подходе к представлению научно-инновационного процесса: от стадии проведения исследований и получения научно значимых результатов, формализованных в виде публикаций и патентов, до внедрения новых технологий и коммерциализации инноваций. Информационная база исследования сформирована на основе данных ЕГИСУ НИОКТР, Роспатент, «Скопус», Росстат. Это позволило провести анализ в разрезе двух взаимосвязанных подсистем — производства нового знания и генерации инноваций. По результатам исследования для регионов СЗФО РФ выявлены сильные статистически значимые корреляционные связи между: а) объемом инновационной продукции и величиной выполненных НИОКР; б) инновациями и патентной активностью (с временным лагом); в) количеством инновационных организаций и объемом инновационной продукции в последующие годы. Выделено три типа инновационных регионов: ядро (Санкт-Петербург и Ленинградская область), полупериферия (Мурманская, Архангельская, Калининградская области, Республика Карелия), и периферия. Характер вовлеченности регионов в НИОКР определял динамику и тематическую специализацию их публикационной и патентной активности. Методом линейной регрессии выявлена положительная зависимость объема инновационной продукции от генерации научных знаний и инноваций. Дана оценка географии и структуры международной научной сети регионов, сформировавшейся до 2022 г.

Ключевые слова:

география знания, география инноваций, инновационный процесс, пространственная наукометрия, публикации, НИОКР, патенты, инновации, Северо-Запад России, научное сотрудничество

Для цитирования: Михайлов А. С., Максименко Д. Д., Максименко М. Р., Филатов М. М. Научно-инновационная динамика развития Северо-Запада России в условиях геополитических перемен // Балтийский регион. 2023. Т. 15, № 4. С. 79—103. doi: 10.5922/2079-8555-2023-4-5

Введение и постановка вопроса

Инновации — важный источник переориентации промышленных и технологических структур [1; 2]. Они имеют критическую значимость для реструктуризации региональной экономики и ее адаптации в условиях нестабильности [3]. В кризисный период инновационно передовые регионы проявляют себя более успешно в преодолении последствий потрясений, используя накопленные внутренние ресурсы и имеющийся опыт для поиска нестандартных эффективных решений в ответ на внешние вызовы [4; 5]. По результатам оценки последствий мирового экономического кризиса 2008—2009 гг. в правительственных отчетах целого ряда развитых стран отмечается решающее значение инноваций для восстановления экономики после рецессии. Регионы, чей инновационный потенциал выше, с большей вероятностью могли противостоять экономическому кризису [3].

В 2022 г. Россия столкнулась с усилением санкционного давления со стороны недружественных стран (см. Распоряжение Правительства РФ от 5 марта 2022 г. № 430-р). Введен запрет на экспорт в РФ обширной номенклатуры товаров и технологий, приостановлены поставка программного обеспечения и техническое обслуживание оборудования, ограничен доступ к различным онлайн-ресурсам и цифровым системам. «Культура отмены» России привела к сокращению возможностей ее участия в международном научно-исследовательском сотрудничестве.

Разрыв прежних научно-технологических связей обострил проблему технологической зависимости — базирования национальной критической инфраструктуры и производственных процессов на зарубежных технологиях. В мае 2023 г. Правительством РФ принята Концепция технологического развития до 2030 г. Согласно документу, важнейшая задача на ближайшие 10 лет — достижение технологического суверенитета страны. Необходим переход к инновационно ориентированной экономике через создание условий для устойчивого развития производственных систем. В связи с этим целью данного исследования выступила оценка научно-инновационной динамики развития регионов Северо-Запада России в условиях геополитических перемен.

В качестве исследовательского объекта выступили субъекты Северо-Западного федерального округа (СЗФО) РФ. География регионов исследования детерминирована их значимой ролью в инновационном развитии страны, территориальной близостью к странам ЕС и связанным с этим более сильным геополитическим давлением. Петербургско-Прибалтийский район, характеризуясь передовой промышленностью и лидерством в инновационной сфере, традиционно выступал ведущим районом-акцептором и ретранслятором внешних инноваций [6]. Текущие процессы неуклонно видоизменяют возможности, внешние связи и функционал российского Северо-Запада, поскольку именно здесь наиболее ярко проявляется «хрупкость» трансграничных взаимодействий, обусловленная геополитическим и геоэкономическим переформатированием евразийского пространства [7].

Ожидается, что Санкт-Петербургская агломерация и прилегающие к ней регионы первыми ощутят на себе последствия кризисных явлений [8]. По аналогии пространственной диффузии коронавирусной инфекции в субъектах РФ, относимых к Балтийскому макрорегиону, можно предположить, что Санкт-Петербург, Ленинградская и Калининградская области — пространства с высокой степенью проницаемости — будут претерпевать наиболее сильные структурные изменения, а Новгородская и Псковская области — наименьшие [9]. Вместе с тем эффект колеи, особенно сильно проявляющийся в староосвоенных районах, может препятствовать ускоренной модернизации и адаптации [10].

Теоретический базис исследования

Изучение возможностей для роста на фоне кризисных явлений осуществляется в рамках концепции траекторий развития. Трансформация региона может иметь различную основу: от отраслевой модернизации и диверсификации до появления новых видов деятельности [11]. В статье [12] предложены четыре направления развития регионов через смену промышленной траектории: а) трансформация текущей структуры; б) развитие смежных, сопутствующих видов деятельности на основе накопленных компетенций и баз знаний; в) перенос и закрепление отраслей извне; г) возникновение совершенно новых видов деятельности, основанных на передовых технологиях, научных открытиях, бизнес-моделях и инновациях.

В отличие от используемого понятия устойчивости как сохранения текущего уровня благосостояния и природных ресурсов для будущих поколений [13] понятие резилентности (*resilience* — «эластичный», «стабильный») отражает реакцию экономической системы региона на кризисы. Дж. Бристоу и Э. Хили описывают экономическую резилентность как способность регионов противостоять потрясениям и/или быстро восстанавливаться после них [3]. К основным факторам резилентности (или *шокоустойчивости*) региона относят диверсификацию экономики и высокий инновационный потенциал [14].

Можно выделить три подхода к интерпретации резилентности [15].

(1) Способность возвращаться к дошоковому состоянию. Уровень резилентности показывает, как быстро система может восстановиться после потрясений с сохранением прежних свойств и функций [16]. В основе — идея неизменности сложившегося пути развития, включая частичное нивелирование шокового состояния без значительных структурных изменений [17].

(2) Процесс адаптации, переориентации и структурных изменений в ответ на кризис [18]. Идея «эволюционной резилентности» предполагает появление новых путей развития в результате непрерывного процесса приспособления независимо от частоты потрясений [19].

(3) Способность «перейти на новый устойчивый путь, характеризующийся более продуктивным и справедливым использованием... ресурсов» [20, р. 15]. Идея «трансформационной резилентности» предполагает, что кризис может не только привести к структурным преобразованиям, но стать «окном возможностей» для смены траектории развития [21]. В отличие от трансформационного потенциала, показывающего способность системы к реконфигурации в ответ на будущие вызовы [22], резилентность отражает то, в какой степени шоки могут быть использованы для радикальных изменений.

В эволюционной экономической географии, рассматривающей траектории развития стран и регионов мира [23], все чаще находят поддержку утверждения о том, что способность регионов воспроизводить новое в отрыве от устоявшейся колеи имеет большое значение для резилентности [24]. Б. Ашейм и С. Дж. Херстад [25] отмечают, что инновации — ключевой фактор в экономической реструктуризации, резилентности и устойчивом развитии. Технологические инновации способствуют преодолению инерции траектории развития и выходу за рамки сложившейся колеи [26].

Взаимосвязь между инновациями и резилентностью непрямая [3; 27]. Высокий уровень развития инновационной системы позволяет региону легче адаптироваться к новому и преодолевать кризисы. Но в научной литературе [28; 29] есть подтверждения того, что инновационная активность сильнее подвержена влиянию кризисов и других дестабилизирующих факторов. Инновационные компании склонны

сворачивать инвестиционные проекты и сокращать расходы на исследования в условиях неопределенности, фокусируясь на текущей деятельности. Данные тенденции сильнее затрагивают малый и средний бизнес [30].

Последствия кризиса 2007—2008 гг. и коронавирусной рецессии 2020—2021 гг., а также текущая геополитическая напряженность вокруг Украины и Тайваня свидетельствуют о низкой резилентности многих целенаправленно сформированных региональных инновационных систем (например, в странах ЕС). Предлагается переход к проблемно ориентированным инновационным системам, которые будут более приспособлены к потрясениям [31].

Методика исследования

Методические особенности оценки инновационных процессов

В основе инновационной системы региона лежат две взаимосвязанные подсистемы — производство нового знания и генерация инноваций. Система производства знания отражает технологический потенциал региона. Его величина определяет уровень сложности экономики региона, то есть инновационности и технологичности производимой и экспортируемой продукции. Развитие данной подсистемы — необходимое условие инновационно-технологических изменений в отношении выпуска высокотехнологичной и капиталоемкой продукции [32].

Основой выделения двух этих подсистем является разность в понимании сущности изобретений и инноваций. Согласно подходу Й. Шумпетера [33, р. 66], инновации — это «новые комбинации» продуктов, процессов, методов производства, рынков, форм организации или ресурсов. Изобретения становятся инновациями в случае их внедрения в практику в рамках инновационного процесса. При этом представление инновационного процесса в качестве последовательных стадий, при котором инновация — результат НИОКР, весьма условно, поскольку не все инновации требуют инвестиций в исследования и разработки [34]. Открытые инновации — пример практического разнообразия нелинейных стратегий технологического развития [35]. Значительное количество инноваций не патентуется, многие НИОКР не приводят к инновациям, не все запатентованные разработки выводятся на рынок [36].

В зависимости от уровня новизны выделяют адаптационные, улучшающие и прорывные инновации. Разнообразие типов инноваций отражается в индикаторах оценки. При построении инновационных индексов используются данные об исследованиях и разработках, научных публикациях, патентах, производимой инновационной продукции и процессах [36; 37]. Среди наиболее распространенных показателей — патенты и расходы на НИОКР [36; 38]. К менее распространенным показателям оценки научно-технологического и инновационного потенциала можно отнести [39; 40] число компьютеров с выходом в интернет; долю организаций, имеющих веб-сайт; долю пользователей интернета; число абонентских терминалов сотовой связи; проекты между университетом, бизнесом и властью; число студентов по естественно-научным, математическим, инженерно-техническим и медицинским направлениям; уровень заработной платы занятых НИОКР; обеспеченность объектами научно-исследовательской инфраструктуры.

Патентная статистика стала использоваться с середины XX в. [41] для описания результирующего этапа научной деятельности. Слабость патентов как индикатора инновационной активности связана с тем, что они отражают изобретательскую, а не инновационную деятельность. Сильная сторона — патенты выдаются только на новые изобретения, то есть не учитываются умеренные адаптации существующих технологий [36].

Ограничение использования затрат на НИОКР [42] сопряжено с необязательностью их коммерциализации. НИОКР — это входной фактор для инноваций [35]. Величина затрат на НИОКР не отражает экономическую ценность производимых инноваций и не позволяет оценить уровень технологической сложности получаемой продукции. Несмотря на отмеченные ограничения, данные о НИОКР и патентах — основа статистики инновационной деятельности [43—45].

Еще один подход к оценке инновационной активности — анализ производства публикаций (*LBIO*), получивший широкое применение с развитием цифровизации. Анализ научной литературы не отражает всех аспектов инноваций и не заменяет других показателей, но служит полезным дополнением к ним [42], являясь относительно надежным способом измерения «радикальности» создаваемых инноваций.

Таким образом, каждый из показателей отражает отдельный аспект научно-инновационного процесса: *НИОКР* — инвестиции в новые разработки, *научные публикации* — результативность системы производства знаний, *патенты* — новаторство, *инновации* — коммерциализацию технологий.

Дизайн исследования

На первом этапе исследования произведена оценка научной активности в субъектах СЗФО РФ. Показатели для анализа — количество заказанных и выполненных проектов НИОКР; объем расходов по исполнителям и заказчикам НИОКР (совокупный и в расчете на один проект). Значения представлены за период 2019—2021 гг. Для оценки размера научных систем регионов Северо-Запада рассчитан их вклад в объем выполненных и заказанных НИОКР относительно РФ. Использование данного и других показателей в абсолютных значениях продиктовано логикой сравнительной оценки роли регионов выборки в общероссийском научном пространстве, а также в пространстве СЗФО РФ.

На основе принадлежности выполненных в регионе НИОКР к определенным областям знания произведена оценка специализации регионов. Для каждого субъекта СЗФО РФ рассчитаны значения коэффициентов научной специализации по формуле

$$KS_{ja} = \frac{S_{ja}/S_{jtotal}}{S_a/S_{total}}, \quad (1)$$

где KS_{ja} — коэффициент научной специализации региона j по области знания a ; S_{ja} — объем выполненных НИОКР в регионе j по области знания a ; S_{jtotal} — объем выполненных НИОКР в регионе j по всем областям знания; S_a — объем выполненных НИОКР в стране по области знания a ; S_{total} — объем выполненных НИОКР в стране по всем областям знания. Значения KS_{ja} выше 1 может быть интерпретировано как наличие в регионе научной специализации в данной области знания.

На втором этапе дана оценка результативности научных систем регионов СЗФО РФ через публикационную и патентную статистику. Рассчитан вклад субъектов Северо-Запада РФ в совокупный объем российских публикаций в базе «Скопус» (Scopus) в 2018—2022 гг. С использованием рангового метода дана структурная оценка представленности областей знания в публикационном портфеле регионов.

В целях оценки влияния геополитических изменений на публикационный ландшафт регионов СЗФО РФ была рассчитана доля публикаций, выполненная ими в международном соавторстве в разрезе типов стран: «недружественная», «дружественная», «нейтральная». Список недружественных стран установлен Распоряжением Правительства РФ от 5 марта 2022 г. № 430-р с дополнениями. К дружественным странам отнесены страны, с которыми поддерживается сотрудничество, действует авиасообщение. Остальные страны — нейтральные.

На основе показателей о выданных патентах (на изобретения, промышленные образцы, полезные модели) для каждого субъекта СЗФО РФ в разрезе тематических направлений рассчитаны значения коэффициентов изобретательской специализации по формуле

$$KP_{ja} = \frac{P_{ja}/P_{jtotal}}{P_a/P_{total}}, \quad (2)$$

где KP_{ja} — коэффициент изобретательской специализации региона j по тематике a ; P_{ja} — количество выданных патентов в регионе j по тематике a ; P_{jtotal} — количество выданных патентов в регионе j по всем тематикам; P_a — количество выданных патентов в стране по тематике a ; P_{total} — количество выданных патентов в стране по всем тематикам. Значения KP_{ja} выше 1 может быть интерпретировано как наличие в регионе изобретательской специализации по данной тематике.

На третьем этапе произведена оценка связи научной и инновационной активности в субъектах СЗФО РФ в 2019—2021 гг. Использован корреляционный анализ для оценки парных связей между показателями и их силы по шкале Чеддока. Оценка выполнялась в программной среде «StatTech v. 3.1.6».

Для построения корреляционных зависимостей в качестве показателей инноваций использованы число организаций, осуществляющих инновационную деятельность; объем инновационных товаров, работ, услуг; затраты на инновационную деятельность. Среди показателей научной активности учтены объем выполненных НИОКР; количество выданных патентов; количество публикаций в базе «Скопус».

Все показатели в разрезе регионов были нормированы по формуле

$$Y_{norm} = \frac{Y_i}{Y_{max}}, \quad (3)$$

где Y_{norm} — нормированное значение показателя для региона i ; Y_i — абсолютное значение показателя для региона i ; Y_{max} — максимальное абсолютное значение показателя среди регионов выборки (в данном исследовании для всех показателей — это Санкт-Петербург). Таким образом, при проведении корреляционно-регрессионного анализа использовались не абсолютные значения показателей, а относительные, отражающие отставание каждого региона от субъекта-лидера. Такой подход согласуется с логикой сравнительной межрегиональной оценки, использованной на предыдущих этапах анализа.

Для избежание искажений при расчете зависимостей Санкт-Петербург был исключен из анализа из-за экстремально высоких значений показателей в сравнении с другими регионами. С использованием метода линейной регрессии были построены регрессионные модели, отражающие зависимость объема инновационной продукции в 2021 г. от факторов функционирования подсистем генерации знаний и генерации инноваций в 2019—2021 гг. Сопоставление данных за 2021 г. с данными за 2019 и 2020 гг. позволило учесть временной лаг в научно-инновационном процессе.

Источники и методы сбора данных

Информационная база исследования подготовлена на основе нескольких источников данных.

На первом этапе источником выступила Единая государственная информационная система учета научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения (ЕГИСУ НИОКТР — *Rosrid.ru*). Авторами загружены и объединены в один массив данные о 150 тыс. НИОКР. Сделана выборка проектов, начатых в 2019—2021 гг. Массив сведений включал название и аннотацию проектов, ключевые слова и тематические категории, объем и источник финансирования, организацию-заказчика и исполнителя.

На втором этапе с использованием основных государственных регистрационных номеров (ОГРН) организаций-заказчиков и исполнителей НИОКТР авторами осуществлена выборка предприятий из базы «СПАРК-Интерфакс». Выгружены сведения о более чем 15 тыс. российских предприятий, вовлеченных в НИОКР.

На третьем этапе сформирована база данных публикационной активности в регионах СЗФО РФ. Источник информации о публикациях — онлайн-ресурс «Скопус» (*Scopus.com*) от компании Elsevier. В базе содержатся 1,95 млн российских публикаций начиная с 1864 г., в том числе 1,16 млн публикаций с 2010 г. База «Скопус» имеет значительные пересечения по охвату с другими базами (например, Web of Science), а также составляет основу российского ядра РИНЦ — «наиболее качественной составляющей массива публикаций ученых РФ» [46].

Для определения величины публикационной активности по каждому субъекту СЗФО РФ сформированы комплексные поисковые запросы в «Скопус», которые учитывали вариации написания названия региона и его городов, а также всех ключевых организаций. Источник сведений об организациях — Индекс российских научных организаций (Russian Index of Research Organizations — RIRO).

Поиск ограничивался тремя типами публикаций: ar — исследовательская статья; re — обзорная статья; sr — материалы конференций. Сбор информации реализован через «Scopus API» с использованием программного кода, написанного на языке Python (в среде IDE PyCharm). Последующая валидация полученной информации проводилась выборочно, путем ручных запросов в «Скопус». Период охвата данными: 2018—2022 гг.

На четвертом этапе произведен сбор патентной статистики. В наборах открытых данных Роспатента содержатся сведения обо всех зарегистрированных в России изобретениях, полезных моделях, промышленных образцах. На основе произведенных выгрузок и дополнения базы при помощи сервиса поиска информации по регистрационному номеру патента была составлена база данных всех патентов, впервые и повторно зарегистрированных в 2019—2021 гг. Массив включал сведения об авторах и держателях патентов, регионе регистрации и тематической категории.

На пятом этапе сформирована база инновационной статистики в разрезе субъектов СЗФО РФ за 2019—2021 гг. на основе данных Росстата. Были получены агрегированные данные о затратах на инновационную деятельность компаний, объеме инновационных товаров, работ и услуг, а также числе организаций, осуществляющих инновационную деятельность в сочетании «ОКВЭД2 — регион регистрации»

Результаты исследования

Динамика научной активности

Северо-Запад РФ имеет значительный накопленный научно-технологический потенциал, что позволяет выполнять ему функцию генерации новых знаний в национальном масштабе. В 2019—2021 гг. на субъекты СЗФО РФ приходилось 14,3 % всех реализованных в регионах России НИОКР и 11,7 % суммарного объема расходов на них. Реже Северо-Западные субъекты выступали заказчиками исследований и разработок.

Научный ландшафт Северо-Запада РФ неоднороден. Ярко выраженный центр — Санкт-Петербург. Рисунок 1 отражает дисбаланс в распределении между регионами количества проектов и объема расходов на заказанные и выполненные НИОКР. Санкт-Петербург опережает второй регион в 15,6 раза по количеству выполненных и в 6,8 раза — по количеству заказанных НИОКР (а именно Вологодскую область); в 22,4 раза — по объему расходов на выполненные и в 10,6 раз — на заказанные НИОКР (а именно Ленинградскую область и Республику Карелию).

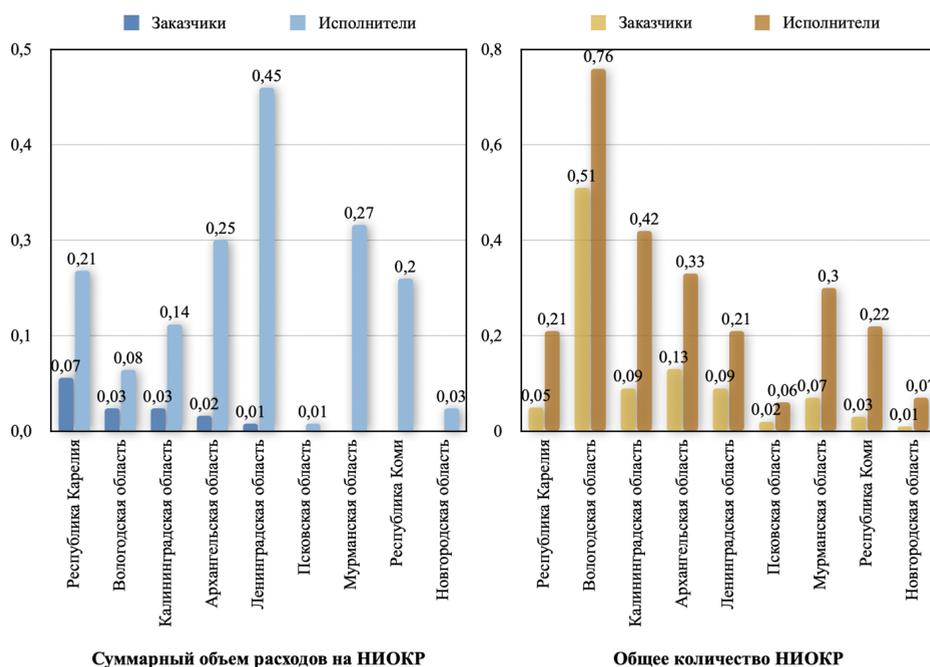

Рис. 1. География распределения количества научно-исследовательских проектов и суммарного объема расходов на них по исполнителям и заказчикам в разрезе субъектов СЗФО РФ, 2019—2021 гг., % от РФ

Примечание: не представлен Санкт-Петербург, его доля в общероссийском количестве НИОКР — 3,47 % по заказчикам и 11,77 % по исполнителям; в объеме расходов на НИОКР — 0,69 % по заказчикам и 10,05 % по исполнителям.

Источник: разработано по данным ЕГИСУ НИОКТР¹.

В географии выполняемых в СЗФО РФ научно-исследовательских проектов лидируют Вологодская, Калининградская, Архангельская и Мурманская области. Однако на Ленинградскую область приходится больший объем денежных расходов на НИОКР и, следовательно, более крупные проекты. Средний размер одного выполненного проекта в Ленинградской области составляет 38,4 млн руб., на втором месте — Республика Карелия с 17,9 млн руб. (это ниже среднероссийского уровня — 18,2 млн руб.). Наименьший объем расходов в расчете на 1 выполненный в 2019—2021 гг. научно-исследовательский проект — у Псковской и Вологодской областей (около 2 млн руб.).

Средний объем расходов на 1 заказанный научно-исследовательский проект колеблется от 25,5 млн руб. (Республика Карелия) до 94 тыс. руб. (Республика Коми) при среднем уровне по СЗФО РФ — 3,6 млн руб. В целом для всех субъектов СЗФО РФ характерно превалирование объема выполненных НИОКР над заказанными. Разрыв между регионами по количеству проектов колеблется от 1,6 раза — для Вологодской области до 9,5 раза — для Новгородской области (при среднем значении по СЗФО РФ в 3,4 раза). По суммарному объему расходов на НИОКР в разрезе «исполнитель — заказчик» дисбаланс сильнее. Особенно это характерно для

¹ Аналитические открытые данные, 2023, ЕГИСУ НИОКТР, URL: <https://rosrid.ru/analytics> (дата обращения: 02.08.2023).

Республики Коми (1389 раз), Новгородской (556 раз), Мурманской (103 раза), Ленинградской (48 раз) областей. В меньшей степени — для Калининградской (5 раз), Вологодской (3 раза), Псковской (2 раза) областей и Республики Карелия (3 раза). Такое распределение свидетельствует больше о смещении функций в федеральном округе в сторону воспроизводства научных знаний, чем об их абсорбции, и отражает внешний характер управления научной повесткой, разрабатываемой в регионах Северо-Запада.

Рисунок 2 демонстрирует распределение субъектов СЗФО РФ по объему заказанных и выполненных НИОКР.

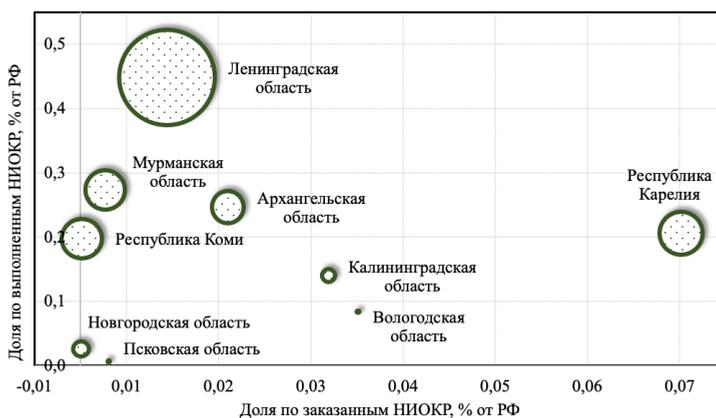

Рис. 2. Распределение субъектов СЗФО РФ по вкладу в объем выполненных и заказанных НИОКР в 2019—2021 гг., % от РФ

Примечание: диаметр пуансона отражает средний объем расходов на 1 выполненный проект НИОКР. На графике не представлен Санкт-Петербург, доля которого в общероссийском объеме расходов на НИОКР — 0,69 % по заказанным и 10,05 % по выполненным.

Источник: разработано по данным ЕГИСУ НИОКТР, *Rosrid.ru*¹.

В целом могут быть выделены три крупные группы регионов по их вовлеченности в научно-исследовательскую деятельность.

Первая группа — ядро, включающее Санкт-Петербург и примыкающую к нему Ленинградскую область, которые сильно опережают другие субъекты федерального округа по показателям исполнения НИОКР, в то же время являясь заказчиками НИОКР.

Во вторую группу входят Мурманская, Архангельская, Калининградская области и Республика Карелия. Эти регионы могут быть отнесены к полупериферии научного пространства СЗФО РФ, характеризующаясь средними для федерального округа показателями по НИОКР.

Третья группа объединила регионы, имеющие наиболее низкие значения по выполнению и заказу научно-исследовательских проектов (Республика Коми, Вологодская, Новгородская и Псковская области), поэтому они были отнесены к периферии.

В приложении 1 отражены результаты ранговой оценки разнообразия выполняемых НИОКР в регионах Северо-Запада России. Расчет рангов производился по формуле (1) на основе значений коэффициента научной специализации.

¹ Аналитические открытые данные, 2023, ЕГИСУ НИОКТР, URL: <https://rosrid.ru/analytics> (дата обращения: 02.08.2023).

Наиболее широкая исследовательская повестка в 2016–2022 гг. была представлена в Санкт-Петербурге, Вологодской и Калининградской областях — 45, 38 и 31 области знания. В Псковской и Новгородской областях выполнялось НИОКР по наименьшему количеству областей знания — 14 и 18 соответственно. В целом в регионах третьей периферийной группы в топ-5 областей знания по реализуемым НИОКР вошли преимущественно общественно-гуманитарные науки. Для второй полупериферийной группы характерно сочетание общественно-гуманитарных и естественно-научных областей как ведущих в научной специализации. Для первой группы ядро научно-исследовательской специализации представлено преимущественно естественно-научным направлением.

Результативность научных систем

Результативность научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности также была оценена через показатели публикационной и патентной активности. Рисунок 3 демонстрирует распределение регионов СЗФО РФ по доле в совокупном объеме публикаций, проиндексированных в базе «Скопус» в 2018–2022 гг. и аффилированных с Россией.

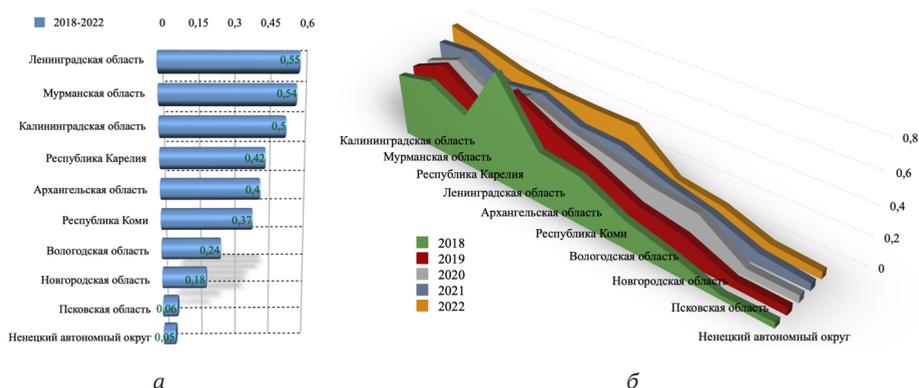

Рис. 3. Доля субъектов СЗФО РФ по количеству публикаций в 2018–2022 гг.:
а — общая; б — по годам, %

Примечание: средняя доля Санкт-Петербурга в РФ — 15,3%.

Источник: разработано на основе данных «Скопуса»¹.

Полученные результаты по оценке публикационной активности регионов СЗФО РФ соответствуют результатам анализа их вовлеченности в научно-исследовательскую и опытно-конструкторскую деятельность. Лидирующие позиции в федеральном округе по совокупному количеству публикаций в ведущих международных журналах занимают субъекты первой группы — Санкт-Петербург (90,1 тыс. ед.) и Ленинградская область (3,2 тыс. ед.). Далее следуют регионы второй группы, образующие полупериферию научного пространства Северо-Запада России, а именно Мурманская, Калининградская, Архангельская области и Республика Карелия, доля которых по публикациям относительно РФ колеблется от 0,4 до 0,54%. Регионы периферийной группы имеют наиболее низкие значения количества публикаций, проиндексированных в базе Скопус — менее 0,4% от РФ в рассматриваемый пери-

¹ Scopus, URL: <https://www.scopus.com/> (дата обращения: 11.07.2023).

од. Наиболее низкие — у Псковской области (329 публикаций) и Ненецкого автономного округа (295 публикаций), что в 10 и 11 раз меньше, чем у Ленинградской области. А общий разрыв в федеральном округе между регионом-лидером и регионом-аутсайдером по количеству публикаций, проиндексированных в базе «Скопус» в 2018—2022 гг., составил 305,6 раза.

Субъекты СЗФО РФ характеризуются различной динамикой публикационной активности по годам (рис. 3, б). В первой группе Санкт-Петербург демонстрирует достаточно устойчивый ежегодный объем публикаций (около 18 тыс.). Прирост за пять лет составил 5,6 %. Для Ленинградской области, напротив, характерно значительное сворачивание публикационной активности в исследуемом периоде. Это единственный регион с убылью ежегодного количества публикаций: снижение в 2022 г. относительно 2018 г. составило 37,2 %.

Все регионы второй группы характеризовались приростом совокупного объема публикаций в базе «Скопус». Темпы прироста за пять лет колебались от 20,8 % у Мурманской области до 50,8 % — у Калининградской области. Основной «рывок» регионы второй группы сделали в 2019 г. относительно 2018 г. (а Калининградская область — еще в 2021 г. относительно 2020 г.). В 2022 г. у трех из четырех субъектов СЗФО РФ, вошедших в эту группу, зафиксирован спад публикационной активности относительно 2021 г. Лишь у Архангельской области количество публикаций в 2022 г. увеличилось на 3,4 % в сравнении с предыдущим годом, однако этому предшествовали два года с отрицательной динамикой публикаций.

Регионы третьей группы, характеризуясь низкими базовыми значениями 2018 г., также продемонстрировали прирост публикаций за пять лет. Наибольший (189 %) — у Псковской области, ввиду малого ежегодного количества публикаций (с 27 в 2018 г. до 78 в 2022 г.). В целом для этих регионов характерна наиболее сильная положительная динамика с 2018 по 2020 г. (а для Псковской области и в 2021 г.). После этого ежегодные темпы прироста замедлились, а у некоторых регионов и вовсе стали отрицательными к 2022 г.

Как и в отношении НИОКР, для всех субъектов СЗФО РФ были рассчитаны ранги относительно количества публикаций, проиндексированных в базе «Скопус» в 2018—2022 гг., в разрезе областей знания (Приложение 2). Для регионов первой группы публикационный профиль в значительной мере совпадает с общероссийским. Среди ключевых областей — физика и астрономия, инженерное дело, материаловедение. Для Ленинградской области также значимы химия; биохимия, генетика и молекулярная биология, а для Санкт-Петербурга — медицина и информатика. Следует отметить, что разнообразие областей знания, по которым представлены публикации, ниже у Ленинградской области в сравнении с Санкт-Петербургом.

Регионы второй группы имеют устойчивое разнообразие публикаций по областям знания. При этом большое значение в структуре их публикационной активности занимают (в дополнение к областям знания из топ-5 для России) науки о Земле и планетах; науки об окружающей среде; сельскохозяйственные и биологические науки.

Значительный вес в структуре публикационной активности регионов третьей группы наряду с естественно-научными публикациями занимают документы по социальным и гуманитарным наукам. Для Новгородской, Псковской областей и Ненецкого автономного округа отмечено наименьшее (среди остальных субъектов СЗФО РФ) количество областей научного знания, в разрезе которых представлены статьи.

Также была проанализирована доля публикаций, выполненная учеными Северо-Запада в международном соавторстве (рис. 4). Наибольший удельный вес относительно РФ по доле таких публикаций занимают Санкт-Петербург (19,0 %) и

Ленинградская область (1,8%). У регионов второй группы величина этого показателя колеблется от 0,4 до 0,7%, а у третьей группы — 0,2% и менее. На рисунке 4 представлено распределение регионов Северо-Запада России по степени участия в научном сотрудничестве, выраженном через публикации.

Рис. 4. Распределение субъектов СЗФО РФ по доле публикаций в 2018—2022 гг., %

Примечание: на графике не представлен Санкт-Петербург, у которого 19,0% — доля в публикациях РФ, подготовленных в сотрудничестве; 0,27% — доля в общем количестве публикаций региона. Первая группа регионов — оранжевые ромбы, вторая группа — синие, третья группа — зеленые ромбы.

Источник: разработано на основе данных «Скопуса»¹.

География научного сотрудничества субъектов СЗФО РФ в 2018—2022 гг. была разнообразна (и охватывала 168 стран). После 2022 г. геополитический вектор в развитии научных связей российских регионов претерпел изменение: ряд научных связей был разорван, в то время как другие получили дополнительный импульс развития. Приложение 3 презентует результаты распределения стран — научных партнеров регионов Северо-Запада России в период с 2018 по 2022 г. в разрезе категорий «недружественная», «дружественная», «нейтральная».

Санкт-Петербург и примыкающая к нему Ленинградская область в совокупности имели наиболее широкую географию (159 стран) научных связей среди других групп регионов СЗФО РФ. Однако при высоком разнообразии контактов наибольшая доля по объему публикаций в 2018—2022 гг. приходилась на недружественные государства. Из топ-25 стран по количеству совместных публикаций 20 — это недружественные (Германия, США, Франция, Великобритания, Италия, Финляндия, Польша, Испания, Швейцария, Чешская Республика, Нидерланды, Австралия, Швеция, Австрия, Япония, Канада, Греция, Украина, Португалия, Южная Корея) и 5 — дружественные (Китай, Бразилия, Индия, Беларусь, Турция) страны.

¹ Scopus, URL: <https://www.scopus.com/> (дата обращения: 11.07.2023).

В регионах второй группы география научных связей несколько скромнее и охватывает от 88 (Мурманская область) до 116 (Калининградская область) стран. Для этих российских субъектов также до 2022 г. было характерно устойчивое научное сотрудничество с западными странами. Из топ-25 стран по количеству совместных публикаций на дружественные и нейтральные страны приходилось лишь 7 — в Архангельской, 5 — в Калининградской, 3 — в Мурманской областях, 4 — в Республике Карелия. Значимую роль в общем объеме публикаций, выполненных в международном соавторстве, занимали соседние с этими регионами страны (Польша, Финляндия, Норвегия).

Наименьшее разнообразие научных связей характерно для регионов третьей группы: от 21 до 59 стран-партнеров. Выделяется лишь Республика Коми, ученые которой имели совместные публикации с авторами из 87 стран. Однако и для этих регионов в 2018—2022 гг. прослеживалась приоритетность западноевропейского вектора над восточным и южным. Из топ-25 стран по количеству совместных публикаций на дружественные и нейтральные страны приходилось 8 — в Вологодской, по 5 — в Новгородской и Псковской областях, 4 — в Ненецком автономном округе и 2 — в Республике Коми.

Еще одним индикатором результативности научной деятельности является изобретательская активность, которая также тесно связана с инновациями. Как и в отношении публикаций, Санкт-Петербург занимает лидирующие позиции в федеральном округе по абсолютному количеству выданных патентов. Разрыв между ним и Вологодской областью, которая находится на втором месте, составляет более 50 раз (в 2020 г. — 65 раз). На рисунке 5 отражено изменение патентной активности в субъектах СЗФО РФ в 2019—2021 гг. Для большинства регионов характерно снижение ежегодного объема выдаваемых патентов (исключение — Псковская область, где отмечен рост, а также Мурманская область и Республика Карелия, где отсутствует стабильная динамика патентования).

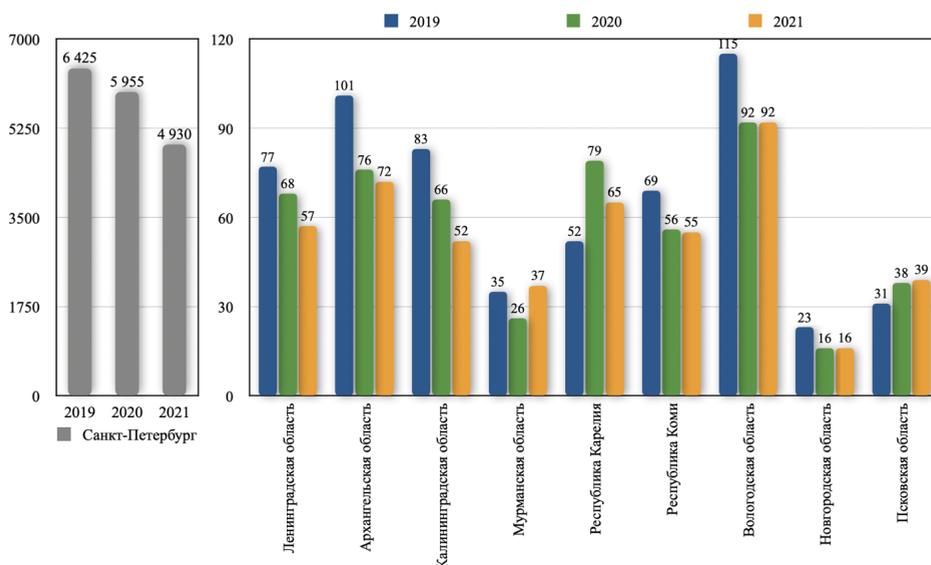

Рис. 5. Динамика выданных патентов в разрезе субъектов СЗФО РФ, 2019—2021 гг.

Источник: разработано на основе данных Роспатента¹.

¹ Поиск патентов, *Роспатент*, URL: openstat.rospatent.gov.ru (дата обращения: 02.08.2023).

В большинстве регионов Северо-Запада РФ в распределении выданных патентов преобладают изобретения (рис. 6). В 2019 г. доля изобретений колебалась от 52,2% у Новгородской области до 80,7% у Калининградской области. В 2021 г. относительно 2019 г. произошли существенные структурные сдвиги между типами патентов в сторону уменьшения доли изобретений в 7 из 10 исследуемых регионов. Прирост выданных патентов на изобретения в 2021 г. относительно 2019 г. отмечался лишь в Ленинградской (15,7%), Вологодской (2,8%) и Новгородской (10,3%) областях. Наиболее сильное перераспределение типов патентов произошло в Республике Карелия: доля изобретений снизилась с 59,6 до 33,8%, а полезных моделей возросла с 36,5 до 52,3%.

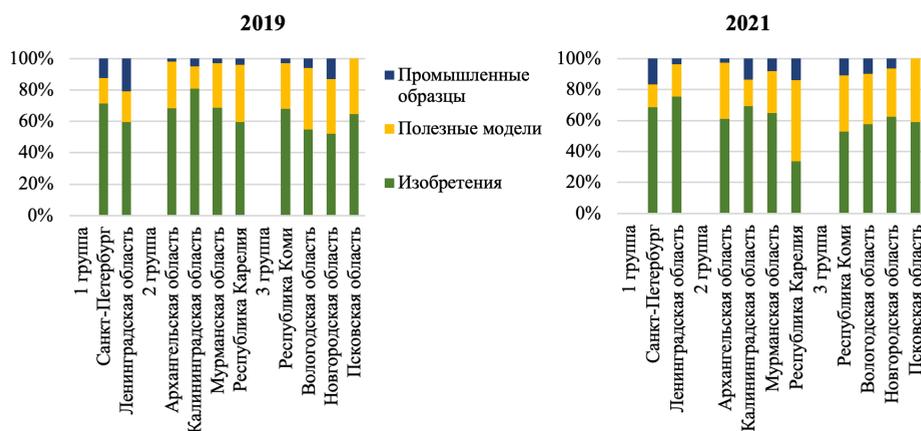

Рис. 6. Распределение выданных патентов в субъектах СЗФО РФ по типам в 2019 и 2021 гг.

Источник: разработано на основе данных Роспатента, [Openstat.rospatent.gov.ru](https://openstat.rospatent.gov.ru)¹.

Среди 82 областей знания, по которым у субъектов СЗФО РФ есть выданные патенты, следует отметить 38 наиболее активно разрабатываемых специализаций (с коэффициентом изобретательской специализации выше 3 хотя бы у 1 из регионов выборки — Приложение 4). Для регионов периферии и полупериферии (исключая Республику Коми и Вологодскую область) характерна более сильная фокусировка на определенные области знания, в то время как регионы ядра имеют более широкие изобретательские компетенции.

Связь научной и инновационной активности

Для оценки связи научной и инновационной подсистем регионов Северо-Запада России был проведен корреляционный анализ взаимосвязи показателей патентной, публикационной, исследовательской активности и генерации инновационной продукции. Выявлена тесная и статистически значимая связь между объемом инновационных товаров, работ, услуг региона и величиной выполненных в нем НИОКР. Коэффициент парной корреляции между этими показателями в 2020 г. составлял 0,867 (при $p = 0,001$); в 2021 г. — 0,721 (при $p = 0,019$). Теснота связи по шкале Чеддока — высокая. Также выявлена положительная зависимость между инновациями и патентной активностью в регионе, однако с годовым лагом. Заметная статистически значимая корреляционная связь наблюдается между количеством выданных

¹ Поиск патентов, *Роспатент*, URL: openstat.rospatent.gov.ru (дата обращения: 02.08.2023).

патентов в 2019 г. и объемом инновационных товаров, работ, услуг в 2020 г. (при $p = 0,048$). Существенная взаимосвязь между показателями публикационной и инновационной активности для регионов СЗФО РФ не выявлена.

Также отмечено положительное влияние количества организаций, осуществлявших инновационную деятельность в предшествующие годы, на объем инновационной продукции в последующие годы. Высокая корреляционная связь между этими показателями в период 2019—2020 гг. была на уровне 0,818 (при $p = 0,004$), к 2021 г. несколько ослабела — до 0,709 (при $p = 0,022$), но все еще оставалась высокой.

Для оценки зависимости показателя объема инновационных товаров, работ, услуг, произведенных в субъектах СЗФО РФ в 2021 г., от количественных факторов функционирования подсистемы генерации знаний (выполнение НИОКР, изобретательная и публикационная активность), действовавших в 2019—2021 гг., был использован метод линейной регрессии и построена регрессионная модель. Число наблюдений составило 9. Результаты регрессионного анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1

**Результаты регрессионного анализа объема инновационной продукции в 2021 г.
от факторов функционирования подсистемы генерации знаний**

Показатель	B	Стандартная ошибка (SE)	t	p
Intercept	-0,029	0,038	-0,755	0,475
Объем выполненных НИОКР в 2019 г.	4,476	1,701	2,632	0,034*

Примечание: * — различия показателей статистически значимы ($p < 0,05$).

Источник: разработано с использованием «StatTech v.3.1.6».

Итогом эконометрического анализа стало уравнение линейной регрессии

$$Y_{2021_Инновации} = -0,029 + 4,476 * X_{2019_НИОКР}, \quad (4)$$

где $Y_{2021_Инновации}$ — величина показателя объем инновационных товаров, работ, услуг в 2021 г., $X_{2019_НИОКР}$ — объем выполненных НИОКР в 2019 г.

При увеличении показателя $X_{2019_НИОКР}$ на 1 следует ожидать увеличение показателя $Y_{2021_Инновации}$ на 4,476. Полученная регрессионная модель характеризуется коэффициентом корреляции $r_{xy} = 0,705$, что соответствует высокой тесноте связи по шкале Чеддока. Полученная модель — статистически значима ($p = 0,034$) и объясняет 49,7 % наблюдаемой дисперсии объема инновационных товаров, работ, услуг в 2021 г.

Аналогичным образом были проведены расчеты для оценки зависимости объема инновационной продукции, произведенной в субъектах СЗФО РФ в 2021 г., от количественных факторов функционирования подсистемы генерации инноваций (табл. 2).

Таблица 2

**Результаты регрессионного анализа объема инновационной продукции в 2021 г.
от факторов функционирования подсистемы генерации инноваций**

Показатель	B	Стандартная ошибка (SE)	t	p
Intercept	-0,014	0,015	-0,921	0,393
Объем инновационных товаров, работ, услуг в 2020 г.	0,888	0,133	6,693	< 0,001*
Затраты на инновационную деятельность в 2019 г.	0,339	0,122	2,777	0,032*

Примечание: * — различия показателей статистически значимы ($p < 0,05$).

Источник: разработано авторами с использованием «StatTech v.3.1.6».

Наблюдаемая зависимость между показателями описывается уравнением линейной регрессии

$$Y_{2021_Инновации} = -0,014 + 0,888 * X_{2020_Инновации} + 0,339 * X_{2019_Затраты}, \quad (5)$$

где $Y_{2021_Инновации}$ — величина показателя объем инновационных товаров, работ, услуг в 2021 г., $X_{2020_Инновации}$ — величина показателя объем инновационных товаров, работ, услуг в 2020 г., $X_{2019_Затраты}$ — объем затрат на инновационную деятельность в 2019 г.

При увеличении показателя $X_{2020_Инновации}$ на 1 следует ожидать увеличение показателя $Y_{2021_Инновации}$ на 0,888; при увеличении показателя $X_{2019_Затраты}$ на 1 следует ожидать увеличение показателя $Y_{2021_Инновации}$ на 0,339.

Полученная регрессионная модель характеризуется коэффициентом корреляции $r_{xy} = 0,943$, что соответствует весьма высокой тесноте связи по шкале Чеддока. Модель была статистически значимой ($p = 0,001$) и объясняет 89,0 % наблюдаемой дисперсии объема инновационных товаров, работ, услуг в 2021 г.

Обсуждение результатов и выводы

Геополитические сдвиги в международной системе отношений последних лет продемонстрировали необходимость обеспечения странами технологического суверенитета и инновационной безопасности [47]. Это актуально для России, которая, будучи вовлечена в гибридное противостояние со странами Запада, испытывает существенное прямое и вторичное санкционное давление. Доминирование в инновационно-технологическом развитии России зарубежных технологий привело к высокой зависимости от иностранных партнеров. В качестве новых национальных целевых ориентиров определено импортозамещение высокотехнологичной продукции в объеме не менее 75 % от общего потребления. В научном поле подход к ответу на макроэкономические и геополитические вызовы рассматривается в рамках концепции трансформационной резилентности. Последняя сопряжена с поиском возможностей развития в период кризиса через смену сложившейся ранее траектории.

Проведена оценка научно-инновационного потенциала СЗФО РФ и влияния на него внешней и внутренней турбулентности. Исследование базируется на сведениях о НИОКР, патентной и публикационной активности, а также статистике инновационной деятельности предприятий с 2019 по 2021 г., для ряда показателей — по 2022 г. Все регионы Северо-Запада России были разделены на три группы: ядро (Санкт-Петербург в связке с Ленинградской областью), полупериферия (Мурманская, Архангельская, Калининградская области и Республика Карелия) и периферия (Республика Коми, Вологодская, Новгородская и Псковская области).

Результаты исследования показали, что, во-первых, регионы Северо-Запада России связаны в рамках национальной системы перераспределения научных знаний. Региональные акторы реализуют НИОКР по внешнему запросу и в то же время выступают заказчиками проектов по интересующим тематикам. Для субъектов СЗФО РФ характерно превышение объема выполненных НИОКР над заказанными. Это отражает высокий уровень научно-технологического развития регионов. Но в ряде случаев может указывать на неосведомленность региональных организаций о локализованных компетенциях, позволяющих выполнять сложные проекты, или на несоответствие специализаций научной и инновационной подсистем регионов. Следствие отмеченного дисбаланса — сни-

женная эффективность сетевого взаимодействия даже при высокой «институциональной плотности» [48]. Расширение возможностей межрегионального сотрудничества за счет увеличения предложения услуг НИОКР на новые рынки может реализовать сформированные в регионах компетенции и нарастить инновационные мощности путем привлечения дополнительных источников финансирования.

Во-вторых, субъекты СЗФО РФ обладают разной научно-исследовательской специализацией. Анализ тематик выполненных НИОКР и проиндексированных научных публикаций демонстрирует превалирование естественно-научных направлений у регионов «ядра» и общественно-гуманитарных направлений у «периферии». В ряде случаев подобная вариативность может сдерживать формирование кооперационных связей из-за отсутствия нетерриториальной близости [49]. Однако это также является предпосылкой для развития радикальных инноваций, необходимое условие появления которых — «несвязанное разнообразие» [50]. Результаты исследований в области «открытых инноваций» [51] показывают, что именно заимствование вторичных результатов и сопутствующих технологий «с открытого рынка» позволяет создавать прорывные инновации. Сильное смещение в периферийной группе в сторону превалирования общественно-гуманитарных исследований может быть индикатором слабой инновационной активности в этих регионах. Это требует повышения связанности науки и бизнеса, в том числе через содействие деятельности предпринимательских университетов и малых инновационных предприятий.

В-третьих, для большинства регионов СЗФО РФ после 2019 г. характерно снижение ежегодного объема выдаваемых патентов и публикаций. Трудности, с которыми сталкиваются инновационные системы регионов, отражаются в анализируемых индикаторах не сразу. Это связано с тем, что регистрация патента и индексация публикации происходит с задержкой (от года и более). Можно предположить, что снижение продуктивности научных систем регионов Северо-Запада РФ в 2021—2022 гг. связано с рядом предшествующих факторов — рецессией коронавирусной пандемии [52], которая наложила на усиление санкционного давления, дестабилизацию финансовых рынков и общую неопределенность, вызванную вооруженным конфликтом на границе с Украиной. Учитывая трансформационный курс национальной политики и невозможность возврата к докризисному состоянию, процесс перехода к новой траектории развития может сопровождаться дальнейшим снижением продуктивности научно-исследовательской и инновационной подсистем исследуемых регионов.

В-четвертых, в 2021 г. относительно 2019 г. произошли существенные структурные сдвиги между типами патентов в сторону уменьшения доли изобретений в большинстве исследуемых регионов. Данный факт имеет большое значение, учитывая разницу между изобретением, полезной моделью и промышленным образцом¹. Наблюдается снижение доли результатов НИОКР в виде создания новых продуктов и технологий в пользу модернизации уже представленных на рынке устройств и технологий, а также их внешнего вида.

В-пятых, регионы Северо-Запада России до 2022 г. были активно интегрированы в международные научно-инновационные процессы. Межрегиональные международные кооперационные связи выстраивались на протяжении многих лет, в том числе в рамках программ трансграничного сотрудничества России

¹ Изобретение и полезная модель или промышленный образец — что лучше патентовать? 2023, *Гардиум*, URL: <https://legal-support.ru/information/faq/patent/izobretenie-i-poleznaya-model-ili-promyshlennyi-obrazec-cto-luchshe-patentovat> (дата обращения: 14.08.2023).

и ЕС [53]. Согласно полученным результатам анализа географии публикаций, подготовленных в субъектах СЗФО РФ, ключевыми партнерами до «геополитического разворота» России на Восток выступали организации недружественных стран. При этом чем выше уровень научно-инновационного развития российского региона, тем шире было международное научное сотрудничество. Хотя значимость контактов с технологическими лидерами подтверждается примерами постколониальных стран [54], которые после обретения независимости проводили протекционистскую политику (импортозамещения, жесткого регулирования импорта зарубежных технологий и участия в международных проектах), санкционное давление и «культура отмены» свидетельствуют о необходимости диверсификации международных партнерских связей. Актуальна переориентация на Китай, Индию, Иран, Бразилию и другие дружественные страны. Это позволит сохранить возможность выхода на международные рынки технологий и инноваций, обеспечить доступ к информационным ресурсам, оборудованию и расходным материалам.

В последующих исследованиях видится целесообразным оценить роль зарубежных инноваций в отечественной экономике, что позволит увидеть полную картину складывающейся обстановки в контексте технологического суверенитета. Значимым исследовательским вопросом также является оценка территориальной распределенности стадий инновационного процесса, что потребует проработки методологии выявления причинно-следственных связей. Например, какие НИОКР способствовали получению результатов, представленных в публикациях, или легли в основу патентов, которые, в свою очередь, реализованы в виде инноваций.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ №23-27-00149 «Евразийский вектор партнерства в зеркале межрегионального сотрудничества России и Индии в сфере науки, технологий и инноваций».

Список литературы

1. Bathelt, H., Munro, A. K., Spigel, B. 2013, Challenges of transformation: Innovation, re-bundling and traditional manufacturing in Canada's technology triangle, *Regional Studies*, vol. 47, №7, p. 1111—1130, <https://doi.org/10.1080/00343404.2011.602058>
2. Stognief, N., Walk, P., Schöttker, O., Oei, P.-Y. 2019, Economic resilience of German lignite regions in transition, *Sustainability*, vol. 11, №21, p. 5991, <https://doi.org/10.3390/su11215991>
3. Bristow, G., Healy, A. 2018, Innovation and regional economic resilience: an exploratory analysis, *The annals of regional science*, vol. 60, №2, p. 265—284, 10.5922/2079-8555-2023-1-6 10.1007/s00168-017-0841-6
4. Filippetti, A., Gkotsis, P., Vezzani, A., Zinilli, A. 2020, Are innovative regions more resilient? Evidence from Europe in 2008—2016, *Economia Politica*, vol. 37, №3, p. 807—832, <https://doi.org/10.1007/s40888-020-00195-4>
5. Hu, X., Li, L., Dong, K. 2022, What matters for regional economic resilience amid COVID-19? Evidence from cities in Northeast China, *Cities*, vol. 120, 103440, <https://doi.org/10.1016/j.cities.2021.103440>
6. Бабурин, В.Л. 2020, Влияние эффекта колеи на эволюцию промышленных ареалов России, *Региональные исследования*, №3 (69), с. 26—39. EDN: EUIPWV
7. Федоров, Г.М. (ред.). 2019, *Проблемы экономической безопасности регионов Западного побережья России*, Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 267 с. EDN: FMBXGM
8. Земцов, С.П., Бабурин, В.Л. 2020, COVID-19: пространственная динамика и факторы распространения по регионам России, *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, №4, с. 485—505, <https://doi.org/10.31857/S2587556620040159>

9. Алов, И. Н., Пилясов, А. Н. 2023, Внутренние различия протекания пандемии коронавируса в Балтийском макрорегионе России, *Балтийский регион*, т. 15, № 1, с. 96—119, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-1-6>
10. Бабурин, В. Л. 2021, Географическое пространство — инновационный след. В: Дружинин, А. Г., Сидоров, В. П. (ред.), *Настоящее и будущее России в меняющемся Мире: обществено-географический анализ и прогноз. Материалы международной научной конференции (XII Ежегодная научная Ассамблея АРГО)*, Ижевск, с. 57—69. EDN: EYRUKZ
11. MacKinnon, D., Dawley, S., Pike, A., Cumbers, A. 2019, Rethinking path creation: A geographical political economy approach, *Economic Geography*, vol. 95, № 2, p. 113—135, <https://doi.org/10.1080/00130095.2018.1498294>
12. Hassink, R., Isaksen, A., Trippel, M. 2019, Towards a comprehensive understanding of new regional industrial path development, *Regional Studies*, vol. 53, № 11, p. 1636—1645, <https://doi.org/10.1080/00343404.2019.1566704>
13. Basiago, A. D. 1995, Methods of defining 'sustainability'. *Sustainable development*, vol. 3, № 3, p. 109—119, <https://doi.org/10.1002/sd.3460030302>
14. Кузнецова, О. В. 2021, Экономика российских регионов в пандемию: работают ли факторы шокоустойчивости?, *Региональные исследования*, № 3 (73), с. 76—87, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2021-3-7>
15. Trippel, M., Fastenrath, S., Isaksen, A. 2023, Rethinking regional economic resilience: Preconditions and processes shaping transformative resilience, *European Urban and Regional Studies*, <https://doi.org/10.1177/09697764231172326>
16. Christopherson, S., Michie, J., Tyler, P. 2010, Regional resilience: theoretical and empirical perspectives, *Cambridge journal of regions, economy and society*, vol. 3, № 1, p. 3—10, <https://doi.org/10.1093/cjres/rsq004>
17. Modica, M., Reggiani, A. 2015, Spatial economic resilience: Overview and perspectives, *Networks and Spatial Economics*, vol. 15, № 2, p. 211—233, <https://doi.org/10.1007/s11067-014-9261-7>
18. Martin, R., Sunley, P., Gardiner, B., Tyler, P. 2016, How regions react to recessions: resilience and the role of economic structure, *Regional Studies*, vol. 50, № 4, p. 561—585, <https://doi.org/10.1080/00343404.2015.1136410>
19. Martin, R., Sunley, P. 2015, On the notion of regional economic resilience: Conceptualization and explanation, *Journal of Economic Geography*, vol. 15, № 1, p. 1—42, <https://doi.org/10.1093/jeg/lbu015>
20. Martin, R., Sunley, P. 2020, Regional economic resilience: evolution and evaluation. In: Bristow, G., Healy, A. (eds.), *Handbook on Regional Economic Resilience*. Cheltenham: Edward Elgar, p. 10—35, <https://doi.org/10.4337/9781785360862.00007>
21. Davoudi, S., Brooks, E., Mehmood, A. 2013, Evolutionary resilience and strategies for climate adaptation, *Planning Practice & Research*, vol. 28, № 3, p. 307—322, <https://doi.org/10.1080/02697459.2013.787695>
22. Castan Broto, V., Trencher, G., Iwaszuk, E., Westman, L. 2019, Transformative capacity and local action for urban sustainability, *Ambio*, vol. 48, p. 449—462, <https://doi.org/10.1007/s13280-018-1086-z>
23. Горкин, А. П., Трейвиш, А. И., Фетисов, А. С. 2005, Траектории развития стран мира и эволюционное страноведение, *Вестник Моск. ун-та. Сер.: 5. Геогр.* № 2, с. 18—28. EDN: HRXQQZ
24. Simmie, J. 2014, Regional economic resilience: a Schumpeterian perspective, *Spatial Research and Planning*, vol. 72, p. 103—116, <https://doi.org/10.1007/s13147-014-0274-y>
25. Asheim, B. T., Herstad, S. J. 2021, Regional innovation strategy for resilience and transformative industrial path development: evolutionary theoretical perspectives on innovation policy, *Eastern Journal of European Studies*, vol. 12, p. 43—75, <https://doi.org/10.47743/ejes-2021-si03>
26. Пилясов, А. Н. 2018, Региональная инвестиционная политика: как преодолеть «зависимость от пути»? *Регион: Экономика и Социология*, № 4 (100), с. 134—167, <https://doi.org/10.15372/REG20180406>

27. Calignano, G., De Siena, L. 2020, Does innovation drive economic resistance? Not in Italy, at least!, *Rivista Geografica Italiana*, vol. 3, p. 31—49, <https://doi.org/10.3280/rgi2020-003002>
28. Данилин, И. В. 2020, Влияние кризиса на инновационно-технологическое развитие: провал, прорыв, возможность?, *Научные труды Вольного экономического общества России*, № 225 (5), с. 201—238. EDN: HWYHOO
29. Spatareanu, M., Manole, V., Kabiri, A. 2019, Do bank liquidity shocks hamper firms' innovation?, *International Journal of Industrial Organization*, vol. 67, 102520, <https://doi.org/10.1016/j.ijindorg.2019.06.002>
30. Teplykh, G. V. 2018, Innovations and productivity: the shift during the 2008 crisis, *Industry and Innovation*, vol. 25, № 1, p. 53—83, <https://doi.org/10.1080/13662716.2017.1286461>
31. Isaksen, A., Trippl, M., Mayer, H. 2022, Regional innovation systems in an era of grand societal challenges: reorientation versus transformation, *European planning studies*, vol. 30, № 11, p. 2125—2138, <https://doi.org/10.1080/09654313.2022.2084226>
32. Волошенко, К. Ю., Дрок, Т. Е., Фарафонова, Ю. Ю. 2019, Экономическая сложность на субнациональном уровне — инновационная парадигма регионального развития, *Вопросы инновационной экономики*, № 9 (3), с. 735—752, <https://doi.org/10.18334/vines.9.3.40822>
33. Schumpeter, J. A. 1911, *Theorie der Wirtschaftlichen Entwicklung*. Leipzig: Duncker und Humblot.
34. Михайлова, А. А. 2014, Инновационный процесс: история и современные тенденции моделирования, *Инновационный Вестник Регион*, № 3, с. 22—29. EDN: SYMDUH
35. Huizingh, E. 2011, Open innovation: State of the art and future perspectives, *Technovation*, vol. 31, № 1, p. 2—9, <https://doi.org/10.1016/j.technovation.2010.10.002>
36. Makkonen, T., van der Have, R. P. 2013, Benchmarking regional innovative performance: Composite measures and direct innovation counts, *Scientometrics*, vol. 94, p. 247—262, <https://doi.org/10.1007/s11192-012-0753-2>
37. Dziallas, M., Blind, K. 2019, Innovation indicators throughout the innovation process: An extensive literature analysis, *Technovation*, vol. 80—81, p. 3—29, <https://doi.org/10.1016/j.technovation.2018.05.005>
38. Griliches, Z. (ed.). 1984, *R & D, patents and productivity*. Chicago: University of Chicago Press, <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226308920.001.0001>
39. Земцов, С. П., Бабуринов, В. Л., Баранова, В. А. 2015, Как измерить неизмеримое? Оценка инновационного потенциала регионов России, *Креативная экономика*, № 9 (1), с. 35—52. EDN: TNBUOH
40. Кузнецова, О. В. 2023, Рейтинг научно-технологического развития регионов: подходы, итоги, вызовы, *Проблемы прогнозирования*, № 4, с. 94—103, <https://doi.org/10.47711/0868-6351-199-94-103>
41. Schmookler, J. 1950, The interpretation of patent statistics, *Journal of the Patent Office Society*, vol. 32, № 2, p. 125—146.
42. Coombs, R., Narandren, P., Richards, A. 1996, A literature-based innovation output indicator, *Research policy*, vol. 25, № 3, p. 403—413, [https://doi.org/10.1016/0048-7333\(95\)00842-x](https://doi.org/10.1016/0048-7333(95)00842-x)
43. Hagedoorn, J., Cloodt, M. 2003, Measuring innovative performance: Is there an advantage in using multiple indicators?, *Research Policy*, vol. 32, № 8, p. 1365—1379, [https://doi.org/10.1016/s0048-7333\(02\)00137-3](https://doi.org/10.1016/s0048-7333(02)00137-3)
44. Acs, Z., Anselin, L., Varga, A. 2002, Patents and innovation counts as measures of regional production of new knowledge, *Research Policy*, vol. 31, № 7, p. 1069—1085, [https://doi.org/10.1016/s0048-7333\(01\)00184-6](https://doi.org/10.1016/s0048-7333(01)00184-6)
45. Gössling, T., Rutten, R. 2007, Innovation in regions, *European Planning Studies*, vol. 15, № 2, p. 253—270.
46. Еременко, Г. О. 2017, Анализ российской научной периодики или как выбрать журнал для публикации, *Информация и инновации*, S, p. 207—214. EDN: ZTIAFR
47. Михайлова, А. А. 2018, Инновационная безопасность региона: научная конструкция или политическая необходимость?, *Инновации*, № 1 (231), с. 79—86. EDN: YQKNNR
48. Zukauskaitė, E., Trippl, M., Plechero, M. 2017, Institutional thickness revisited, *Economic geography*, vol. 93, № 4, p. 325—345, <https://doi.org/10.1080/00130095.2017.1331703>

49. Михайлов, А. С. 2017, Границы территориальной общности, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки*, № 1, с. 5—20. EDN: YFMFUX

50. Frenken, K., Van Oort, F., Verburg, T. 2007, Related variety, unrelated variety and regional economic growth, *Regional studies*, vol. 41, № 5, p. 685—697, <https://doi.org/10.1080/00343400601120296>

51. Enkel, E., Gassmann, O., Chesbrough, H. 2009, Open R&D and open innovation: exploring the phenomenon, *R&D Management*, vol. 39, № 4, p. 311—316, <https://doi.org/10.1111/j.1467-9310.2009.00570.x>

52. Миролобова, Т. В., Ворончихина, Е. Н. 2021, Пространственная неравномерность влияния пандемии COVID-19 на социально-экономическое развитие регионов России, *Вестник Пермского университета. Серия: Экономика*, № 16 (3), с. 238—254, <https://doi.org/10.17072/1994-9960-2021-3-238-254>

53. Федоров, Г. М. 2013, Трансграничное сотрудничество в Балтийском регионе и развитие российского эксклава. Федоров, Г. М., Зверев, Ю. М., Корнеевец, В. С. (ред.), *Россия на Балтике: 1990—2012 годы*, Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, с. 133—141.

54. Nair, A., Guldiken, O., Fainshmidt, S., Pezeshkan, A. 2015, Innovation in India: A review of past research and future directions, *Asia Pacific Journal of Management*, vol. 32, p. 925—958, <https://doi.org/10.1007/s10490-015-9442-z>

Об авторах

Андрей Сергеевич Михайлов, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Южный федеральный университет, Россия; старший научный сотрудник, Институт географии РАН, Россия; ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией географии инноваций, Балтийский федеральный университета им. И. Канта, Россия.

E-mail: mikhailov.andrey@yahoo.com

<https://orcid.org/0000-0002-5155-2628>

Даниил Дмитриевич Максименко, заведующий отделом анализа пространственных данных Института статистических исследований и экономики знаний, НИУ Высшая школа экономики, Россия.

E-mail: dmaksimenko@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9165-7179>

Михаил Романович Максименко, младший научный сотрудник отдела анализа пространственных данных Института статистических исследований и экономики знаний, НИУ Высшая школа экономики, Россия.

E-mail: mmaksimenko@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8441-6676>

Максим Михайлович Филатов, ведущий эксперт центра стратегий и программ Института статистических исследований и экономики знаний, НИУ Высшая школа экономики, Россия.

E-mail: mmfilatov@hse.ru

<https://orcid.org/0009-0001-3374-6090>

KNOWLEDGE AND INNOVATION DYNAMICS OF THE NORTHWEST RUSSIA UNDER GEOPOLITICAL CHANGES

A. S. Mikhaylov^{1, 2, 3}

D. D. Maksimenko⁴

M. R. Maksimenko⁴

M. M. Filatov⁴

¹ Southern Federal University,
105/42 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russia

² Institute of Geography RAS,
29 Staromonetnyi lane, Moscow, 119017, Russia

³ Immanuel Kant Baltic Federal University,
14, A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia

⁴ HSE University,
11 Pokrovsky Bulvar, Moscow 109028 Russia

Received 10 September 2023

Accepted 02 November 2023

doi: 10.5922/2079-8555-2023-4-5

© Mikhaylov, A. S., Maksimenko, D. D.,
Maksimenko, M. R., Filatov, M. M., 2023

Over the past 25 years, Russia has faced several economic and geopolitical challenges, including the 2008 global financial crisis, sanctions imposed in 2014, and the COVID-19 pandemic. To remain resilient in the face of these challenges, Russia needs to adopt a flexible development strategy and transition to a new path of development. This transition requires the development of new knowledge-intensive industries, expansion into promising markets, strengthening trade and economic partnerships, and achieving technological sovereignty. This study examines the innovation system in Northwestern Russia and identifies factors that are critical for its sustainability and innovation security in the face of geopolitical instability. The study uses an integrated approach to trace the knowledge production and innovation process from research findings to the commercialization of new technologies. The study finds that there are strong correlations between innovation activity and R&D investment, patent activity, and the number of innovative organisations. The study also identifies three types of regional innovation systems in Northwestern Russia: core, semi-periphery, and periphery. The nature of the regions' involvement in R&D determines the dynamics and specialization of their publications and patents. The study also finds that there is a positive correlation between the volume of innovative products and quantitative factors in the functioning of subsystems involved in knowledge generation and innovation. Finally, the study examines the geography and structure of the international research network that the regions of Northwestern Russia had formed by 2022. It shows that the geopolitical transformation requires a significant part of cooperation ties with unfriendly countries to be restructured.

Keywords:

geography of knowledge, geography of innovation, innovation process, scientometrics, publications, R&D, patents, innovations, Northwestern Russia, scientific cooperation

References

1. Bathelt, H., Munro, A. K., Spigel, B. 2013, Challenges of transformation: Innovation, re-bundling and traditional manufacturing in Canada's technology triangle, *Regional Studies*, vol. 47, № 7, p. 1111 – 1130, <https://doi.org/10.1080/00343404.2011.602058>

2. Stognief, N., Walk, P., Schöttker, O., Oei, P.-Y. 2019, Economic resilience of German lignite regions in transition, *Sustainability*, vol. 11, № 21, p. 5991, <https://doi.org/10.3390/su11215991>

To cite this article: Mikhaylov, A. S., Maksimenko, D. D., Maksimenko, M. R., Filatov, M. M. 2023, Knowledge and innovation dynamics of the Northwest Russia under geopolitical changes, *Baltic region*, vol. 15, № 4, p. 79–103. doi: 10.5922/2079-8555-2023-4-5

3. Bristow, G., Healy, A. 2018, Innovation and regional economic resilience: an exploratory analysis, *The annals of regional science*, vol. 60, №2, p. 265—284, 10.5922/2079-8555-2023-1-6 10.1007/s00168-017-0841-6
4. Filippetti, A., Gkotsis, P., Vezzani, A., Zinilli, A. 2020, Are innovative regions more resilient? Evidence from Europe in 2008—2016, *Economia Politica*, vol. 37, №3, p. 807—832, <https://doi.org/10.1007/s40888-020-00195-4>
5. Hu, X., Li, L., Dong, K. 2022, What matters for regional economic resilience amid COVID-19? Evidence from cities in Northeast China, *Cities*, vol. 120, 103440, <https://doi.org/10.1016/j.cities.2021.103440>
6. Baburin, V.L. 2020, Path dependence and evolution of Russia's territorial production systems, *Regional Studies*, №3 (69), p. 26—39. EDN: EUIPWH (in Russ.).
7. Fedorov, G.M. (ed.). 2019, Problemy jekonomicheskoy bezopasnosti regionov Zapadnogo porubezh'ja Rossii [Problems of economic security of the regions of the western border of Russia], Kaliningrad, 267 p. EDN: FMBXGM
8. Zemtsov, S.P., Baburin, V.L. 2020, COVID-19: Spatial dynamics and diffusion factors across Russian regions, *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya*, №4, p. 485—505, <https://doi.org/10.31857/S2587556620040159>
9. Alov, I.N., Pilyasov, A.N. 2023, The spread of the COVID-19 infection in Russia's Baltic macro-region: internal differences, *Baltic region*, vol. 15, №1, p. 96—119, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-1-6>
10. Baburin, V.L. 2021, Geographical space — an innovative footprint, In: Druzhinin, A.G., Sidorov, V.P. (eds.), *The present and future of Russia in a changing world: sociogeographical analysis and forecast*, Izhevsk: Publishing Center «Udmurt University», p. 57—69. EDN: EYRUKZ
11. MacKinnon, D., Dawley, S., Pike, A., Cumbers, A. 2019, Rethinking path creation: A geographical political economy approach, *Economic Geography*, vol. 95, №2, p. 113—135, <https://doi.org/10.1080/00130095.2018.1498294>
12. Hassink, R., Isaksen, A., Tripl, M. 2019, Towards a comprehensive understanding of new regional industrial path development, *Regional Studies*, vol. 53, №11, p. 1636—1645, <https://doi.org/10.1080/00343404.2019.1566704>
13. Basiago, A. D. 1995, Methods of defining 'sustainability'. *Sustainable development*, vol. 3, №3, p. 109—119, <https://doi.org/10.1002/sd.3460030302>
14. Kuznetsova, O. V. 2021, The economy of Russian regions in a pandemic: do resilience factors work?, *Regional Studies*, №3 (73), p. 76—87, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2021-3-7>
15. Tripl, M., Fastenrath, S., Isaksen, A. 2023, Rethinking regional economic resilience: Pre-conditions and processes shaping transformative resilience, *European Urban and Regional Studies*, <https://doi.org/10.1177/09697764231172326>
16. Christopherson, S., Michie, J., Tyler, P. 2010, Regional resilience: theoretical and empirical perspectives, *Cambridge journal of regions, economy and society*, vol. 3, №1, p. 3—10, <https://doi.org/10.1093/cjres/rsq004>
17. Modica, M., Reggiani, A. 2015, Spatial economic resilience: Overview and perspectives, *Networks and Spatial Economics*, vol. 15, №2, p. 211—233, <https://doi.org/10.1007/s11067-014-9261-7>
18. Martin, R., Sunley, P., Gardiner, B., Tyler, P. 2016, How regions react to recessions: resilience and the role of economic structure, *Regional Studies*, vol. 50, №4, p. 561—585, <https://doi.org/10.1080/00343404.2015.1136410>
19. Martin, R., Sunley, P. 2015, On the notion of regional economic resilience: Conceptualization and explanation, *Journal of Economic Geography*, vol. 15, №1, p. 1—42, <https://doi.org/10.1093/jeg/1bu015>
20. Martin, R., Sunley, P. 2020, Regional economic resilience: evolution and evaluation. In: Bristow, G., Healy, A. (eds.), *Handbook on Regional Economic Resilience*. Cheltenham: Edward Elgar, p. 10—35, <https://doi.org/10.4337/9781785360862.00007>
21. Davoudi, S., Brooks, E., Mehmood, A. 2013, Evolutionary resilience and strategies for climate adaptation, *Planning Practice & Research*, vol. 28, №3, p. 307—322, <https://doi.org/10.1080/02697459.2013.787695>
22. Castan Broto, V., Trencher, G., Iwaszuk, E., Westman, L. 2019, Transformative capacity and local action for urban sustainability, *Ambio*, vol. 48, p. 449—462, <https://doi.org/10.1007/s13280-018-1086-z>

23. Gorkin, A. P., Treivish, A. I., Fetisov, A. S. 2005, Development trajectories of the countries and the evolutionary nations' studies, *Moscow University Bulletin, Series 5, Geography*, № 2, p. 18—28. EDN: HRXQQZ
24. Simmie, J. 2014, Regional economic resilience: a Schumpeterian perspective, *Spatial Research and Planning*, vol. 72, p. 103—116, <https://doi.org/10.1007/s13147-014-0274-y>
25. Asheim, B. T., Herstad, S. J. 2021, Regional innovation strategy for resilience and transformative industrial path development: evolutionary theoretical perspectives on innovation policy, *Eastern Journal of European Studies*, vol. 12, p. 43—75, <https://doi.org/10.47743/ejes-2021-si03>
26. Pelyasov, A. N. 2018, Regional investment policy: how to unlock from path-dependency?, *Region: Economics & Sociology*, № 4 (100), p. 134—167, <https://doi.org/10.15372/REG20180406>
27. Calignano, G., De Siena, L. 2020, Does innovation drive economic resistance? Not in Italy, at least!, *Rivista Geografica Italiana*, vol. 3, p. 31—49, <https://doi.org/10.3280/rgi2020-003002>
28. Danilina, I. V. 2020, Impact of the crisis on innovation and technological development: failure, breakthrough, opportunity?, *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, № 225 (5), p. 201—238. EDN: HWYHOO
29. Spatareanu, M., Manole, V., Kabiri, A. 2019, Do bank liquidity shocks hamper firms' innovation?, *International Journal of Industrial Organization*, vol. 67, 102520, <https://doi.org/10.1016/j.ijindorg.2019.06.002>
30. Teplykh, G. V. 2018, Innovations and productivity: the shift during the 2008 crisis, *Industry and Innovation*, vol. 25, № 1, p. 53—83, <https://doi.org/10.1080/13662716.2017.1286461>
31. Isaksen, A., Tripl, M., Mayer, H. 2022, Regional innovation systems in an era of grand societal challenges: reorientation versus transformation, *European planning studies*, vol. 30, № 11, p. 2125—2138, <https://doi.org/10.1080/09654313.2022.2084226>
32. Voloshenko, K. Yu., Drok, T. E., Farafonova, Yu. Yu. 2019, The economic complexity at the sub-national level as an innovative paradigm for regional development, *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki*, № 9 (3), p. 735—752, <https://doi.org/10.18334/vinec.9.3.40822>
33. Schumpeter, J. A. 1911, *Theorie der Wirtschaftlichen Entwicklung*. Leipzig: Duncker und Humblot.
34. Mikhaylova, A. A. 2014, Innovacionnyj process: istorija i sovremennye tendencii modelirovanij, *Innovacionnyj Vestnik Region*, № 3, p. 22—29. EDN: SYMDUH
35. Huizingh, E. 2011, Open innovation: State of the art and future perspectives, *Technovation*, vol. 31, № 1, p. 2—9, <https://doi.org/10.1016/j.technovation.2010.10.002>
36. Makkonen, T., van der Have, R. P. 2013, Benchmarking regional innovative performance: Composite measures and direct innovation counts, *Scientometrics*, vol. 94, p. 247—262, <https://doi.org/10.1007/s11192-012-0753-2>
37. Dziallas, M., Blind, K. 2019, Innovation indicators throughout the innovation process: An extensive literature analysis, *Technovation*, vol. 80—81, p. 3—29, <https://doi.org/10.1016/j.technovation.2018.05.005>
38. Griliches, Z. (ed.). 1984, *R & D, patents and productivity*. Chicago: University of Chicago Press, <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226308920.001.0001>
39. Zemtsov, S. P., Baburin, V. L., Barinova, V. A. 2015, How to measure the immeasurable? assessment of the innovation potential of Russian regions, *Creative Economy*, № 9 (1), p. 35—52. EDN: TNBUOH
40. Kuznetsova, O. V. 2023, Rating of Scientific and Technological Development in Regions: Approaches, Results, and Challenges, *Studies on Russian Economic Development*, vol. 34, № 4, p. 492—499, <https://doi.org/10.47711/0868-6351-199-94-103>
41. Schmookler, J. 1950, The interpretation of patent statistics, *Journal of the Patent Office Society*, vol. 32, № 2, p. 123—146.
42. Coombs, R., Narandren, P., Richards, A. 1996, A literature-based innovation output indicator, *Research policy*, vol. 25, № 3, p. 403—413, [https://doi.org/10.1016/0048-7333\(95\)00842-x](https://doi.org/10.1016/0048-7333(95)00842-x)
43. Hagedoorn, J., Cloudt, M. 2003, Measuring innovative performance: Is there and advantage in using multiple indicators?, *Research Policy*, vol. 32, № 8, p. 1365—1379, [https://doi.org/10.1016/s0048-7333\(02\)00137-3](https://doi.org/10.1016/s0048-7333(02)00137-3)
44. Acs, Z., Anselin, L., Varga, A. 2002, Patents and innovation counts as measures of regional production of new knowledge, *Research Policy*, vol. 31, № 7, p. 1069—1085, [https://doi.org/10.1016/s0048-7333\(01\)00184-6](https://doi.org/10.1016/s0048-7333(01)00184-6)
45. Gössling, T., Rutten, R. 2007, Innovation in regions, *European Planning Studies*, vol. 15, № 2, p. 253—270.

46. Eremenko, G. O. 2017, Analysis of Russian scientific periodicals or how to choose a journal for publication, *Information and Innovations*, S, p. 207–214. EDN: ZTIAFR
47. Mikhaylova, A. A. 2018, Innovation security of region: scientific construct or political necessity?, *Innovation*, № 1 (231), p. 79–86. EDN: YQKNNR
48. Zukauskaitė, E., Trippl, M., Plechero, M. 2017, Institutional thickness revisited, *Economic geography*, vol. 93, № 4, p. 325–345, <https://doi.org/10.1080/00130095.2017.1331703>
49. Mikhaylov, A. S. 2017, Boundaries of territorial communities, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Natural and Medical Sciences*, № 1, p. 5–20. EDN: YFMFUX
50. Frenken, K., Van Oort, F., Verburg, T. 2007, Related variety, unrelated variety and regional economic growth, *Regional studies*, vol. 41, № 5, p. 685–697, <https://doi.org/10.1080/00343400601120296>
51. Enkel, E., Gassmann, O., Chesbrough, H. 2009, Open R&D and open innovation: exploring the phenomenon, *R&D Management*, vol. 39, № 4, p. 311–316, <https://doi.org/10.1111/j.1467-9310.2009.00570.x>
52. Mirolubova, T. V., Voronchikhina, E. N. 2021, Spatial non-homogeneity of the COVID-19 pandemic impact on social economic development of Russian regions, *Vestnik Permskogo universiteta. Seria Ekonomika = Perm University Herald. Economy*, № 16 (3), p. 238–254, <https://doi.org/10.17072/1994-9960-2021-3-238-254>
53. Fedorov, G. M. 2013, Cross-border cooperation in the Baltic region and the development of the Russian exclave. In: Fedorov, G. M., Zverev, Yu. M., Korneevets, V. S. (eds.), 2013, *Rossiia na Baltike: 1990–2012 gody: monografiya* [Russia in the Baltic: 1990–2012: monograph], Kaliningrad, 252 p. EDN: SWPSQZ
54. Nair, A., Guldiken, O., Fainshmidt, S., Pezeshkan, A. 2015, Innovation in India: A review of past research and future directions, *Asia Pacific Journal of Management*, vol. 32, p. 925–958, <https://doi.org/10.1007/s10490-015-9442-z>

The authors

Dr Andrey S. Mikhaylov, Leading Researcher, Southern Federal University, Russia; Senior Researcher, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Russia; Leading Researcher, Head of the Laboratory of Geography of Innovation, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: mikhailov.andrey@yahoo.com

<https://orcid.org/0000-0002-5155-2628>

Daniil D. Maksimenko, Head of the Department of Spatial Data Analysis, HSE University, Russia.

E-mail: dmaksimenko@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9165-7179>

Mikhail R. Maksimenko, Junior Researcher, Department of Spatial Data Analysis, HSE University, Russia.

E-mail: mmaksimenko@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8441-6676>

Maxim M. Filatov, Leading Expert, Institute of Statistical Research and Economics of Knowledge, the Department of Spatial Data Analysis, HSE University, Russia.

E-mail: mmfilatov@hse.ru

<https://orcid.org/0009-0001-3374-6090>

РОССИЙСКИЙ ЭКСКЛАВ НА БАЛТИКЕ

ГРАНИЦА КАК БАРЬЕР И СТИМУЛ СТРУКТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ КАЛИНИНГРАДСКОГО ЭКСКЛАВА

В. А. Колосов

А. Б. Себенцов

Институт географии Российской академии наук,
119017, Россия, Москва, Старомонетный пер., 29, стр. 4

Поступила в редакцию 31.07.2023 г.
Принята к публикации 18.09.2023 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2023-4-6
© Колосов В. А., Себенцов А. Б., 2023

Цель работы — изучение воздействия сдвигов в геополитическом положении на хозяйство региона и его структуру. Функции и режим границ выступают инструментами адаптации экономики и всего общества к перераспределению политического влияния, потоков людей, товаров, капиталов и информации между интеграционными объединениями, странами и их центрами. Изменившиеся внешние условия способствуют замедлению развития или даже упадку одних отраслей и росту других — структурной перестройке хозяйства. На эксклавной Калининградской области, сильно зависящей от внешнеэкономических связей и транзитного товарообмена с основной территорией России, геополитические изменения сказывались особенно сильно. Взаимосвязь между функциями границ и структурной перестройкой хозяйства оценена по четырем периодам. Материалами исследования послужили данные Росстата, Федеральной таможенной службы и ведомственной статистики, а также экспертные интервью. Глубина и направление сдвигов рассмотрены на основе пропорций между ключевыми отраслями экономики, структуры внешнеторговых связей, а также объема и отраслевого распределения инвестиций. Выделены четыре основных направления влияния на хозяйство резкого усиления барьерности границ между Калининградской областью и соседними странами после 2014 г. и особенно после февраля 2022 г. Поднялось значение и выросла эффективность агропромышленного комплекса, усилилась роль внутреннего туризма и опора на передовые практики государственного управления во взаимодействии с бизнесом — механизмы СЭЗ, индустриальных парков, переход к превентивным мерам адаптации к новым условиям. Произошла радикальная переориентация внешних экономических связей.

Ключевые слова:

границы, механизмы адаптации, усиление барьерности, влияние на структурную перестройку хозяйства, Калининградская область

Введение и постановка проблемы

Пожалуй, мало найдется в России да и за рубежом регионов, геополитическое положение которых, как у Калининградской области, столь многократно и стремительно менялось на протяжении всего 30 лет. Стратегия пространственного раз-

Для цитирования: Колосов В. А., Себенцов А. Б. Граница как барьер и стимул структурной трансформации экономики Калининградского эксклава // Балтийский регион. 2023. Т. 15, № 4. С. 104–123.
doi: 10.5922/2079-8555-2023-4-6

вития РФ на период до 2025 г. справедливо относит эту область наряду с Крымом, городом Севастополем и дальневосточными регионами к приоритетным геостратегическим территориям страны.

Самая западная область России — ее единственный и самый крупный в мире по численности населения эксклав. Изоляция региона от основной территории России породила необходимость транзита грузов через территории зарубежных стран при сухопутных перевозках между областью и другими российскими регионами. Этот фактор объективно усиливает роль внешних связей в ее развитии. После вступления соседних стран — Литвы и Польши — в НАТО и ЕС в 2003—2004 гг. взаимодействие между областью и остальными регионами России еще более осложнилось, поскольку оно отныне определяется не только двусторонними соглашениями, но и всем комплексом отношений между Россией и западным сообществом.

Авторы настоящей работы поставили своей целью изучить воздействие сдвигов в геополитическом положении и вызванных ими изменений в функциях и режиме границ на хозяйство региона, его структуру и степень адаптивности к новым вызовам, а также рассмотреть возможные пути перестройки отраслевой и территориальной структуры экономики на основе опыта предыдущих кризисов.

Обзор литературы и теоретические рамки исследования

Исследования границ (*border studies*) принадлежат к быстро развивающимся междисциплинарным областям знания, в которых наблюдается значительный прогресс теоретической базы (один из обзоров этой области см. в работе [1]). Согласно современным взглядам, государственные рубежи, как и любые другие формальные границы, представляют собой не застывшие линии, но динамичные общественные институты. Показано, что режим, функции, значение для общественного мнения каждой пары границ постоянно меняются в результате сдвигов в международной обстановке и двусторонних отношениях, курса валют и мировых цен, повседневной деятельности политических институтов и практики трансграничных взаимодействий и дискурса в СМИ [2]. Этот процесс получил в англоязычной литературе название *bordering*, что на русский можно условно перевести как «разграничение». Обычно процесс разграничения протекает относительно плавно, представляя собой «равнодействующую» одновременного влияния на функции границ разных акторов — не только центральных, но и региональных и местных властей и сообществ, бизнеса, НКО, СМИ.

Напротив, изменение геополитического положения территории, например в результате вхождения соседней страны в экономический союз, приводит к скачкообразным сдвигам в характере соседства. Происходит перераспределение политического влияния, потоков товаров, капиталов, туристов и информации между интеграционными объединениями, отдельными странами и их центрами. Функции и режим границ выступают инструментами адаптации экономики и всего общества к новой ситуации. Государство или усиливает их барьерность, изменяя визовой режим и таможенные нормы, затрудняя передвижение граждан или вовсе закрывая границу, или, наоборот, снимая ограничения и перераспределяя функции между границами благодаря политической интеграции, как в шенгенском пространстве. Адаптации границ способствуют и другие акторы: региональные и местные власти активизируют или, наоборот, сворачивают связи с партнерами по другую сторону государственного рубежа, граждане меняют цели и частоту своих поездок в соседнюю страну в соответствии с режимом границы, динамикой и соотношением цен на товары и услуги [2].

В свою очередь, адаптируются к новому геополитическому положению и режиму границ и субъекты хозяйственной деятельности. Изменившиеся внешние условия способствуют упадку одних отраслей и росту других — происходит структурная перестройка хозяйства. Эти изменения могут вызвать дальнейшую, уже не скачкообразную, а целенаправленную адаптацию функций и режима границ к новым реалиям с целью активизации желательных процессов и смягчения негативных последствий произошедших изменений.

Процессы адаптации отдельных регионов к резкому изменению геополитического положения не раз анализировались в научной литературе. Наиболее релевантные исследования связаны с «теорией эксκлавов», особенности географии которых способствуют их экономической и социокультурной изоляции и требуют перенастройки границ и специальных мер поддержки [3, с. 297—319]. Ряд исследований посвящен проблеме перестройке функций границ в Крыму после 2014 г. и адаптации населения и хозяйства к этому процессу [4; 5]. В этих и других исследованиях показано, что для лучшей «настройки» контактных функций границ в таких случаях разработан широкий набор инструментов: особые правовые режимы приграничных территорий, преференциальные режимы ведения бизнеса, различные формы приграничного сотрудничества и т. п.

Калининградская область — яркий пример взаимосвязи между процессом разграничения и структурной перестройкой хозяйства. Под этим термином обычно подразумевается приспособление отраслей экономики к «меняющимся условиям конкуренции, новым направлениям рыночного спроса и государственного регулирования» [6; 7]. Это могут быть как любые сдвиги, так и качественные трансформации, способствующие адаптации экономики к новым условиям. Глубина и направление структурных сдвигов обычно оцениваются с помощью анализа рынка капиталов — объема и отраслевого распределения инвестиций, пропорций между отраслями, товарной и географической структуры внешнеторговых связей.

В ряде работ показано, что структурная перестройка хозяйства происходит крайне неравномерно, как правило, увеличивая территориальные контрасты и модифицируя социально-экономическое пространство (см., например, [8]). Эту эволюцию можно представить в виде закономерной последовательности временных срезов. Каждый срез обнаруживает специфичный для данного периода пространственный рисунок внешних и внутренних иерархических взаимодействий [9]. Для процесса глобализации, в который Калининградская область оказалась активно вовлечена в начале нового века, было свойственно относительное усиление «дальних», глобальных связей и формирование пирамиды мировых финансовых центров, управляющих или регулирующих эти связи.

Тема устойчивости территорий разных типов к кризисам восприимчивости к инновациям и предрасположенности к позитивным структурным изменениям традиционно привлекает пристальное внимание специалистов по общественной географии и региональной экономике. Одна из наиболее известных концепций, в разработку которой особенно заметный вклад за рубежом внес Д. К. Норт, а в России Р. М. Нуреев, — изучение «эффекта колеи», то есть зависимости траекторий развития от предшествующих состояний хозяйства региона или страны [10; 11]. Проблема преодоления «эффекта колеи» остро стояла перед Калининградской областью практически все постсоветские годы, что диктовалось в значительной степени попытками реализации возможностей и смягчения ограничений, поставленных перед хозяйством и всем социумом региона спецификой его постоянно меняющегося геополитического положения [12].

В развитии области после присоединения ее к территории СССР различают несколько периодов, подразделяемых на этапы (см., например, [13—15]), в том числе

в зависимости от интенсивности и характера связей с соседями. Для целей настоящей работы наиболее интересна функционально-временная типология российско-польской и российско-литовской границы, выполненная Л. Г. Гуменюк [13] на основе известных идей О. Мартинеса и его последователей. В отличие от Л. Г. Гуменюк мы рассматриваем рубежом одного из постсоветских периодов не 2012 г., когда был введен режим малого пограничного движения (МПД) между Россией и Польшей, а 2014 г. — начало резкого усиления барьерности внешних границ региона, вызванного санкциями западных стран против России после присоединения Крыма. Мы также не отделяем 2020—2022 гг. от периода после 2016 г. (отмены Польшей режима МПД), так как «временное» закрытие границ во время пандемии переросло в быструю трансформацию в труднопреодолимые барьеры из-за последовавшего разрыва между Россией и Западом.

Исследование опиралось на три группы источников. Во-первых, это материалы Росстата, Федеральной таможенной службы и ведомственной статистики. Сложность анализа этих данных связана с изменением методологии учета социально-экономических показателей. Например, для анализа структурных изменений экономики приходилось сопоставлять данные разных классификаторов (советского ОКОНХ и новых российских ОКВЭД-2007 и ОКВЭД2). Хотя точность такого пересчета, как показано в ряде работ [16; 17] оставляет желать лучшего, он позволил оценить наиболее заметные структурные сдвиги.

Во-вторых, работа основывается на результатах полевых исследований, которые проводились нами с начала 2000-х гг. (см. подробнее [18]). Актуальные данные были собраны в мае—июне 2022 г. в ходе 24 экспертных интервью с представителями региональных и федеральных властей, бизнеса, академического и экспертного сообщества, некоммерческих организаций, проведенных в Калининграде и ряде районных центров области.

В-третьих, авторы опирались на фундаментальные исследования калининградских коллег (см., например, [12; 15; 19—25 и др.]).

Режим границ и кризис переходного периода: эффекты синергии в условиях эксклава (1991—2003)

Юридическое изменение статуса и режима границ Калининградской области началось в сентябре 1991 г., когда СССР признал независимость стран Балтии. Летом 1992 г. Литва ввела визовой режим с Россией, следом возникли и экономические барьеры — пограничный и таможенный контроль, различные пошлины. В результате увеличились временные и финансовые издержки на операции по перемещению товаров [22; 23]. К этому времени до 70 % продукции области вывозилось в другие регионы страны и многие отрасли получали сырье и комплектующие из основной части России и других республик [20].

Эти события резко усугубили последствия хаотической приватизации и дезорганизации экономики, в результате чего практически полностью прекратил существование ключевой межотраслевой комплекс области — рыбохозяйственный (12 % добычи рыбы и морепродуктов страны, 33 % промышленной продукции области). В кризисе оказалось и машиностроение (28 % промышленного производства), обслуживавшее в первую очередь интересы рыбопромышленного комплекса и военных [20].

Выдвинутая на запад Калининградская область была одним из форпостов СССР: здесь находились одна из баз Балтийского флота, много гарнизонов, военных аэродромов. Начавшееся в тот же период обвальное сокращение армии нанесло еще один удар по ее экономике.

Сравнительный анализ динамики макроэкономических показателей по России в целом и Калининградской области приводит к выводу о том, что спад экономики региона был гораздо более глубоким и быстрым (рис. 1). К 1995 г. промышленное производство упало до 40 % от уровня 1989 г. (в общем по России — до 51 %). В отраслевой структуре заметно сократилась доля машиностроения, легкой и пищевой промышленности. Увеличение доли топливной промышленности и электроэнергетики в том же году до 13,9 % вместо 1,3 % в 1989 г. было не более чем маркером кризисных явлений. Обе отрасли находились в глубоком кризисе: нефтедобыча испытывала трудности со сбытом нефти на Мажейкяйский НПЗ в Литве, а электроэнергетика — с получением электроэнергии из этой республики. Сжатие экономики продолжалось до 1998 г. Уровень жизни в регионе был заметно ниже, чем в среднем по стране.

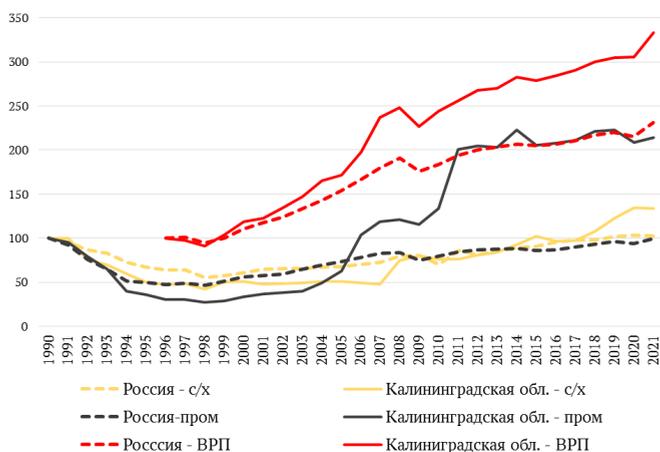

Рис. 1. Динамика макроэкономических показателей, % к 1990 г. (для ВРП — к 1996 г.)

Источник: рассчитано на основе данных Росстата¹.

Примечание: с/х — индекс сельскохозяйственного производства, пром — индекс промышленного производства, ВРП — валовой региональный продукт.

Адаптацию населения и хозяйства области к новым условиям значительно облегчило снижение барьерности границы с Польшей. Новые виды челночного и посреднического бизнеса, часто нелегального или полулегального, обеспечивали поступление дешевых потребительских товаров. «Приграничная рента» позволила жителям приграничных районов области частично компенсировать снижение уровня жизни [19; 25].

Важным механизмом адаптации экономики к новому геополитическому положению стало использование различных мер государственной поддержки, включая принятый в 1996 г. режим Особой экономической зоны (далее — ОЭЗ-1996). Он позволял беспрошленно ввозить импортное сырье и полуфабрикаты и вывозить полученную продукцию на основную территорию страны при условии достижения определенного уровня добавленной стоимости — от 15 до 30 %. Девальвация рубля в 1998 г. повысила для предпринимателей привлекательность такой модели бизнеса [14].

Экономические сдвиги, произошедшие в Калининградской области в первое постсоветское десятилетие, правильнее назвать структурным кризисом, а не пере-

¹ Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991—2021 гг., 2022, Росстат, URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13396> (дата обращения: 17.09.2023).

стройкой. Главными его итогами стали свертывание, а иногда и полное закрытие сложившихся в советское время отраслей специализации. Они были замещены вовлечением сохранившихся субъектов экономической деятельности в спекулятивные обмены с зарубежными странами в интересах крупных глобальных игроков. И тем не менее местный бизнес, в том числе малый и средний, накапливал уникальный опыт и компетенции взаимодействия с контрагентами на мировом рынке.

Использование пограничного положения и режима границ в адаптации к новым геополитическим реалиям и в структурной перестройке хозяйства (2003 — 2014)

Одним из результатов расширения ЕС в 2004 г. стал рост барьерности польской границы — для посещения сопредельной страны отныне требовались виза и загранпаспорт. Уже в 2003 г. число пересечений российско-польской границы упало на 20 % к уровню 2002 г., а к 2009 г. — в 3 раза [26]. Однако очередная перестройка границ не привела к кризисным явлениям в экономике региона. Наоборот, с 1999 г. Калининградская область стала заметно опережать по темпам роста ВРП общероссийские показатели, причем с годами разрыв увеличивался (рис. 1). Благодаря относительно высокой проницаемости границ для многих видов товаров и механизму ОЭЗ активно создавались новые предприятия, обеспечившие около 70 % промышленной продукции и 25 % ВРП. На основе импортных компонентов и технологий выпускалась львиная доля товаров широкого потребления для общероссийского рынка [18]. По данным Росстата, в середине 2000-х гг. область производила до 86 % российских телевизоров и 84 % пылесосов. Активно развивалась автосборочная компания «Автотор». Статистический анализ показывает резкий рост доли машиностроения в отраслевой структуре промышленности по стоимости (с 10,6 % в 1995 г. до 37,1 % в 2004 г.). Увеличилась и доля пищевой промышленности, превысившая 30 %, в том числе за счет новых производств по переработке сои (табл. 1). Области удавалось постепенно преодолевать «эффект колеи».

Таблица 1

Структура промышленного производства Калининградской области, %

Производство	1989	1995	2001	2004	2008	2017	2018	2019	2020	2021
Электроэнергетика	1,3	13,9	9,8	5,8	6,3	5,6	6,0	7,0	7,4	7,7
Топливная промышленность	1,2	6,8	20,4	10,2	6,8	3,6	2,9	2,8	2,3	2,6
Химическая и нефтехимическая промышленность	0,8	0,5	0,3	1	1,9	3,5	4,1	3,5	1,1	3,4
Машиностроение и металлообработка	27,9	10,6	19,6	37,1	52,2	42,9	47,6	48,9	45,9	45,0
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	10,8	21,3	13	7,4	3,1	4,9	4,1	3,4	3,3	1,9
Промышленность строительных материалов	2,6	2,7	1,3	2,7	1,7	2,5	1,4	1,4	1,5	1,2
Легкая промышленность	4,9	2,3	1,7	1,7	2,0	0,7	0,6	0,5	0,5	0,4
Пищевая промышленность	44,8	32,9	30,3	31,7	21,8	31,6	27,6	27,5	29,3	32,1
Прочие	5,7	9	3,6	2,7	4,5	4,8	5,6	5,0	9,0	5,5

Источник: рассчитано на основе данных Росстата¹.

Понятно, что импортозамещение было неразрывно связано с продолжавшимся быстрым ростом оборота внешней торговли, в которой доминировали партнеры из

¹ Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991 — 2021 гг., 2022, *Росстат*, URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13396> (дата обращения: 17.09.2023).

Германии, Южной Кореи, Польши и Китая. Так, только в период с 2000 по 2004 г. этот показатель вырос в 2,8 раза, а к 2008 г. — в 8 раз. Импортные операции резко преобладали над экспортными. Так, если в 2000 г. разрыв между экспортом и импортом был двукратным, то в 2004 г. он стал уже пятикратным, а в 2008 г. импорт был уже в 14 раз больше экспорта (рис. 2).

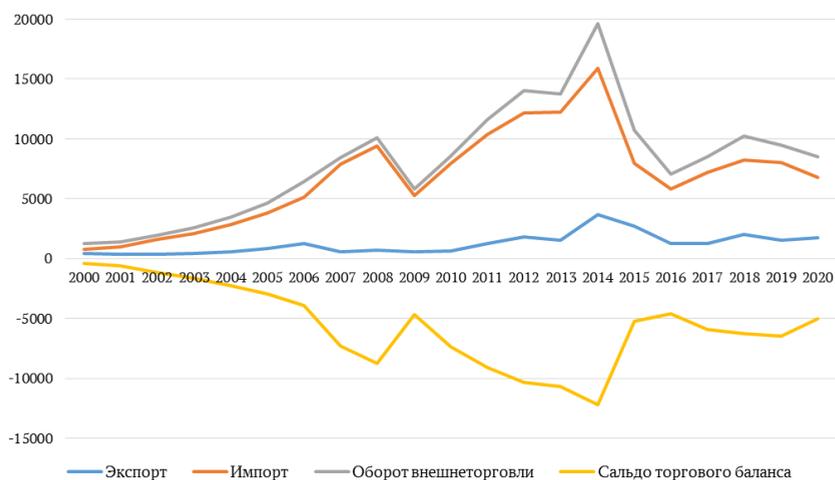

Рис. 2. Динамика основных показателей внешней торговли Калининградской области, млн долл. США

Источник: рассчитано на основе данных Росстата¹.

Адаптация калининградского пограничья к новому геополитическому положению, статусу и режиму границ оказалась и в фокусе региональных интересов ЕС. К 2003 г. одной из площадок приграничного сотрудничества стали еврорегионы, по числу которых область стала лидером в российском пограничье. С 2004 г. после вступления в ЕС литовские и польские участники программы получили в свое распоряжение финансовые ресурсы программы INTERREG, а российские — TACIS. Несмотря на асимметрию финансовых возможностей, а вследствие этого и результатов, программа способствовала уменьшению недоверия между соседями.

Еще одним направлением сотрудничества стало соглашение о МПД. Польская сторона пролоббировала в Еврокомиссии расширение зоны МПД за пределы стандартной пятидесятикилометровой зоны [27]. Уже в 2013 г. в режиме МПД было совершено свыше 3,5 млн пересечений границы. МПД стал большим подспорьем для экономики сопредельных польских воеводств [18; 28].

В 2007 г. началась реализация новой программы «Польша — Литва — Россия», софинансирование которой со стороны правительства сделало сотрудничество более равноправным и способствовало росту общего бюджета. Плотные партнерские сети, сложившиеся в результате многолетнего взаимодействия, превратились в капитал сотрудничества и доверия, которое позволяло смягчать барьерные свойства государственных границ.

Несмотря на внешне впечатляющие результаты по преодолению «эффекта колеи», проблема структурной перестройки экономики оставалась в фокусе внимание

¹ Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991 — 2021 гг., 2022, Росстат, URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13396> (дата обращения: 17.09.2023).

федеральных и региональных властей. Их беспокоила чрезмерная зависимость от внешних рынков, курсов валют и конъюнктуры отношений с ЕС, а следовательно, функций и режима границ [29]. Неустойчивость экономики области явственно проявилась в ходе мирового кризиса 2008—2009 гг.: падение ВРП и оборота внешней торговли было заметно больше, чем по России в целом (рис. 1).

В 2006 г. подвергся глубокой реформе режим ОЭЗ-1996. Помимо хрупкости внешнеэкономической конъюнктуры веским основанием для этой реформы стали углубление евразийской интеграции, присоединение к ВТО и протесты производителей из основной территории России. Согласно новому федеральному закону об ОЭЗ в Калининградской области от 1 октября 2006 г. (далее ОЭЗ-2006) таможенные льготы с 2016 г. подлежали замене на налоговые, а на сохранение старых правил игры в этот десятилетний переходный период могли рассчитывать только резиденты ОЭЗ-1996, зарегистрированные до 1 апреля 2006 г. Были предприняты значительные усилия для укрепления энергетической безопасности. В 2002—2010 гг. были введены два энергоблока Калининградской ТЭЦ, а в 2013 — подземное хранилище газа [30]. В 2004—2007 гг. началась эксплуатация паромных комплексов в портах Балтийск и Усть-Луга.

Санкции и контрсанкции, новые функции и режим границ, адаптация и перестройка экономики (2014—2020)

Геополитический кризис 2014 г., вызванный событиями на Украине, привел к новому резкому ухудшению отношений с ЕС. Провозвестником начавшейся новой структурной перестройки хозяйства региона стали сдвиги во внешней торговле. Введенные ЕС санкции и российские контрсанкции изменили режим границы для внешнеторговых потоков, которые резко сократились уже во второй половине 2014 г. Падение курса рубля вследствие снижения нефтяных цен и других факторов еще больше усилило этот эффект. В 2015 г. внешнеторговый оборот области снизился в 1,8 раза и в 2016 г. еще в 1,5 раза в первую очередь за счет снижения импорта (в 2015 г. — вдвое и в 2016 г. — в 1,4 раза). Это привело к уменьшению дефицита торгового баланса.

В соответствии с изменениями характера соседства со странами ЕС и увеличением барьерности границ с ними претерпела существенные изменения товарная и географическая структура внешней торговли. Если до 2014 г. на экспорт сельскохозяйственных товаров приходилось 30—45 %, то к 2016 г. их доля выросла до 74 %. Около половины сельскохозяйственного экспорта приходилось на вывоз соевого и рапсового масла, еще примерно по 20 % — на отходы маслобойного производства, пшеницу и меслин. География экспортных поставок отличалась изменчивостью, что определялось волатильностью продовольственных рынков, крупными, но разовыми экспортными контрактами в судостроении и электронной промышленности в связи с изменением курса рубля в конце 2014 г. Так, если в 2013 г. крупнейшими экспортными партнерами были Индия (26 %), Литва (12 %) и Норвегия (8,6 %), в 2015 г. — Германия (53 %), Алжир (5 %) и Норвегия (4,7 %), то в 2016 г. — Норвегия (11,1 %), Алжир 10,4 (5 %), Германия (6,2 %), Литва (6 %) и Польша (5,8 %).

Основу импорта, как и прежде, составляла продукция машиностроения (в 2015—2016 гг. — 40—50 %), прежде всего машинокомплекты для «Автотора», а также элементная база для производств в сфере электроники и электротехники. Существенно увеличилась доля сельскохозяйственных товаров — с 18 % в 2014 г. до 31,6 % в 2016 г. Почти две трети сельскохозяйственного импорта приходилось на соевые бобы — сырье для предприятия «Содружество-Соя». Санкции и начавший-

ся разрыв с европейскими партнерами привели к росту доли в импорте стран, находящихся далеко за пределами Балтики, — Китая (12,3%), Кореи (10,8%), Бразилии (10,4%) и Парагвая (7,8%).

В 2015 г. ВРП области снизился на 1,5%, а промышленное производство — на 7,8% (для РФ — соответственно –0,6 и –3,4%). Наибольший спад наблюдался в автомобильной промышленности (вдвое) и в производстве электронного и оптического оборудования (на 40%). Пострадало также производство колбасных изделий, мясных и рыбных консервов из сырья, поступавшего из стран Балтии и Польши.

Таким образом, в 2014 г. стартовал новый период адаптации области к опять изменившейся геополитической и геоэкономической реальности, новым функциям и характеру границ с соседними европейскими странами. С 2016 по 2019 г. экономика региона продолжала опережать общероссийские темпы роста (в среднем на 2,3% в год), промышленность же росла более скромными темпами (0,9—1,8%) и только в 2018 г. показала пятипроцентный прирост.

Как и в ряде других регионов России, одним из главных бенефициаров закрытия границ для европейской сельхозпродукции стало сельское хозяйство, в котором происходили наиболее сильные адаптационные изменения [31]. Намного возросла продовольственная самообеспеченность области: сельскохозяйственное производство в 2015 и 2016 гг. увеличивалось на 10% в год, наблюдался значительный (на 7—10% в годовом выражении) прирост посевных площадей, поголовья скота и птицы, производство молока (на 16,2%) и яиц (17,8%). Региональные власти с помощью субсидий и льготных кредитов активно помогали агробизнесу [32]. Инвестиционный бум в отрасли был связан как с расширением производства в крупных региональных холдингах и компаниях («Долгов Групп», ГК «Продукты питания», АПХ «Залесье», ООО «Орбита-Агро»), так и с приходом агрохолдингов с основной территории России (АПХ «Мираторг»). Согласно данным Росстата, с 2013 по 2019 г. на фоне роста посевных площадей на 49% валовый сбор зерновых вырос вдвое, овощей — на 20%, ягод — на 50%. Одновременно резко выросла эффективность сельскохозяйственного производства. Так, надой молока на одну корову в тот же период увеличился с 5486 до 7771 кг в год (в 2020 г. — 8552 кг), а урожайность зерновых — с 38,4 до 52 ц/га, что сопоставимо с показателями ряда регионов черномоземной полосы.

Общее направление изменения геополитического положения Калининградской области, да и всей России, не оставляло сомнений: дальнейшее ухудшение отношений с европейскими и западными партнерами, особенно с соседями — Польшей и Литвой. В отличие от предыдущих этапов были приняты срочные превентивные меры по адаптации к усилению барьерности границ эксклава. В 2015 г. завершилось строительство терминала по приему газа и плавучей регазификационной установки «Маршал Василевский». В 2018—2019 гг. были введены в эксплуатацию сразу четыре новые газовые ТЭЦ, что сделало регион энергоизбыточным. В 2018 г. началось строительство двух новых паромов в дополнение к двум имеющимся [18].

Ярким символом нарастающей барьерности границ стали отмена Польшей режима МПД и кризис трансграничного сотрудничества. Уже к концу 2016 г. общее число пересечений российско-польской государственной границы сократилось до уровня начала 2000-х гг. (рис. 3). Было заморожено сотрудничество в рамках таких важных институтов, как Совет государств Балтийского моря, Северное измерение, а завершавшиеся в 2014 г. проекты программного периода 2007—2013 гг. испытали сложности с получением финальных выплат¹.

¹ Интервью с замдиректора Агентства по международным и межрегиональным связям Калининградской области Л. О. Максимовой, 30 мая 2022 г.

Глобально-региональные кризисы как фактор новой радикальной перестройки (2020 год и далее)

Новая перестройка границ была следствием совпадения двух не имеющих между собой причинных связей глобальных кризисов, последствия которых, однако, оказались тесно переплетены. Первый глобальный кризис был связан с пандемией коронавирусной инфекции (COVID-19), второй — с новым витком противостояния между Россией и Западом в связи с началом СВО на Украине.

Закрытие после начала пандемии польской (13 марта 2020 г.), а затем российской и литовской (14 марта) границ нанесло удар по всему спектру гуманитарных контактов [33] и приграничному сотрудничеству. Согласно данным пограничной службы Польши, число пересечений на границе с Россией в 2020 г. едва превысило 740 тыс. и снизилось по сравнению с 2017 г. в 5,3 раза, а по сравнению с рекордным 2014 г. — в 8,8 раза (рис. 3).

Рис. 3. Число пересечений российско-польской и российско-литовской границы российскими и иностранными гражданами (по данным ФСБ РФ)¹

Глобальный охват пандемии был усугублен локальными факторами — высокой трансграничной мобильностью калининградцев, предопределившей быстрый рост и высокие пики заболеваемости, зависимостью хозяйства от внешних связей и коллапсом кооперационных связей. Внешние и внутренние санитарные ограничения, особенно локдауны и снижение потребительского спроса, проблемы с логистикой оказали большое влияние на работу предприятий автомобильной промышленности, электроники, многих отраслей сферы услуг. Не могли приехать в Калининград иностранные инженеры и рабочие — наладчики оборудования, что вызвало задержку с реализацией проектов в пищевой, электронной, автомобильной и мебельной промышленности.

Первые ослабления особого режима были сделаны только в июне и августе 2020 г. В феврале 2021 г. был восстановлен железнодорожный транзит через Беларусь и Литву. Однако сухопутные границы региона оставались закрытыми для большинства категорий граждан до 15 июля 2022 г.

¹ Въезд иностранных граждан в Россию 2010—2022, чел., 2023, *Росстат*, URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/38480> (дата обращения: 17.09.2023) ; Въезд граждан России 2010—2022, чел., 2022, *Росстат*, URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/38480> (дата обращения: 17.09.2023).

Закрытие границ для многих калининградцев означало перемены в образе жизни. Вынужденный отказ от сложившихся потребительских привычек и частично переноса потребления на сопредельных территориях Литвы и особенно Польши стал для многих жителей региона болезненным. Пострадал бизнес челноков, которые, с одной стороны, предъявляли в Калининградской области высокий спрос на определенные российские товары — топливо, табачную продукцию, алкоголь, а с другой — специализировались на поставках в регион европейской продукции, в том числе продовольственной, находящейся под российскими санкциями. Обратной стороной закрытия границ стало переключение этого дополнительного спроса на продукцию регионального агропромышленного комплекса.

Глобальный экономический кризис, вызванный пандемией, к которому еще не успели до конца адаптироваться хозяйство и общество области, перерос в еще более серьезный и долговременный кризис, связанный со СВО и беспрецедентными санкциями Запада против России. Зависимость региона от импорта, рассчитанная как доля импорта в расходах предприятий на услуги, сырье, материалы, полуфабрикаты и комплектующие изделия для производства и сбыта продукции, наибольшая из всех регионов России (в 2019—2021 гг. — 76,5 %) [34]. Как показала О. В. Кузнецова, особенно сильно сказались санкции на регионах с высокой долей иностранного капитала в экономике, инвестиций из недружественных стран, а также со специализацией на автомобильной промышленности [17]. Сочетание этих трех факторов привело к тому, что в 2020—2022 гг. спад производства в Калининградской области стал рекордным в стране. Можно выделить четыре основных направления влияния санкций на социально-экономическое положение области.

К первой, наиболее важной группе относятся трудности *транспортно-логистического характера*. В апреле 2022 г. российским судам было запрещено заходить в порты стран ЕС, и единственной компанией, которая продолжала фидерные перевозки в калининградские порты, осталась китайская COSCO. Более тщательные, чем раньше, проверки на границе с Литвой уже в марте привели к росту очередей на автомобильных пунктах пропуска, а также к снижению оборачиваемости вагонов. Затем российским и белорусским автоперевозчикам запретили работать на территории Евросоюза. Грузовые автоперевозки были одной из отраслей специализации области. В июне со ссылкой на общие требования ЕС и в нарушение соглашений о транзите Литва закрыла транзит санкционной продукции через свою территорию, в том числе строительных грузов, а с конца года — и топлива, что составило в совокупности 40—50 % всей номенклатуры. Сказывалось также и действие встречных санкций. Так, белорусские власти в ответ на европейские санкции запретили иностранным перевозчикам работать на своей территории, что требовало перегрузки товаров при въезде и выезде из страны¹.

Проблему оборачиваемости вагонов удалось частично решить за счет создания регионального перевозчика: ГК «Новик» был выделен кредит на создание собственного вагонного парка. Была увеличена также мощность паромной переправы. Так, если в феврале 2022 г. на линии работали только два парома, то в апреле 2023 г. ее обслуживали четыре железнодорожные парома, судно типа «ро-ро» и два универсальных сухогруза. На нерегулярной основе снабжение области обеспечивали 18 судов. На горизонте нескольких лет предполагается построить новый терминал

¹ Интервью с Ф. Ф. Лапиным, президентом Калининградской торгово-промышленной палаты, 1 июня 2022 г.

и довести общее число паромов до десяти. Кроме того, специально для региона был изменен ряд регламентов таможенного оформления грузов, что обеспечило возможность быстро реагировать на меняющуюся ситуацию на сухопутных границах. Тем не менее в отсутствие альтернативы паромные перевозки сделали логистику более дорогой¹. Грузопотоки асимметричны: в Калининградскую область паромы идут полностью загруженными, тогда как грузов в обратном направлении значительно меньше.

С транспортно-логистическими проблемами тесно переплетается *технологические и торговые ограничения*. Запрет США и европейских стран на торговлю с Россией продукцией двойного назначения, машинами и компонентами, содержащими запатентованные или произведенные в странах Запада «ноу-хау», ударил в первую очередь по заводу «Автотор». В 2019 г. на грузы «Автотора» приходилось около половины перевозок Калининградской железной дороги, 71 % контейнерной перевалки Калининградского морского торгового порта и 74 % — Балтийского морского терминала². Поэтому снижение производства только на одном этом предприятии неизбежно привело к существенным проблемам в транспортной отрасли.

Тем не менее в феврале 2023 г. предприятию удалось заключить контракт сразу с шестью китайскими компаниями, а уже в марте 2023 г. начать выпуск седана марки «Kaіu E5». Объем выпуска автомобилей в 2023 г. по оценкам менеджмента предприятия должен составить от 70 тыс. до 100 тыс. (в 2017 г. — около 140 тыс., общая мощность предприятия — 250 тыс.).

Со значительными проблемами столкнулись также предприятия, производящие электронику и иную инновационную продукцию. Для периодической настройки станков с программным управлением нужны одноразовые коды доступа от производителя. Некоторые фирмы, а иногда и конкретный оператор отказывают в поддержке. Схожие проблемы с наладкой оборудования испытывают и пищевые предприятия. Так, почти два года не удается запустить первый и единственный в России завод по производству виски, построенный с использованием итальянского оборудования в Черняховске³.

Финансовые ограничения серьезно сказались на положении области ввиду ее сильной зависимости от импорта. Скачки курса рубля в феврале — марте 2022 г., уход из России платежных систем и отключение многих российских банков от SWIFT заставили предпринимателей искать посредников для проведения платежей в дружественных странах, прежде всего в Сербии, Турции и Китае. Используются и возможности бизнеса некоторых стран ЕАЭС. При этом транспортные потоки замыкаются на «материковой» территории России, через которую осуществляется основной объем транзита санкционных товаров.

Четвертое направление санкций — *полная приостановка трансграничного сотрудничества* между Россией и ЕС, в том числе отказ от подготовки новых программ периода 2020—2027 гг., разрыв побратимских и иных связей, прекращение участия в программах сотрудничества 2014—2020 гг., которые должны были официально завершиться только 31 декабря 2022 г. На начало июня 2022 г. из 69 проектов было окончено лишь 13. Сложная ситуация возникла с крупными инфраструктурными проектами (например, с реконструкцией систем водо-

¹ Интервью с Е. В. Перуновым, президентом Ассоциации калининградских мебельщиков, 31 мая 2022 г.

² Логистика, 2023, *Автотор*, URL: <https://avtotor.ru/pages/logistika> (дата обращения: 17.09.2023).

³ Групповые и индивидуальные интервью с владельцами и менеджерами предприятий — резидентов индустриального парка «Храброво», 3 июня 2022 г.

снабжения и канализации в Гурьевске, Гусеве и Черняховске), которые по своим параметрам требовали продолжения строительства. Для решения этой задачи потребовалось привлечь региональные и федеральные финансовые ресурсы.

Большинство проинтервьюированных нами экспертов полагают, что детально определить направления структурной перестройки экономики региона в соответствии с новой геополитической и геоэкономической реальностью пока сложно. Предполагается сделать ставку на импортозамещение и одновременно усилить ориентацию в торговле на дружественные страны Азии. Так, «Автотор» ищет новых партнеров в странах Юго-Восточной Азии и прежде всего в Китае, одновременно планируя в 2023—2024 гг. начать выпуск собственных электромобилей в кооперации с одной из дочерних компаний ГК «Росатом». Похожей тактики придерживаются и другие производители. Пищевые и мебельные компании ищут поставщиков сырья и оборудования на основной территории России, в Китае и Турции. Нередко приходится довольствоваться сырьем и материалами более низкого качества, хотя и по более высоким ценам. Многие предприятия, например мебельные, полностью переключились на российский рынок, лишившись прямых контрактов с европейскими производителями, дававшим ценные и технологические преимущества по сравнению с предприятиями на основной территории России. Эти перемены ярко сформулировал Е. В. Перунов, президент Ассоциации калининградских мебельщиков: «Я говорю всем нашим производителям: забудьте, что есть Европа! Представьте, что вы проснулись, а Европы больше нет!»¹

В сельскохозяйственной отрасли предприниматели при поддержке региональных властей предполагают инвестировать в селекционно-семеноводческий бизнес и племенное животноводство. Уже появилось предприятие по выращиванию племенных бычков, работают около десятка племенных хозяйств. Однако, как и другие регионы России, область испытывает трудности с воспроизводством поголовья кур яичного направления, которое ранее обновлялось за счет закупок в Европе [31]. Планируется заместить эти закупки отечественным производством и сделать область центром сельскохозяйственной селекции и генетики.

Одним из направлений структурной перестройки хозяйства области стала индустрия туризма, и ранее составлявшая одну из отраслей специализации региона. Закрытие в 2020 г. российских границ поддержало начавшийся в 2015—2019 гг. бум отрасли. Так, если в 2014 г. Министерство туризма области оценивало число посетителей области в 600 тыс., то в 2017—2018 гг. — в 1,3—1,5 млн². В 2021 г. после снятия наиболее жестких санитарных ограничений рекордных отметок было отмечено 1,9 млн посетителей³. Однако возросли цены на услуги гостиниц, аренду жилья и продукты питания, особенно в Калининграде и приморских районах. У калининградцев не стало возможности отдыха в соседних странах, а местные курорты переполнены российскими туристами и подорожали [35]. В результате местные жители, а вслед за ними и туристы обратили внимание на восточную часть области, посещая такие города, как Гусев, Черняховск или поселок Железнодорожный.

Этот интерес удачно совпал с программой по развитию востока области, в рамках которой приводятся в порядок многие города области с богатым культурным

¹ Интервью с Е. Перуновым, президентом Ассоциации калининградских мебельщиков, 31 мая 2022 г.

² Интервью с А. В. Ермаком, министром по культуре и туризму Калининградской области, 2 июня 2022 г.

³ Интервью с анонимным респондентом, женщина, 40 лет, представитель турбизнеса, 1 июня 2022 г.

наследием. Региональным властям удалось объединить ресурсы Фонда капитального ремонта, гранты федеральных министерств, средства благотворительных фондов и частных инвесторов для реставрации объектов культурного наследия, реконструкции целых улиц и др.

Региональные власти и бизнес рассчитывают на преференции, полученные регионом, а также на передовые практики взаимодействия власти и бизнеса. Область пользуется хорошо апробированным механизмом СЭЗ, однако большие надежды возлагаются и на индустриальные парки, которые уже вносят заметный вклад в структурную перестройку экономики: развитие машиностроения (индустриальный парк «Храброво»), фармацевтики («Экобалтик»), производства строительных материалов и химической продукции («Балтийский промышленный парк»), высокотехнологичной электроники («Технополис GS»), инженеринговые услуги («Данор»). С 2018 г. действует и специальный административный район на о. Октябрьском, где из иностранных юрисдикций уже зарегистрировалось около 100 компаний, которые с 2018 г. вложили 60 млрд руб. в российскую экономику¹.

Заключение

Бурные геополитические изменения к Европе и другим частям света, такие как распад СССР, расширение НАТО и ЕС на восток за счет бывших социалистических стран, острый конфликт между Россией и Украиной, Россией и Западом, были неминуемо сопряжены с радикальными трансформациями значительной части всей мировой системы границ. Функции и режим границ России со странами ЕС постоянно менялись: они то становились более открытыми, контактными, создавая возможность реализации совместных программ приграничного сотрудничества и развития его новых форм, то, наоборот, закрывались. После 2014 г. барьерная функция начала все более преобладать над контактной.

Функции и режим границ выступают важными инструментами адаптации хозяйства и всего социума страны или региона к новым реалиям — геополитическим сдвигам, конъюнктуре мирового рынка, изменениям политических и экономических отношений между странами как на национальном (иногда, как в случае с ЕС, и наднациональном), так и региональном уровнях. В соответствии с теорией разграничения (bordering) настройка функций и режима системы границы представляет, по сути, непрерывный процесс.

На эксклавной Калининградской области, сильно зависящей от внешнеэкономических связей и транзитного товарообмена с основной территорией России, геополитические изменения сказывались особенно заметно. После периода шока и острого кризиса 1990-х гг. попытки использовать преимущества пограничного положения региона стали приносить определенные плоды: область перегнала другие регионы России по темпам роста ВРП и ряду других показателей. Активизация внешнеэкономических связей и развитие приграничного сотрудничества, связанные с облегчением режима пересечения границ, стали важнейшими инструментами адаптации экономики области к новому геополитическому и геоэкономическому положению, стимулирования структурной перестройки хозяйства и преодоления «эффекта колеи». Однако ухудшение отношений между Россией и Западом, нестабильность мировой конъюнктуры и кризисы быстро выявили хрупкость экономической системы, построенной на высокой зависимости от импорта.

¹ Интервью с А. С. Толмачевым, генеральным директором АО «Корпорация развития Калининградской области», 2 июня 2022 г.

Был вынесен урок из негативного опыта «экскавизации» Калининградской области в результате расширения ЕС и его нежелания учитывать российские интересы в конце 1990-х — начале 2000-х гг. Произошел переход от реактивных мер по адаптации хозяйства области к меняющимся геополитическим условиям к превентивным, что позволило смягчить негативные последствия санкций и контрсанкций. Укрепилась энергетическая, транспортная и продовольственная безопасность региона. Более того, последующее фактическое закрытие внешних границ области сначала из-за санитарных ограничений, а затем из-за санкций Запада привело к попыткам использовать сокращение зависимости области от внешних связей для ускорения структурной перестройки и устойчивого развития хозяйства, радикальной перестройки географии международного сотрудничества.

Несмотря на трудные условия, калининградские власти и бизнес проявляют гибкость в адаптации к сложившимся обстоятельствам. Сказывается суровая школа предыдущих десятилетий, опыт работы с партнерами в соседних странах и на мировом рынке, использования программно-проектных подходов, давно применявшихся в приграничном сотрудничестве со странами ЕС. «Благодаря опыту, полученному в рамках программ приграничного сотрудничества, мы научились качественно готовить заявки на гранты. Использование разных источников финансирования для решения комплексных задач — это необходимое умение в рамках программ сотрудничества. Мы готовим проекты заранее, задолго до того, как объявят конкурс. Мы знаем, что именно мы хотим сделать, и потом лишь адаптируем заявку под условия гранта», — заявил в интервью авторам один из руководителей Черняховского городского округа¹.

Однако успехи и неудачи на этом сложном историческом отрезке оценивать еще явно рано. В условиях неопределенности трудно строить прогнозы и детальные планы, хотя стратегические задачи ясны — избавление от критической зависимости отдельных отраслей и производств от импорта, развитие высокотехнологичных производств и более эффективное участие в общероссийском разделении труда.

Исследование выполнено при финансовой поддержке проекта РНФ № 22-17-00263 «Эффекты и функции границ в пространственной организации российского общества: страна, регион, муниципалитет». Анализ данных за период 1991—1993 г. выполнен за счет средств государственного задания ИГ РАН АААА-А19-119022190170-1 «Проблемы и перспективы территориального развития России в условиях его неравномерности и глобальной нестабильности».

Список литературы

1. Колосов, В. А., Зотова, М. В. 2022, Фрагментация политического пространства и динамика современной системы границ, *Политическая наука*, № 22, с. 67—89, <https://doi.org/10.31249/poln/2022.04.03>
2. Колосов, В. А. 2022, Исследования границ в современном мире: прогресс теории и основные направления, *Региональные исследования*, № 3, с. 23—36, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2022-3-2>
3. Винокуров, Е. Ю. 2007, *Теория анклавов*, Калининград: Терра Балтика, 342 с.
4. Зотова, М. В. 2018, Российско-украинская граница в Крыму: новые вызовы и пути адаптации, *Региональные исследования*, № 3 (61), с. 101—108. EDN: YRSDML

¹ Интервью с В. Ю. Вобликовым, первым заместителем главы администрации Черняховского муниципального округа, 6 июня 2022 г.

5. Швец, А. Б., Вольхин, Д. А. 2018, Крым в пространстве Юга России: приоритетные форматы и векторы межрегиональных взаимодействий, *Геополитика и экогеодинамика регионов*, т. 14, № 4, с. 319—336. EDN: YLBVQD
6. Смешко, О. Г. 2014, Структурная перестройка российской экономики: приоритеты и механизм регулирования, *Региональные проблемы преобразования экономики*, № 7, с. 6—17. EDN: SWMFLB
7. Гасанов, М. А. 2009, Влияние технологических сдвигов на структурные трансформации мировой и российской экономики, *Вестник Томского государственного университета*, № 3236, с. 239—243. EDN: LHQSED
8. Massey, D. B. 1995, *Spatial divisions of labor: Social structures and the geography of production*, 2nd edition. New York: Routledge, <https://doi.org/10.1007/978-1-349-24059-3>
9. Massey, D. B. 2005, *For Space*, Los Angeles etc.: Sage Publications, 232 p.
10. Нуреев, Р. М. 2010, Россия после кризиса — эффект колеи, *Journal of Institutional Studies*, № 2, с. 7—26.
11. North, D. C. 1990, *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*, Cambridge: Cambridge University Press, 152 p., <https://doi.org/10.1017/CBO9780511808678>
12. Кузнецова, А. Л., Зверев, Ю. М. 2019, «Эффект колеи» и его использование в региональных исследованиях (на примере Калининградской области), *Региональные исследования*, № 2, с. 15—24, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2019-2-2>
13. Гуменюк, Л. Г. 2022, Функционально-временная изменчивость границы (на примере границ Калининградской области), *Региональные исследования*, № 3, с. 90—99, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2022-3-8>
14. Гимбицкий, К. К., Кузнецова, А. Л., Федоров, Г. М. 2014, Развитие экономики Калининградской области: новый этап реструктуризации, *Балтийский регион*, № 1, с. 56—71, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2014-1-4>
15. Федоров, Г. М., Зверев, Ю. М., Корнеевец, В. С. 2013, *Россия на Балтике: 1990—2012 годы* : монография, Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 252 с. EDN: SWPSQZ
16. Михеева, Н. Н. 2022, «Новые» региональные пропорции: результаты пересчета валового регионального продукта, *Проблемы прогнозирования*, № 3, с. 78—88, <https://doi.org/10.47711/0868-6351-192-78-88>
17. Кузнецова, О. В. 2023, Новые закономерности в современной динамике социально-экономического развития регионов России, *Региональные исследования*, № 1, с. 19—30, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2023-1-2>
18. Sebentsov, A. A., Zotova, M. M. 2018, The Kaliningrad region: challenges of the exclave position and the ways to offset them, *Baltic region*, vol. 10, № 1, p. 89—106, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-1-6>
19. Федоров, Г. М., Зверев, Ю. М., Корнеевец, В. С. 1996, *Российский эксклав на Балтике: Калининградская область в балтийском экономическом пространстве*, Калининград : Калинингр. ун-т. EDN: XVWGKR
20. Федоров, Г. М., Зверев, Ю. М. 2002, *Социально-экономическое и геополитическое развитие Калининградской области*, Калининград : Изд-во КГУ, 308 с.
21. Федоров, Г. М., Тарасов, И. Н. (ред.). 2020, *Калининградская область в новых координатах балтийской геополитики*, Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 300 с. EDN: CIPDAI
22. Rozhkov-Yuryevsky, Y. Yu. 2013, The historical and geographical evolution of the enclivity of the Kaliningrad region, *Baltic region*, № 2, p. 76—84, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2012-2-8>
23. Клемешев, А. П. 2005, Эксклавность как фактор развития Калининградской области, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки*, № 3, с. 34—41. EDN: HVRIDN
24. Федоров, Г. М. 2018, Оценка изменений валового регионального продукта эксклавного российского региона на Балтике (1995—2016), *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки*, № 4, с. 32—42. EDN: YRIRDN

25. Sebentsov, A., Zotova, M. 2017, Kaliningrad as a Tourism Enclave/exclave? In: Hall, D. (eds.), *Tourism and Geopolitics: Issues and Concepts from Central and Eastern Europe*, Boston: CABI, p. 191—204, <https://doi.org/10.1079/9781780647616.0191>
26. Гуменюк, И. С. 2017, Интенсивность передвижения населения через российско-польскую государственную границу после приостановки действия механизма местного приграничного передвижения: итоги 2016 года, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки*, № 2, с. 15—23. EDN: YPRVHZ
27. Gumenyuk, I., Kuznetsova, T., Osmolovskaya, L. 2016, Local border traffic as an efficient tool for developing cross-border cooperation, *Baltic region*, vol. 8, № 1, p. 76—82, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2016-1-6>
28. Sagan, I., Studzińska, D., Nowicka, K., Kolosov, V., Zotova, M., Sebentsov, A. The local border traffic zone experiment as an instrument of cross-border integration: the case of Polish—Russian borderland, *Geographia Polonica*, 2018, vol. 91, № 1, p. 95—112, <https://doi.org/10.7163/GPol.0102>
29. Федоров, Г. М., Зверев, Ю. М. 2020, *Калининградские альтернативы: 25 лет спустя*, Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2020, 315 с. EDN: JRSSAE
30. Атаев, З. А. 2018, Изолированная энергосистема Калининградской области. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, № 1, с. 101—110, <https://doi.org/10.7868/S2587556618010095>
31. Нефедова, Т. Г. 2022, Геоэкономические изменения агрокомплекса России в новых геополитических условиях, *Региональные исследования*, № 2 (76), с. 4—15, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2022-2-1>
32. Волошенко, К. Ю., Морачевская, К. А., Новикова, А. А., Лыжина, Е. А., Калиновский, Л. В. 2022, Трансформация продовольственной самообеспеченности Калининградской области в условиях внешних вызовов, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле*, № 67 (3), с. 409—430, <https://doi.org/10.21638/spbu07.2022.302>
33. Алов, И. Н., Пилясов, А. Н. 2023, Внутренние различия протекания пандемии коронавируса в Балтийском макрорегионе России, *Балтийский регион*, т.15, № 1, с. 96—119, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-1-6>
34. Землянский, Д. Ю., Чуженькова, В. А. 2023, Производственная зависимость от импорта в российской экономике: региональная проекция, *Известия АН. Сер. геогр.*, т. 87, № 5, с. 651—665.
35. Studzińska, D., Dunaj, J. 2023, Kaliningrad as an isolated zone: the impact of the war in Ukraine on the daily life of the residents of the Kaliningrad region. An introduction to the discussion, *Journal of Baltic Studies*, vol.54, № 2, p. 395—407, <https://doi.org/10.1080/01629778.2023.2197605>

Об авторах

Владимир Александрович Колосов, доктор географических наук, профессор, заместитель директора, Институт географии РАН, Россия.

E-mail: vladimirkolosov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-2817-9463>

Александр Борисович Себенцов, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Институт географии РАН, Россия.

E-mail: sebentsov@igras.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9665-5666>

THE BORDER AS A BARRIER AND AN INCENTIVE FOR THE STRUCTURAL ECONOMIC TRANSFORMATION OF THE KALININGRAD EXCLAVE

V. A. Kolosov

A. B. Sebentsov

Institute of Geography of Russian Academy of Sciences,
29 Staromonetny lane, Moscow, 119017, Russia

Received 31 July 2023

Accepted 18 September 2023

doi: 10.5922/2079-8555-2023-4-6

© Kolosov, V. A., Sebentsov, A. B. 2023

This paper aims to study how geopolitical shifts affect regional economies and their structures. Border functions and regimes act as tools for the economy and society to adapt to the redistribution of political influence, movements of people, goods, capital and information between integration associations, individual countries and their cores. A changed environment may slow down the development of some industries (and even cause them to decline) and give a boost to others, with these two processes constituting economic restructuring. In the exclave of Kaliningrad, heavily dependent on international trade and transit trade with mainland Russia, geopolitical changes have naturally had an exceptionally strong effect. The relationship between border functions and economic restructuring was investigated over four periods. The study utilised data from Rosstat and the Federal Customs Service, departmental statistics and findings from expert interviews conducted by the authors. The extent and direction of changes are assessed by examining the ratios between major economic sectors, the structure of foreign trade relations, and the volume and sectoral distribution of investments. Four main ways are identified in which the sharp increase in the barrier nature of the borders between the Kaliningrad region and neighbouring countries since 2014 and especially February 2022 has influenced the region's economy. The significance and effectiveness of the agro-industrial complex have risen, with an increased focus on domestic tourism, and the adoption of advanced public administration practices in collaboration with businesses. This includes implementing mechanisms such as Free Economic Zones and industrial parks, along with a shift towards proactive measures to adapt to the changing environment.

Keywords:

borders, adaptation mechanisms, increased barriers, impact on the restructuring of the economy, Kaliningrad region

References

1. Kolosov, V. A., Zotova, M. V. 2022, Fragmentation of political space and dynamics of the modern system of borders, *Political Science (RU)*, № 22, p. 67–89, <https://doi.org/10.31249/poln/2022.04.03>
2. Kolosov, V. A. 2022, Border studies in the contemporary world: progress of theory and main directions, *Regional Studies*, № 3, p. 23–36, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2022-3-2>
3. Vinokurov, E. Yu. 2007, *Teoriya anklavov* [Enclave theory], Kaliningrad: Terra Baltika, 342 p.
4. Zotova, M. V. 2018, The Russian-Ukrainian border in Crimea: new challenges and ways of adaptation, *Regional Studies*, № 3 (61), p. 101–108. EDN: YRSDML

To cite this article: Kolosov, V. A., Sebentsov, A. B. 2023, The border as a barrier and an incentive for the structural economic transformation of the Kaliningrad exclave, *Baltic region*, vol. 15, № 4. p. 104–123. doi: 10.5922/2079-8555-2023-4-6

5. Shvets, A. B., Volkhin, D. A. 2018, Crimea in the space of the South of Russia: priority formats and vectors of interregional interactions, *Geopolitics and Ecogeodynamics of regions*, vol. 4 (14), №4, p. 319—336. EDN: YLBVQD
6. Smeshko, O. G. 2014, Structural restructuring of the Russian economy: priorities and mechanism of regulation, *Regional problems of economic transformation*, №7, p. 6—17. EDN: SWMFLB
7. Gasanov, M. A. 2009, Technological changes impact on structural transformation of the world and Russian economies, *Tomsk State University Journal*, p. 332—339. EDN: LHQSED
8. Massey, D. B. 1995, *Spatial divisions of labor: Social structures and the geography of production*, 2nd edition. New York: Routledge, <https://doi.org/10.1007/978-1-349-24059-3>
9. Massey, D. B. 2005, *For Space*. Los Angeles etc.: Sage Publications. 232 p.
10. Nureev, R. M. 2010, Rossiya posle krizisa — effekt kolei [Russia after the crisis — the track effect], *Journal of Institutional Studies*, №2, p. 7—26.
11. North, D. C. 1990, *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*, Cambridge: Cambridge University Press, 152 p., <https://doi.org/10.1017/CBO9780511808678>
12. Kuznetsova, A. L., Zverev, Yu. M. 2019, The “path dependence effect” and its application for regional studies (case of Kaliningrad oblast), *Regional Studies*, №2, p. 15—24, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2019-2-2>
13. Gumenyuk, L. G. 2022, Functional-time variability of the boundary (case of Kaliningrad oblast borders), *Regional Studies*, №3, p. 90—99, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2022-3-8>
14. Gimbitsky, K. K., Kuznetsova, A. A., Fedorov, G. G. 2014, The development of Kaliningrad regional economy: a new stage of restructuring, *Baltic region*, №1, p. 56—71, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2014-1-4>
15. Fedorov, G. M., Zverev, Yu. M., Korneevets, V. S. 2013, *Rossiya na Baltike: 1990—2012 gody: monografiya* [Russia in the Baltic: 1990—2012 : monograph], Kaliningrad, 252 p. EDN: SWPSQZ
16. Mikheeva, N. N. 2022, “New” regional proportions: results of calculating gross regional product], *Studies on Russian Economic Development*, vol. 33, №3, p. 293—300, <https://doi.org/10.1134/s1075700722030108>
17. Kuznetsova, O. V. 2023, New patterns of modern socio-economic development of Russian regions, *Regional Studies*, №1, p. 19—30, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2023-1-2>
18. Sebentsov, A. A., Zotova, M. M. 2018, The Kaliningrad region: challenges of the exclave position and the ways to offset them, *Baltic region*, vol. 10, №1, p. 89—106, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-1-6>
19. Fedorov, G. M., Zverev, Yu. M., Korneevets, V. S. 1996, *Rossiiskii eksklav na Baltike: Kaliningradskaya oblast' v baltiiskom ekonomicheskom prostranstve* [Russian exclave in the Baltic: Kaliningrad region in the Baltic Economic Space], Kaliningrad : Kaliningr. un-t. EDN: XVWGKR
20. Fedorov, G. M., Zverev, Yu. M. 2002, *Sotsial'no-ekonomicheskoe i geopoliticheskoe razvitiye Kaliningradskoi oblasti* [Socio-economic and geopolitical development of the Kaliningrad region], Kaliningrad : KSU Publishing House, 308 p.
21. Fedorov, G. M., Tarasov, I. N. (eds.). 2020, *Kaliningradskaya oblast' v novykh koordinatakh baltiiskoi geopolitiki* [Kaliningrad region in the new coordinates of Baltic geopolitics], Kaliningrad : Publishing House of the I. Kant BFU, 300 p. EDN: CIPDAI
22. Klemeshev, A. P. 2005, Exclave as a factor of Kaliningrad region development, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and Social sciences*, №3, p. 34—41. EDN: HVRIDN
23. Rozhkov-Yuryevsky, Yu. D., 2013. The historical and geographical evolution of the enclavity of the Kaliningrad region, *Baltic region*, №2, p. 76—84, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2012-2-8>.
24. Fedorov, G. M. 2018, Assessment of changes in the gross regional product of the exclave Russian region in the Baltic (1995—2016), *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and Social sciences*, №4, p. 32—42. EDN: YRIRDN
25. Sebentsov, A., Zotova, M. 2017, Kaliningrad as a Tourism Enclave/exclave? In: Hall, D. (eds.), *Tourism and Geopolitics: Issues and Concepts from Central and Eastern Europe*, Boston: CABl, p. 191—204, <https://doi.org/10.1079/9781780647616.0191>

26. Gumenyuk, I. S. 2017, The intensity of population movements through the Russian—Polish border after the suspension of the local border traffic mechanism: 2016 outcomes, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Natural and Medical Sciences*, № 2, p. 15—23. EDN: YPRVHZ
27. Gumenyuk, I., Kuznetsova, T., Osmolovskaya, L. 2016, Local border traffic as an efficient tool for developing cross-border cooperation, *Baltic region*, vol. 8, № 1, p. 76—82, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2016-1-6>
28. Sagan, I., Studzińska, D., Nowicka, K., Kolosov, V., Zotova, M., Sebentsov, A. The local border traffic zone experiment as an instrument of cross-border integration: the case of Polish—Russian borderland, *Geographia Polonica*, 2018, vol. 91, № 1, p. 95—112, <https://doi.org/10.7163/GPol.0102>
29. Fedorov, G. M., Zverev, Yu. M. 2020, *Kaliningradskie al'ternativy: 25 let spustya* [Kaliningrad alternatives: 25 years later], Kaliningrad : Publishing House of the I. Kant BFU, 2020, 315 p. EDN: JRSSAE
30. Ataev, Z. A. 2018, Isolated energy system of the Kaliningrad region, *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, № 1, p. 101—110, <https://doi.org/10.7868/S2587556618010095>
31. Nefedova, T. G. 2022, Geo-economic changes in agro-complex of Russia under the new geopolitical realities, *Regional studies*, № 2 (76), p. 4—15, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2022-2-1>
32. Voloshenko, K. Yu., Morachevskaya, K. A., Novikova, A. A., Lyzhina, E. A., Kalinovsky, L. V. 2022, Transformation of food self-sufficiency of Kaliningrad oblast in the face of external challenges, *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*, vol. 67, № 3, p. 409—430, <https://doi.org/10.21638/spbu07.2022.302>
33. Alov, I. N., Pilyasov, A. N. 2023, The spread of the COVID-19 infection in Russia's Baltic macro-region: internal differences, *Baltic region*, vol. 15, № 1, p. 96—119, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-1-6>
34. Zemlyanskii, D. Yu., Chuzhen'kova, V. A. 2023, Production dependence on imports in the Russian economy: regional projection, *Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Geographical series*, № 5, p. 651—665.
35. Studzińska, D., Dunaj, J. 2023, Kaliningrad as an isolated zone: the impact of the war in Ukraine on the daily life of the residents of the Kaliningrad region. An introduction to the discussion, *Journal of Baltic Studies*, vol. 54, № 2, p. 395—407, <https://doi.org/10.1080/01629778.2023.2197605>

The authors

Prof Vladimir A. Kolosov, Deputy Director, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: vladimirkolossov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-2817-9463>

Dr Alexander B. Sebentsov, Senior Researcher, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: sebentsov@igras.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9665-5666>

РАЗВИТИЕ ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: ЭТАПЫ, ВЛИЯНИЕ РЕСТРИКЦИЙ, ПРИОРИТЕТЫ

Л. Г. Гуменюк

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию 14.09.2023 г.

Принята к публикации 06.11.2023 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2023-4-7

© Гуменюк Л. Г., 2023

Калининградская область относится к развитым в социально-экономическом отношении регионам с растущей численностью населения. Видную роль в экономике региона играют обрабатывающие производства, развитию которых способствуют географическое положение области на побережье Балтики и режим Особой экономической зоны. Затрудняет развитие эксклавно́сть, обуславливающая зависимость экономики от внешних факторов, изменения которых ведут к реструктуризации обрабатывающих производств. Произошедшее по инициативе недружественных стран свертывание прежних внешнеэкономических и социальных связей, трансграничного сотрудничества, введение уже 11 пакетов рестрикций в большей мере влияет на развитие экономики в области, чем во внутренних регионах страны. Сильно затруднены транспортные перевозки между областью и основной частью страны. Отдельные обрабатывающие производства лишились поставок из-за рубежа необходимых полуфабрикатов, ограничен экспорт ряда производимых в области товаров и транзит через территории Прибалтийских стран. Целью статьи является оценка влияния рестрикций на развитие обрабатывающих производств области и обоснование необходимой реструктуризации промышленной специализации и изменений географии внешних связей в пользу дружественных стран и российских регионов в усложнившихся внешних условиях развития. Предлагается усилить специализацию на производствах с собственной сырьевой базой (пищевая, янтарная промышленность), развивать межрегиональную кооперацию и стимулировать создание многоотраслевого пространственно распределенного кластера Санкт-Петербург — Ленинградская область — Калининградская область. Обоснованные в ходе исследования предложения должны способствовать обеспечению устойчивого (динамичного и пропорционального) развития региона.

Ключевые слова:

Калининградская область, обрабатывающие производства, антироссийские рестрикции, внешние связи, реструктуризация экономики

Введение

Калининградская область относится к развитым в социально-экономическом отношении субъектам РФ с существенным значением обрабатывающих производств. Их развитию способствовал режим Особой экономической зоны (ОЭЗ 1996 г., 2006 г.). Положительным фактором является положение области на побережье Бал-

Для цитирования: Гуменюк Л. Г. Развитие обрабатывающей промышленности Калининградской области: этапы, влияние рестрикций, приоритеты // Балтийский регион. 2023. Т. 15, №4. С. 124–141.
doi: 10.5922/2079-8555-2023-4-7

тики. Затрудняет развитие эксклавность, обуславливающая повышенную зависимость экономики от внешних факторов. Изменения геоэкономической ситуации на Балтике объясняют неоднократную реструктуризацию обрабатывающих производств области. Неоднозначное влияние оказывает непосредственное соседство со странами ЕС, с которыми до начала их рестрикционной войны против России существовали активные внешнеэкономические, образовательные, научные и иные социальные связи, развивалось трансграничное сотрудничество. В обрабатывающей промышленности области действовали многочисленные совместные и зарубежные предприятия с поставками продукции на российский и зарубежный рынки. В то же время развитие местных производств часто затруднялось конкуренцией со стороны дешевого импорта из соседних стран.

Начиная с 2014 г., когда недружественные страны стали вводить рестрикции (незаконные санкции) против России, внешние условия развития экономики области, особенно обрабатывающей промышленности, вновь кардинально меняются. Цель статьи — выявить влияние рестрикций на развитие обрабатывающих производств области, оценить степень устойчивости промышленных предприятий к негативным внешним воздействиям и обосновать необходимую их отраслевую реструктуризацию и изменение географии внешних связей. Для этого использованы анализ литературных источников и обработка экономико-статистическими методами статистических данных о динамике производства продукции в разрезе производств в 2022 г. и первой половине 2023 г.

Трансформация стратегических направлений развития Калининградской области с начала 1990-х годов

В связи с почти полным прекращением в 1990-е гг. деятельности обрабатывающих производств происходил поиск рациональной специализации региона в изменившейся внешней среде. Не только рассматривались, но и в 2014 г. были включены в Государственную программу Калининградской области «Развитие промышленности и предпринимательства» задачи формирования янтарного кластера¹. Обосновывался курс на взаимовыгодное сотрудничество на Балтике в изменившихся после распада СССР геополитических условиях. Были опубликованы работы калининградских ученых, разрабатывавших теорию трансграничных регионов и участвовавших в их внедрении в хозяйственную практику [1; 2].

Развитию взаимных связей уделялось значительное внимание и западными исследователями [3; 4]. В книге «Калининград в Европе», выпущенной по инициативе Совета Европы, проблемы сотрудничества обсуждают в своих статьях российские и польские ученые [5]. Правда, зачастую при разработке предложений к региональным стратегиям они предлагали неприемлемые направления, связанные с обособлением Калининградской области от остальной страны, управлением ее развитием международным консорциумом и др. В одной из статей, с одной стороны, говорится об участии области в нескольких сетях европейского сотрудничества, с другой — без всякого обоснования утверждается о возможности области стать инструментом угроз для других государств Балтийского региона (см. подробный анализ: [6]).

Трансграничные связи активно изучали польские эксперты. Гданьский профессор Т. Пальмовский обосновал формирование биполярной социально-экономической системы «Трехградье (Гданьск — Гдыня — Сопот) — Калининград

¹ Постановление Правительства Калининградской области от 25 марта 2014 г. О Государственной программе Калининградской области «Развитие промышленности и предпринимательства», 2022, *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов*, URL: <https://docs.cntd.ru/document/460293912> (дата обращения: 11.08.2023).

[7]. Эксперты McKinsey, международной компании в сфере стратегического планирования, предложили стратегию развития, основанную на развитии туризма¹. Предложения по развитию интеграционных процессов на Балтике обосновывал финский профессор У. Кивикари [8]. Ряд экспертов обращал внимание на проблемы, которые могут возникнуть у региона во взаимоотношениях России и других стран [9; 10].

В 1990-е гг. и в самом начале 2000-х гг. активно обсуждались возможные направления развития области и в России, и за рубежом. В качестве одного из перспективных вариантов рассматривалась идея ее развития как «региона сотрудничества» [11]. Действовавшая в начале 2000-х гг. стратегия развития области даже получила соответствующее название — «Стратегия развития Калининградской области как региона сотрудничества»². Но постепенно стало ясно, что из-за изменившихся внешних факторов развития после вступления Прибалтийских стран в 2004 г. в НАТО и ЕС реализовать такую стратегию не удастся, и в региональную стратегию были внесены необходимые изменения³. Российские эксперты стали изучать проблемы экономической безопасности российского эксклавного региона на Балтике. Государство стало осуществлять меры по самообеспечению области природным газом, электроэнергией, продовольствием [12].

После начавшегося в 2014 г. введения странами ЕС антироссийских санкций российско-(западно)европейская торговля свертывается (в физическом выражении; в стоимостном в 2022 г. из-за роста стоимости на мировом рынке российских экспортных товаров объемы торговли, по сообщению агентства РИА Новости на основе данных Евростата, даже увеличились на 2,3 %⁴). Балтийские регионы РФ, рассматривавшиеся как «окно в Европу», стали утрачивать соответствующие функции [13].

Основное внимание в публикациях западных авторов стало уделяться не экономике, а геополитическому значению Калининградской области, социально-экономической ситуации в регионе и отношениям с соседями в сложившейся в 2022 — 2023 гг. ситуации. Области уделяется внимание в публикациях даже в таких отдаленных странах, как США и Австралия⁵ [14].

¹ Эксперты McKinsey: в Калининграде нужно построить океанариум, 23.11.2012, *Комсомольская правда*, URL: <https://www.kaliningrad.kp.ru/online/news/1303220/> (дата обращения: 11.08.2023).

² Постановление Администрации Калининградской области от 15 июля 2003 г. № 392 «О Стратегии социально-экономического развития Калининградской области как региона сотрудничества на период до 2010 года», *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов*, URL: <https://docs.cntd.ru/document/469726126?marker> (дата обращения: 10.07.2023).

³ Постановление Правительства Калининградской области от 9 марта 2007 г., № 95 «О Стратегии социально-экономического развития Калининградской области на средне- и долгосрочную перспективу», *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов*, URL: <https://docs.cntd.ru/document/469731701> (дата обращения: 10.07.2023) ; Постановление Правительства Калининградской области от 2 августа 2012 года № 583 «О Стратегии социально-экономического развития Калининградской области на долгосрочную перспективу», *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов*, URL: <https://docs.cntd.ru/document/469728648> (дата обращения: 10.07.2023).

⁴ Товарооборот между Россией и ЕС оказался максимальным за восемь лет, 07.03.2023, *РБК*, URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/6406ceed9a7947b3912b3c98> (дата обращения: 04.09.2023).

⁵ Kaliningrad, Russia's Westernmost Outpost, Is Again a Flash Point in East-West Relations, 22.06.2022, *The New York Times*, URL: <https://www.nytimes.com/2022/06/22/world/europe/kaliningrad-russia-lithuania.html> (дата обращения: 07.09.2023).

Калининграду был посвящен весь выпуск издаваемого в Финляндии журнала «Baltic Rim Economies» №3 за 2022 г. с публикациями как зарубежных, так и российских авторов. Наибольшее внимание привлекают проблемы калининградского транзита через Литву и в целом обеспечения транспортного сообщения с основной частью России [15; 16].

Много пишется о необходимости военного противостояния Калининграду как якобы милитаризованной территории, угрожающей странам НАТО [17; 18]. Рассматриваются предполагаемые изменения социального самочувствия калининградцев [19].

В изменившихся внешних условиях хозяйствующие субъекты с развитыми внешнеэкономическими связями стали испытывать трудности не только в развитии, но и часто даже в обеспечении своего функционирования. Ряд работ российских авторов касается проблем функционирования обрабатывающих производств области, в том числе дается оценка перспективных, по мнению авторов, производств.

Так, А.Л. Кузнецова обращает внимание на низкий уровень добавленной стоимости у предприятий частичного импортозамещения, созданных с использованием таможенных льгот ОЭЗ (1996). Отмечаются большие бюджетные расходы на покрытие сумм таможенных платежей после 2016 г., когда режим 2006 г. перестал действовать [20]. Речь идет о необходимости повышения нормы добавленной стоимости на таких предприятиях.

В.В. Ивченко отметил возможность использования морского транспорта для кооперации предприятий области с Санкт-Петербургом [20].

Ряд ученых обосновывает восстановление мощного рыбопромышленного комплекса [22].

Особое внимание обращается на необходимость более активного применения новых технологий, повышение инновационности производства и формирование территориально-производственных инновационных кластеров [23; 24].

Губернатор области А.А. Алиханов в своем ежегодном послании помимо других задач отметил необходимость активизации перестройки внешних связей на сотрудничество с Белоруссией и другими странами СНГ, Южной и Центральной Азии¹.

К отраслевым приоритетам обрабатывающих производств, названным в Стратегии социально-экономического развития области, отнесены:

- сектор информационных технологий;
- машиностроение, прежде всего автомобилестроение и судостроение;
- янтарно-ювелирный кластер;
- рыбопромышленный комплекс;
- развитие пищевой переработки².

¹ Послание губернатора Антона Алиханова об основных направлениях своей деятельности и деятельности правительства Калининградской области на период 2023—2027 годов, 07.09.2023. *Правительство Калининградской области*, URL: <https://gov39.ru/poslanie/poslanie2023-2027/> (дата обращения: 30.08.2023).

² Стратегия социально-экономического развития Калининградской области, *Правительство Калининградской области*, URL: <https://gov39.ru/working/ekonomy/strategy/> (дата обращения: 30.08.2023).

Помимо перечисленных производств эксперты называют производство лекарственных средств¹, а в Стратегии пространственного развития РФ к числу перспективных отнесены 13 производств².

Ниже более подробно рассматривается ситуация в Калининградской области, в том числе в 2022—2023 гг., обсуждаются возможные направления развития экономики в сложившихся и меняющихся внешних условиях.

Этапы развития обрабатывающих производств в 1991—2023 годах

К началу 2020-х гг. Калининградская область стала занимать заметное место в обрабатывающей промышленности страны. Предприятиями региона в 2021 г. было произведено 1,2 % продукции обрабатывающих производств Российской Федерации (удельный вес области в численности населения страны составляет 0,7 %). По объему выпуска продукции и удельному весу в РФ существенно превышает показатель 1991 г. Однако достижению нынешнего уровня производства предшествовал его резкий спад в 1990-е гг., гораздо более глубокий, чем в среднем по РФ. В 1998 г. обрабатывающие производства произвели только 11 % продукции по сравнению с 1991 г. (рис. 1). Прежняя промышленная специализация области на рыбной, целлюлозно-бумажной и машиностроительной промышленности была утрачена.

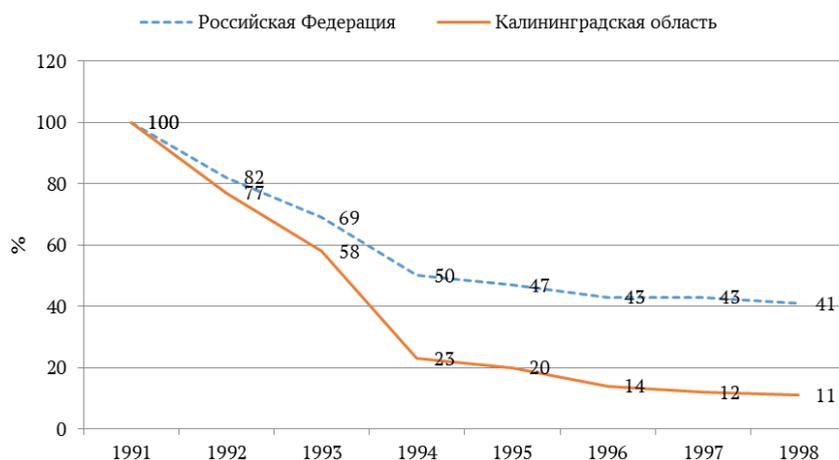

Рис. 1. Индексы производства обрабатывающей промышленности, 1991—1998 гг., % к 1991 г.

Составлено на основе данных: Индекс производства (процент, значение показателя за год), *ЕМИСС*, URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43047> (дата обращения: 02.08.2023).

¹ Глава Минпромторга назвал 6 приоритетных для области промышленных направлений, 15.11.2017, *Новый Калининград*, URL: <https://www.newkaliningrad.ru/news/briefs/community/15841325-glava-minopromtorga-regiona-nazval-6-prioritetov-v-razvitii-kaliningradskoy-promyshlennosti.html> (дата обращения: 30.08.2023).

² Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р, *Министерство экономического развития РФ*, URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/rasporyazhenie_ot_13_fevralya_2019_g_207_r.html (дата обращения: 07.08.2023).

С 1999 г., после дефолта, стало сказываться влияние закона об ОЭЗ (1996), предоставившего таможенные льготы резидентам зоны. Это способствовало приходу новых инвесторов, и обрабатывающие производства начали развиваться темпами выше средних по стране (рис. 2). Но по сравнению с советским периодом ведущими стали другие отрасли: сборочные производства (сборка автомобилей, телевизоров, компьютеров, бытовой техники) и пищевая промышленность. Сырье и полуфабрикаты для их предприятий стали поступать преимущественно из-за рубежа, а готовая продукция в основном направлялась в другие регионы страны, частично — на региональный рынок и на экспорт.

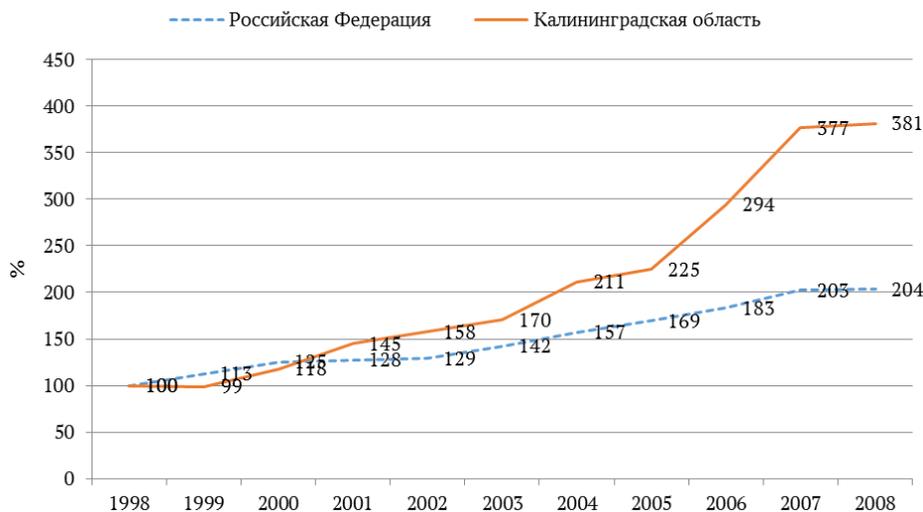

Рис. 2. Индексы производства обрабатывающей промышленности, 1998—2008 гг., % к 1998 г.

Составлено на основе данных: Индекс производства (процент, значение показателя за год), ЕМИСС, URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43047> (дата обращения: 02.08.2023).

В 2006 г. был принят новый закон об ОЭЗ, стимулирующий развитие производства путем не таможенных, а налоговых льгот. Но его эффект был нарушен мировым экономическим кризисом, начавшимся в 2008 г. Но уже с 2010 г. начался устойчивый рост производства, стали возникать и новые предприятия, созданию которых способствовали налоговые зоны ОЭЗ (рис. 3). Обрабатывающие производства стали выпускать продукции в расчете на 1 занятого и на душу населения существенно больше, чем в среднем по стране. По объемам производства к 2014 г. уровень 1991 г. был существенно превышен.

Рестрикции недружественных стран влияют на развитие экономики области сильнее, чем во внутренних регионах страны (рис. 4). С их введением в 2014 г. и последующим нарастанием международные связи с соседями по Балтийскому региону по их инициативе стали свертываться. После введения ЕС 11 пакетов рестрикции запрещен ввоз в Россию многих сотен наименований товаров, якобы имеющих военное значение, но часто касающихся потребительского рынка. Запрещены авиаперелеты над территорией стран ЕС и введены большие ограничения на транзитные перевозки сухопутным транспортом. Все больше грузовых перевозок с основной частью страны осуществляется морским транспортом, а основная часть пассажирских перевозок — авиационным транспортом в обход стран Прибалтики,

над акваторией Балтийского моря. Происходит усиление связей с партнерами из дружественных стран и особенно с другими российскими регионами, среди которых большую роль играют Санкт-Петербург и Ленинградская область — через них осуществляется теперь значительная часть грузовых и основная — пассажирских перевозок в другие регионы РФ.

Рис. 3. Индексы производства обрабатывающей промышленности, 2008—2014 гг., % к 2008 г.

Составлено на основе данных: Индекс производства (процент, значение показателя за год), *ЕМИСС*, URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43047> (дата обращения: 02.08.2023).

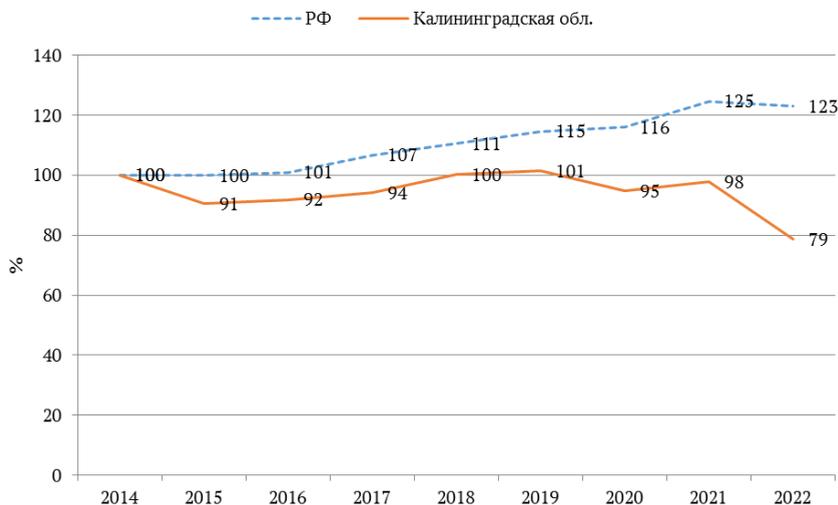

Рис. 4. Индексы производства обрабатывающей промышленности, 2014—2022 гг., % к 2014 г.

Составлено на основе данных: Индекс производства (оперативные данные) (ОКВЭД2) (процент, крупные, средние и малые организации), *ЕМИСС*, URL: <https://fedstat.ru/indicator/57806> (дата обращения: 06.08.2023).

Ситуация в 2022—2023 годах

Несмотря на стагнацию в обрабатывающих производствах области в 2014—2021 гг., объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами в расчете на 1 занятого в 2021 г. превысил 10 млн руб., что в 1,6 раза больше соответствующего показателя в РФ¹.

В 2022—2023 гг. российская экономика развивалась под воздействием все более жестких рестрикций. После введения Евросоюзом 21 июня 2023 г. 11-го пакета, они, по нашим подсчетам, включают 1124 наименования товаров на уровне детализации от 2 до 8 знаков по Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности. Под них подпадает 78 % импорта и 16 % экспорта обрабатывающих производств Калининградской области при объемах и структуре товарооборота 2021 г.².

В список, например, включены³:

«<...>

Инструменты музыкальные ударные (например, барабаны, ксилофоны, тарелки, кастаньеты, маракасы).

Мечи, сабли, шпаги, палаши, штыки, пики и аналогичное оружие, части перечисленного оружия, ножны и чехлы к нему.

Неэлектрические лампы и осветительное оборудование.

Части ламп и осветительного оборудования из стекла.

Изделия и принадлежности для всех разновидностей бильярда.

Игры прочие, приводимые в действие при помощи монеты или жетона, кроме оборудования кегельбанов.

Карты игральные.

Консоли для видеоигр и оборудование для видеоигр.

Прочие товары для развлечений, настольные или комнатные игры.

Лыжи, крепления для лыж.

Прочие лыжи и прочий инвентарь для занятий лыжным спортом.

Доски для виндсерфинга.

Прочие лыжи водные и инвентарь для занятий водными видами спорта.

Ключки, комплекты.

Мячи для гольфа».

То есть речь идет о товарах широкого потребления, которые в ходе военной операции применяться не могут, но прекращение их поставок создаст определенные (хотя и временные) неудобства гражданскому населению.

В 2022—2023 гг. в связи с антироссийскими санкциями недружественных стран сократилось обслуживание Калининградской областью, как и другими балтийскими субъектами РФ, внешнеторговых связей. Особенно снизился товарооборот со странами Балтийского региона, которые долгое время были главными торговыми партнерами. Пострадали обрабатывающие производства, которых коснулось запре-

¹ Рассчитано на основе данных: Калининградская область в цифрах. 2022. Стат. сборник : в 2 т. Калининград : Калининградстат, 2022. Т. 2. 202 с. ; Российский стат. ежегодник. 2022. М. : Росстат, 2022. 691 с. ; Среднегодовая численность занятых в экономике с 2017 г., ЕМИСС, URL: <https://fedstat.ru/indicator/58994> (дата обращения: 30.08.2023).

² Данные получены канд. геогр. наук А.Н. Новиковой при реализации сотрудниками ИГРИ БФУ им. И. Канта Госзадания «Анализ проблем обеспечения национальной безопасности России на калининградском направлении в условиях современной геополитической ситуации» (2023).

³ Ограничения ЕС, США, Великобритании, Японии, Швейцарии, Канады и Австралии на импортные и экспортные операции с Россией, 2023, *Альфа-Софт*, URL: https://www.alta.ru/tnved/forbidden_codes/ (дата обращения: 12.09.2023).

щение или ограничение экспорта многих товаров и импорта западной высокотехнологичной (и части иной) продукции. Калининградскую область сильно затронули ограничения на транзит грузов через Литву, что потребовало организовать более дорогостоящее морское сообщение между портами Калининградской и Ленинградской областей. Запрет авиаперевозок через воздушное пространство стран Балтии заставил организовать авиационные маршруты из Калининграда в другие регионы страны через нейтральные воды Балтийского моря.

Санкционные ограничения сильно сказались на развитии всех обрабатывающих производств, использующих импортное сырье и/или полуфабрикаты из недружественных стран. Структура их производства в Калининградской области объясняет особенно большую зависимость от экспортно-импортных связей и требует, как и сами эти связи, особенно сильной реструктуризации — развития производств, основанных российском (в том числе местном) сырье и полуфабрикатах или поставках из дружественных стран. Особенно высокими темпами роста в 2017—2021 гг. выделялись две ведущие отрасли — пищевая (прежде всего маслодельная и молочная) и автосборочная, а также химическая, пластмассовая и бумажная¹.

В таблице 1 показаны наиболее значительные по объему импорта области в 2021 г. товарные группы. Их структура объясняет изменения в динамике обрабатывающих производств в 2022 г. — первой половине 2023 г.

Таблица 1

**Важнейшие (по стоимости) объекты импорта
Калининградской области и страны-экспортеры, 2021 г.**

Наименование товара	Доля в импорте области, %	Страна-экспортер
Средства наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава	30,4	Южная Корея, Словакия, Германия
Соевые бобы	14,3	Бразилия, Парагвай, Аргентина
Электрические машины и оборудования, звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура, аппаратура для записи и воспроизведения телевизионного изображения и звука	7,5	Китай, Южная Корея, США, Германия
Оборудование и механические устройства	7,4	Южная Корея, Германия, Словакия
Мясо и мясопродукты	3,2	Бразилия, Парагвай
Мебель	2,5	Южная Корея, США, Словакия
Черные металлы	2,0	Китай, Литва, Германия, Украина
Рыба и рыбопродукты	1,3	Вьетнам, Таиланд
Инструменты и аппараты оптические, фотографические, кинематографические, измерительные, контрольные, прецизионные, медицинские или хирургические	1,2	Южная Корея, Германия, Китай
Суда, лодки и плавучие конструкции	1,1	Китай, Нидерланды

Составлено на основе данных: Общие итоги внешней торговли. Калининградская область. Январь — декабрь 4 квартал 2021 г., *Калининградская областная таможня*, URL: <https://kobl.t.customs.gov.ru/statistic/vneshnyaya-torgovlya-kaliningradskoj-oblasti/2021-god> (дата обращения: 11.02.2023).

¹ Рассчитано на основе данных: Промышленное производство в Калининградской области. Калининград : Калининградстат, 2022. 53 с.

Два ведущих производства обрабатывающей промышленности — пищевое и автосборочное — показали в 2022 г. — первой половине 2023 г. разную степень устойчивости к рестрициям. Занимавшая среди обрабатывающих производств первое место по объемам выпущенных товаров собственного производства автосборка (44 % объема выпущенных товаров собственного производства и 12,7 % автопроизводства в России¹) снизила объемы производства больше всех других отраслей. Сказалось использование узлов и деталей, полностью поступавших из недружественных стран. Достигнуты договоренности по замене прежних поставщиков на партнеров из Китая, и уже начата сборка автомобилей китайских марок², однако этот требуется времени для налаживания массового производства.

Вместе с тем возросло производство пищевых продуктов — второе по объемам выпуска продукции в 2021 г. отрасли (35 % объема) и первое — по численности занятых (29 %). Оно включает маслобойное, мясное, рыбное, молочное, хлебобулочное и др. производства. Наиболее крупное из них — маслобойное производство — представлено Группой компаний «Содружество», производящей растительные масла и шрот — кормовые добавки для животных. Основное сырье — соевые бобы — поступает из Южной Америки (табл. 2).

Таблица 2

Обрабатывающие производства в 2021 – 2023 гг.

Производство	Калининградская область			РФ	
	А	Б	В	Б	В
<i>Всего</i>	1,2	80,5	88,6	98,7	106,2
Пищевые продукты	3,0	106,8	97,9	100,4	105,3
Напитки	0,6	84,1	125,7	103,1	102
Табачные изделия	1,4	91,1	81,4	92,9	103,7
Текстильные изделия	0,9	66,8	70,7	91,7	99,1
Одежда	0,3	86,8	76,2	102,1	105,9
Кожа и изделие из кожи	0,4	77,7	91,3	98,3	111,7
Обработка древесины	0,2	92,2	90,6	87,5	90,2
Бумага и бумажные изделия	0,7	67,3	94,6	100	97,5
Деятельность полиграфическая	0,3	93,4	74,7	107,8	93,6
<i>Химические вещества</i>	0,4	93,1	118,9	96,2	102,1
Лекарственные средства	...	106,4	64,8	108,6	92,7
Резиновые и пластмассовые изделия	0,4	108,9	101	99,2	106,1
Прочей неметаллической минеральной продукции	0,5	106,6	112,8	99,8	100,1
Металлургическое	0,1	84,9	93,5	99,2	104,9
Готовые металлоизделия, кроме машин и оборудования	0,4	96,5	99,8	107	129,7
Компьютеры, электронные и оптические изделия	1,3	63,2	129	101,7	130,4
Электрическое оборудование	0,1	79,2	64,4	96,3	122,0
Машины и оборудование, не включенные в другие группировки	0,2	67,8	97,2	101,9	104,7
Автотранспортные средства, прицепы и полуприцепы	12,7	31,6	12,6	55,3	89,3

¹ Калининградская область в цифрах. 2022. Калининград, 2022. Т. 2. С. 61.

² «Автотор» начал сборку второй марки китайских автомобилей, 04.04.2023, *Ведомости*, URL: <https://www.vedomosti.ru/auto/articles/2023/04/04/969431-avtotor-vtoroi-kitaiskih> (дата обращения: 24.08.2023).

Окончание табл. 2

Производство	Калининградская область			РФ	
	А	Б	В	Б	В
Прочие транспортные средства и оборудование	0,1	88	67,3	95,8	122,1
Мебель	3,0	56,1	49,3	97,4	114,5
Производство прочих готовых изделий	0,5	110	109,2	97,5	100,1
Ремонт и монтаж машин и оборудования	0,5	87,8	76,5	95,2	99,7
Доля в численности населения РФ, %	0,7	—	—	—	—

Примечание: А — объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами (производство), % к РФ, 2021 г.; Б — производство в 2022 г., % к 2021 г.; В — производство в январе — июне 2023 г., % к январю — июню 2022 г.

Жирным шрифтом выделены показатели, в графе А превышающие долю региона в численности населения; в графах Б и В — равные 100 % и выше, в графе «Производство» — равные 100 и более в оба периода (2022 г., январь — июнь 2023 г.); курсивом в графе «Производство» обозначены производства с индексами 100 и более в один их периодов (2022 г., январь — июнь 2023 г.).

Составлено на основе данных: Индекс производства, *ЕМИСС*, URL: <https://fedstat.ru/indicator/57807> (дата обращения: 06.08.2023); Калининградская область в цифрах. 2022. Стат. сборник : в 2 т. Калининград : Калининградстат, 2022. Т. 2. 202 с. ; Калининградская область в цифрах. 2023: Краткий стат. сборник. Калининград : Калининградстат, 2023. 138 с. ; Российский стат. ежегодник. 2022. М. : Росстат, 2022. 691 с. ; Среднегодовая численность занятых в экономике с 2017 г., *ЕМИСС*, URL: <https://fedstat.ru/indicator/58994> (дата обращения: 30.08.2023).

Сравнивая два крупнейших предприятия области, можно согласиться с мнением профессора Л. Б. Вардомского, что у АО «Автотор» (лидера автосборочного производства области) перспективы более неопределенные по сравнению с ГК «Содружество», «опирающейся в своем развитии на спрос как внутреннего, так и внешних рынков, а также способность организовывать глобальные цепочки стоимости» [25, с. 41]. И главное — это то, что сырье для ГК «Содружество» поступает из дружественных стран, а узлы и детали для АО «Автотор» поставлялись из стран недружественных, которые прекратили поставки.

Весьма значительный спад произошел в производстве мебели, электрического оборудования. Резко снизившееся в 2022 г. производство компьютеров, электронных и оптических изделий (3 % объема производства в 2021 г., третье место) стало восстанавливаться в первой половине 2023 г. Спад в производстве мебели (зависящем как от импортных, так и от экспортных поставок) продолжился и в 2023 г. (табл. 2).

Доля производств в общей численности занятых в экономике, видимо, более адекватно отражает структуру промышленности по сравнению с объемом отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами. По сравнению с последним показателем более адекватным показателем было бы распределение по доле произведенной добавленной стоимости, но автор такими данными не располагает. В автотранспортном производстве занято менее 5 % всех работников — намного меньше, чем не только в пищевой промышленности (28 %), но и в ряде других производств (табл. 3).

Таблица 3

**Численность занятых в обрабатывающих
производствах Калининградской области в сравнении с РФ**

Производство	Калининградская область			РФ	
	А	Б	В	Б	В
Обрабатывающие производства	0,72	100,0	104,3	100,0	100,3
Производство пищевых продуктов	1,17	29,3	101,8	17,9	102,1
Производство напитков	0,5	1,1	117,7	1,6	110,2
Производство табачных изделий	5,94	0,7	97,8	0,1	103,6
Производство текстильных изделий	0,96	2,2	100,8	1,6	93,3
Производство одежды	0,51	2,9	96,3	4,0	100,7
Производство кожи и изделий из кожи	0,47	0,5	125,3	0,8	103,6
Обработка древесины	0,52	4,4	140,7	6,1	101,0
Производство бумаги и бумажных изделий	0,95	2,2	105,7	1,7	94,6
Деятельность полиграфическая	0,51	1,2	111,9	1,7	92,3
Производство химических веществ	0,28	1,7	112,1	4,3	102,6
Производство лекарственных средств	0,41	0,6	140,0	1,1	97,5
Производство резиновых и пластмассовых изделий	0,53	2,7	95,8	3,6	100,6
Производство прочей неметаллической минеральной продукции	0,68	5,1	92,4	5,4	100,1
Производство металлургическое	0,12	1,0	108,6	5,8	100,1
Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	0,49	6,2	108,8	9,1	99,4
Производство компьютеров, электронных и оптических изделий	0,59	3,7	99,5	4,5	102,4
Производство электрического оборудования	0,29	1,2	119,9	3,1	93,2
Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки	0,45	3,4	101,2	5,3	95,0
Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов	0,83	4,8	99,0	4,1	98,2
Производство прочих транспортных средств и оборудования	0,84	7,5	100,3	6,4	98,5
Производство мебели	1,48	7,7	106,0	3,7	103,6
Производство прочих готовых изделий	1,73	3,0	104,6	1,2	112,4
Ремонт и монтаж машин и оборудования	0,93	6,9	96,9	5,3	101,4

Примечание: А — доля в численности занятых в соответствующем обрабатывающем производстве в РФ, 2021 г.; Б — удельный вес производств в численности занятых в обрабатывающей промышленности, 2021 г.; В — численность занятых в 2022 г., % к 2021 г.

Жирным шрифтом выделены показатели: графа А — в Калининградской области, превышающие долю области в численности населения РФ (0,70 % в среднем за 2021 г.); графа Б в Калининградской области, превышающие показатель графы Б в РФ; графа В — 100 % и выше.

Составлено на основе данных: Среднегодовая численность занятых в экономике с 2017 г. (человек, значение показателя за год), *ЕМИСС*, URL: <https://fedstat.ru/indicator/58994> (дата обращения: 04.08.2023).

Численность занятых в целом по виду деятельности «Обрабатывающие производства» и в большинстве производств Калининградской области в 2022 г. возросла, причем больше, чем в РФ в целом (табл. 3). В остальных производствах она сократилась, но немного, на 1—4 % (кроме производства прочей неметаллической минеральной продукции, где сокращение составило 8 %). Даже в автосборочном производстве занятость снизилась только на 1 %, в том числе благодаря бюджетно-

му субсидированию предприятий «на поддержку рынка труда»; проектом бюджета на 2022 г. на эти цели было предусмотрено 62,5 млрд руб.¹. Рост численности занятых означает, что понесший ущерб бизнес надеется реструктурировать и восстановить (и даже развить) производство, сменив торговых партнеров и/или внося коррективы в специализацию производства, а также то, что предприятия еще не используют в должной мере возможности инноватизации.

Заключение

Резкое изменение внешних (международных) факторов развития российской экономики требует реструктуризации обрабатывающих производств региона. Предложения по обеспечению устойчивого (динамичного и пропорционального) развития обрабатывающих производств региона в сложных и быстро меняющихся внешних условиях включают две группы вопросов.

Во-первых, об изменении внешних связей по ввозу сырья и полуфабрикатов и вывозу готовой продукции. Речь может идти о замене торговли с недружественными странами на расширение связей с дружественными государствами и с другими российскими регионами.

Во-вторых, о реструктуризации отраслевой структуры производства — свертывании некоторых материалоемких производств, особенно если их развитие предполагает торговлю с недружественными странами. Сейчас трудно назвать конкретные предприятия и отрасли, в каждом конкретном случае требуется дополнительное исследование. Например, обращает на себя внимание низкий удельный вес в структуре обрабатывающей промышленности (и по выпуску продукции, и по численности занятых) производства одежды и обуви. Между тем в советский период такие предприятия успешно функционировали, а с происходящими изменениями ситуации на рынке потребительских товаров они могут быть достаточно эффективными.

За пределами рассмотрения (кроме самых общих замечаний) остаются актуальные вопросы технического и технологического переоснащения предприятий, перевода производства на инновационный путь развития, миграций и рационального использования трудовых ресурсов как факторов развития обрабатывающих производств. При установлении конкретных объектов исследования можно в определенной мере руководствоваться данными, приведенных в статье таблиц, отражающих поставки сырья и полуфабрикатов (табл. 1), динамику производства в 2022 г. — первой половине 2023 г. и динамику численности занятых (табл. 3). Но уже сейчас можно сделать некоторые предварительные оценки, в частности развития двух ведущих в области обрабатывающих производств, автосборочного и маслобойного:

1. Реструктуризация отраслевой структуры обрабатывающих производств связана с преодолением «эффекта колеи». Она предполагает решение проблем развития отраслей, созданных в условиях, в настоящее время не соответствующих запросам развития экономики. В наиболее сложном положении находится автосборочное производство. Его перспективы, как представляется, связаны не столько с изменением поставщиков узлов и деталей для сборки (каковым сейчас может быть только Китай), но и с кооперацией с предприятиями других регионов, прежде всего с Санкт-Петербургом и Ленинградской областью.

2. Для «Содружества», сырьевая база которого может считаться устойчивой, целесообразно оптимизировать географическую структуру потребителей, направив более значительную часть продукцию в другие российские регионы и Белоруссию.

¹ Доклад губернатора А. А. Алиханова «Об областном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов», 11.11.2021, *Правительство Калининградской области*, URL: <https://gov39.ru/poslanie/doklad2022/> (дата обращения: 25.08.2023).

Мясное, молочное и рыбное, а также плодоконсервное производства пищевой промышленности могут в большей мере ориентироваться на развитие собственной сырьевой базы и местного потребительского рынка на основе формирования агропромышленных кластеров и развитие соответствующих отраслей сельского хозяйства — растениеводства, животноводства, рыболовства и рыборазведения.

Кластерная политика в промышленности уже реализуется областным правительством. Представляется перспективным формирование судостроительного и янтарного кластеров с обязательным превращением их в межрегиональные кластеры с предприятиями других балтийских регионов России с включением хозяйствующих субъектов в цепочки создания добавленной стоимости (в территориальной системе Санкт-Петербург — Ленинградская область — Калининградская область). Предлагается усилить взаимодействие трех регионов в экономике и социальной сфере, формируя многоотраслевой пространственно распределенный кластер [26]. И если в недавнем прошлом речь шла об их роли как об «окне в Европу», то теперь они должны стать одним из «окон в зарубежный мир».

В заключение отметим, что, несмотря на сложности развития экономики в связи с рестрикциями недружественных государств, миграционный приток в область продолжается. В 2022 г. миграционный прирост в расчете на 10 000 жителей составил 60 человек¹. Численность населения благодаря миграционному приросту увеличилась. Это позволяет решать задачи обеспечения кадрами новых и реконструируемых производств.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке проекта РНФ № 22-27-00289 «Обоснование реструктуризации международных связей и мер обеспечения военно-политической безопасности российских регионов на Балтике в условиях углубления геополитических противоречий».

Список литературы

1. Клемешев, А. П., Зверев, Ю. М. 2006, Международное сотрудничество российских регионов и место в нем Калининградской области, *Регион сотрудничества*, т. 48, № 1, с. 5—16.
2. Корнеевец, В. С. 2010, Международные транснациональные и трансграничные регионы: признаки, особенности, иерархия, *Вестник БФУ им. И. Канта*, № 1, с. 27—34. EDN: LDEOOX
3. Modzelewski, W. T. 2019, *Polsko-rosyjskie pogranicze — od regionu izolowanego do transgranicznego*, *Środkowoeuropejskie Studia Polityczne*, № 1, p. 5—24, <https://doi.org/10.14746/ssp.2015.1.1>
4. Palmowski, T. 2010, Problems of cross-border cooperation between Poland and the Kaliningrad Oblast of the Russian Federation, *Quaestiones Geographicae*, vol. 29, № 4, p. 75—82, <https://doi.org/10.2478/v10117-010-0033-2>
5. Cichocki, B. (ed.). 2003, *Kaliningrad in Europe*, A Study commissioned by the Council of Europe, Council of Europe, 146 p.
6. Клемешев, А. П., Май, В. А. (ред.). 2007, *Стратегии развития Калининградской области*, 2007, Калининград, Издательство РГУ им. И. Канта, 470 с.
7. Пальмовский, Т. 2004, Новая балтийская биполярная модель межрегионального сотрудничества, *Вестник Калининградского государственного университета*, № 6, с. 66—75.
8. Kivikari, U. 1998, Foreign Direct Investment: Problems in Deepening the Integration of the Baltic Sea Region. In: Hedegaard, L., Lindström, B., Joenniemi, P., Östhol, A., Peschel, K., Stålvant, C. E. (eds.), *The Nebi Yearbook 1998*. Springer, Berlin, Heidelberg, https://doi.org/10.1007/978-3-642-58886-0_6

¹ Предварительные демографические итоги 2022 года в России (часть I), 2023, *Демоскоп Weekly*, № 979-980, URL: <http://demoscope.ru/weekly/2023/0979/barom01.php> (дата обращения: 30.06.2023).

9. Oldberg, I. 1998, Kaliningrad: Problems and prospects, In: Joenniemi, P., Prawitz, J. (ed.), *Kaliningrad: The European amber region*, Taylor and Francis, p. 1–31, <https://doi.org/10.4324/9780429447624-1>
10. Wellmann, C. 1996, Russia's Kaliningrad exclave at the crossroads: The interrelation between economic development and security politics, *Cooperation and Conflict*, vol. 31, №2, p. 161–183, <https://doi.org/10.1177/0010836796031002002>
11. Хлопецкий, А. П. 2000, *Калининград как «зона свободы»: взгляд изнутри*, Калининград : Кн. изд-во, 213 с.
12. Федоров, Г. М., Волошенко, К. Ю., Жданов, В. П. 2023, *Стратегия развития и экономическая безопасность Калининградской области*, аналитический доклад. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 72 с. EDN: YJLJWD
13. Федоров, Г. М., Новикова, А. А. 2023, *Реструктуризация внешних торговых связей Калининградской области (2014–2022)*, информационно-аналитический доклад, Калининград, Изд-во БФУ им. И. Канта, 55 с. EDN: LSWHIS
14. Park, A. 2022, Lithuania and Russia's Kaliningrad: Analysing the Most Recent "Crisis" That Shook the EU, *Australian Institute of International Affairs*, URL: <https://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/lithuania-and-russias-kaliningrad-analysing-the-most-recent-crisis-that-shook-the-eu/> (дата обращения: 07.09.2023).
15. Karčiauskas, J. 2022, Lithuania external relations briefing: Kaliningrad exclave: a weak spot of EU economic sanctions against Russia, *Weekly Briefing*, vol. 54, №4 (LT), URL: https://china-cee.eu/wp-content/uploads/2022/10/2022er09_Lithuania.pdf (дата обращения: 30.08.2023).
16. Cordes, M. J. 2022, Kaliningrad oblast closer to its ever-distant masters, *Pulaski Policy Paper*, №17, URL: <https://pulaski.pl/en/pulaski-policy-paper-kaliningrad-oblast-closer-to-its-ever-distant-masters/> (дата обращения: 30.08.2023).
17. DiRubbio, W. 2022, Countering Kaliningrad's Threat to NATO, *The RUSI Journal*, vol. 167, №6–7, p. 82–93, <https://doi.org/10.1080/03071847.2023.2176917>
18. Fernandes, S., Viana, P. 2022, Kaliningrad and the Lithuanian "geopolitical code", *Sovremennaya Evropa*, vol. 1, p. 73–85, <https://doi.org/10.31857/S0201708322010065>
19. Studzińska, D., Dunaj, J. 2023, Kaliningrad as an isolated zone: the impact of the war in Ukraine on the daily life of the residents of the Kaliningrad region. An introduction to the discussion, *Journal of Baltic Studies*, vol. 54, №2, p. 395–407, <https://doi.org/10.1080/01629778.2023.2197605>
20. Разумовский, В. М. (ред.). 2017, *Российская Балтика и Балтийский регион*, СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 280 с. EDN: YPEOJQ
21. Ивченко, В. В. 2003, *Программно-стратегическое развитие приморского региона России. Теория, методология, практика*, Калининград : Издательство Калининградского университета, 207 с. EDN: UGKXWX
22. Теплицкий, В. А., Мнацаканян, А. Г., Долгая, А. А., Щерба, Т. А. 2013, Оценка современного состояния предпринимательства калининградского рыбохозяйственного комплекса, *Вестник БФУ им. И. Канта*, вып. 3, с. 57–64. EDN: PYBZUT
23. Михайлов, А. С., Михайлова, А. А. 2018, Калининградская область: фактор трансграничной кластеризации в социально-экономическом развитии, В: Дружинин, А. Г., Клемешев, А. П., Федоров, Г. М. (ред.), 2018, *Приморские зоны России на Балтике: факторы, особенности, перспективы и стратегии трансграничной кластеризации*, М. : «ИНФРА-М», с. 99–127. EDN: YASJUT
24. Федоров, Г. М., Зверев, Ю. М. 2020, *Калининградские альтернативы: 25 лет спустя*, монография. Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 315 с. EDN: JRSSAE
25. Вардомский, Л. Б. 2022, Особый режим как фактор экономического развития Калининградской области в меняющихся внешних условиях, *Тихоокеанская география*, №1, с. 35–44, https://doi.org/10.35735/26870509_2022_9_3
26. Федоров, Г. М. 2022, Экономика регионов России на Балтике: уровень и динамика развития, структура, внешнеторговые партнерства, *Балтийский регион*, т. 14, №4, с. 20–38, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-2>

Об авторе

Лидия Геннадьевна Гуменюк, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: L.Osmolovskaya@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6186-350X>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

PRIORITIES FOR THE DEVELOPMENT OF MANUFACTURING INDUSTRIES IN THE KALININGRAD REGION

L. G. Gumenyuk

Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia

Received 14 September 2023

Accepted 06 November 2023

doi: 10.5922/2079-8555-2023-4-7

© Gumenyuk, L. G., 2023

The Kaliningrad region is a socio-economically developed area with a steadily increasing population. Its economy is predominantly influenced by manufacturing industries, whose growth is supported by the region's strategic geographic position on the Baltic coast and the Special Economic Zone (SEZ) regime. However, the region's exclave status, which makes it reliant on external factors, hinders its development. Any change in these external factors could necessitate a restructuring of manufacturing industries. The severing of former foreign economic and social ties, the discontinuation of cross-border cooperation due to the actions of unfriendly countries, and the imposition of eleven packages of unlawful anti-Russian sanctions have had a more pronounced impact on the regional economy compared to the country's inland regions. Logistics between the region and the main part of the country have been significantly complicated. Manufacturing industries have faced disruptions in the supply of essential foreign-made semi-finished products. The exports of several regionally-produced goods have been restricted, and transit through the Baltic States has become more difficult. This article aims to assess the impact of these restrictions on the development of manufacturing industries in the region. Another goal is to provide a rationale for the restructuring of specialization and changes in the geography of external relations in these increasingly complex external circumstances. Recommendations based on the findings obtained will contribute to the region's sustainable development, characterized by dynamic growth and proportional development.

Keywords:

Kaliningrad region, manufacturing industries, anti-Russian restrictions, external relations, economic restructuring

References

1. Klemeshev, A. P., Zverev, YU. M. 2006, Mezhdunarodnoye sotrudnichestvo rossiyskikh regionov i mesto v nem Kaliningradskoy oblasti [International cooperation of Russian regions and the place of the Kaliningrad region in it], *Region sotrudnichestva*, vol. 48, № 1, p. 5–16 (in Russ.).

To cite this article: Gumenyuk, L. G. 2023, Priorities for the development of manufacturing industries in the Kaliningrad region, *Baltic region*, vol. 15, № 4, p. 124–141. doi: 10.5922/2079-8555-2023-4-7

2. Korneevets, V. S. 2010, International, transnational and cross-border regions: features, peculiarities, hierarchy, *Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant*, № 1, p. 27—34, EDN: LDEOXX (in Russ.).
3. Modzelewski, W. T. 2019, Polsko-rosyjskie pogranicze — od regionu izolowanego do transgranicznego”, *Srodkowoeuropejskie Studia Polityczne*, № 1, p. 5—24, <https://doi.org/10.14746/ssp.2015.1.1>
4. Palmowski, T. 2010, Problems of cross-border cooperation between Poland and the Kaliningrad Oblast of the Russian Federation, *Quaestiones Geographicae*, vol. 29, № 4, p. 75—82, <https://doi.org/10.2478/v10117-010-0033-2>
5. Cichocki, B. (ed.). 2003, *Kaliningrad in Europe*, A Study commissioned by the Council of Europe, Council of Europe, 146 p.
6. Klemeshev, A. P., Mau, V. A. (eds.). 2007, *Strategii razvitiya Kaliningradskoy oblasti*, 2007, Kaliningrad : Izd-vo BFU im. I. Kanta, 470 s. (in Russ.).
7. Palmowski, T. 2004, The New Baltic Bipolar Model of Interregional Cooperation, *KSU Vestnik. SER. Regional Studies*, № 6, p. 66—75 (in Russ.).
8. Kivikari, U. 1998, Foreign Direct Investment: Problems in Deepening the Integration of the Baltic Sea Region. In: Hedegaard, L., Lindström, B., Joenniemi, P., Östhol, A., Peschel, K., Stålvant, C. E. (eds.), *The Nebi Yearbook 1998*. Springer, Berlin, Heidelberg, https://doi.org/10.1007/978-3-642-58886-0_6
9. Oldberg, I. 1998, Kaliningrad: Problems and prospects, In: Joenniemi, P., Prawitz, J. (ed.), *Kaliningrad: The European amber region*, Taylor and Francis, p. 1—31, <https://doi.org/10.4324/9780429447624-1>
10. Wellmann, C. 1996, Russia’s Kaliningrad exclave at the crossroads: The interrelation between economic development and security politics. *Cooperation and Conflict*, vol. 31, № 2, p. 161—183, <https://doi.org/10.1177/0010836796031002002>
11. Khlopetskiy, A. P. 2000, *Kaliningrad kak «zona svobody»: vzglyad iznutri*, Kaliningrad: Kn. izd-vo, 2000. 213 p. (in Russ.).
12. Fedorov, G. M., Voloshenko, K. Yu., Zhdanov, V. P. 2023 *Strategiya razvitiya i ekonomicheskaya bezopasnost’ Kaliningradskoy oblasti*, Kaliningrad : Izd-vo BFU im. I. Kanta. 72 p. EDN: YJLJWD (in Russ.).
13. Fedorov, G. M., Novikova, A. A. 2023, *Restrukturizatsiya vneshnikh torgovykh svyazey Kaliningradskoy oblasti (2014—2022)*, Kaliningrad : Izd-vo BFU im. I. Kanta, 55 p. EDN: LSWHIS (in Russ.).
14. Park, A. 2022, Lithuania and Russia’s Kaliningrad: Analysing the Most Recent “Crisis” That Shook the EU, *Australian Institute of International Affairs*, URL: <https://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/lithuania-and-russias-kaliningrad-analysing-the-most-recent-crisis-that-shook-the-eu/> (accessed 07.09.2023).
15. Karčiauskas, J. 2022, Lithuania external relations briefing: Kaliningrad exclave: a weak spot of EU economic sanctions against Russia, *Weekly Briefing*, vol. 54, № 4 (LT), URL: https://china-cee.eu/wp-content/uploads/2022/10/2022er09_Lithuania.pdf (accessed 30.08.2023).
16. Cordes, M. J. 2022, Kaliningrad oblast closer to its ever-distant masters, *Pulaski Policy Paper*, № 17, URL: <https://pulaski.pl/en/pulaski-policy-paper-kaliningrad-oblast-closer-to-its-ever-distant-masters/> (accessed 30.08.2023).
17. DiRubbio, W. 2022, Countering Kaliningrad’s Threat to NATO, *The RUSI Journal*, vol. 167, № 6—7, p. 82—93, <https://doi.org/10.1080/03071847.2023.2176917>
18. Fernandes, S., Viana, P. 2022, Kaliningrad and the Lithuanian “geopolitical code”, *Sovremennaya Evropa*, vol. 1, p. 73—85, <https://doi.org/10.31857/S0201708322010065>
19. Studzińska, D., Dunaj, J. 2023, Kaliningrad as an isolated zone: the impact of the war in Ukraine on the daily life of the residents of the Kaliningrad region. An introduction to the discussion, *Journal of Baltic Studies*, vol. 54, № 2, p. 395—407, <https://doi.org/10.1080/01629778.2023.2197605>
20. Razumovskii, V. M. (ed.). 2017, *Rossiyskaya Baltika i Baltiyskiy region [Russian Baltic and Baltic region]*, SPb. : Izd-vo SPbGEU, 280 p. EDN: YPEOJQ (in Russ.).
21. Ivchenko, V. V. 2003 *Programmno-strategicheskoye razvitiye primorskogo regiona Rossii. Teoriya, metodologiya, praktika*, Kaliningrad : Izd-vo Kaliningr. un-ta, 207 p. EDN: UGKXWX (in Russ.).

22. Teplitskiy, V. A., Mnatsakanyan, A. G., Dolgaya, A. A., Shcherba, T. A. 2013 Otsenka sovremennogo sostoyaniya predprinimatel'stva kaliningradskogo rybokhozyaystvennogo kompleksa, *Vestnik BFU im. I. Kanta*, vol. 3, p. 57—64. EDN: PYBZUT (in Russ.).

23. Mikhaylov, A. S., Mikhaylova, A. A. 2018, Kaliningradsкая oblast': faktor transgranichnoy klasterizatsii v sotsial'no-ekonomicheskom razvitii, In: Druzhinin, A. G., Klemeshev, A. P., Fedorov, G. M. (eds.), *Primorskiye zony Rossii na Baltike: faktory, osobennosti, perspektivy i strategii transgranichnoy klasterizatsii*, M. : «INFRA-M», p. 99—127. EDN: YASJUT (in Russ.).

24. Fedorov, G. M., Zverev, Yu. M. 2020, Kaliningradskie al'ternativy: 25 let spustya [Kaliningrad alternatives: 25 years later], Kaliningrad : Izd-vo BFU im. I. Kanta, 2020, 315 p. EDN: JRSSAE

25. Vardomskiy, L. B. 2022 Special regime as a factor in the economic development of the Kaliningrad region in changing external conditions, *Pacific Geography*, № 1, p. 35—44, https://doi.org/10.35735/26870509_2022_9_3 (in Russ.).

26. Fedorov, G. M. 2022, The economy of Russian Baltic regions: development level and dynamics, structure and international trade partners, *Baltic region*. vol. 14, № 4, p. 20—38, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-2>

The author

Dr Lidia G. Gumenyuk, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: LOsmolovskaya@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6186-350X>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

МУНИЦИПАЛИТЕТЫ РОССИЙСКОЙ БАЛТИКИ

СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИКА РОССИЙСКОЙ БАЛТИКИ В МУНИЦИПАЛЬНОМ РАЗРЕЗЕ

О. В. Кузнецова

Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН,
117418, Москва, Нахимовский просп., 47

Поступила в редакцию 09.08.2023 г.
Принята к публикации 11.10.2023 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2023-4-8
© Кузнецова О. В., 2023

В статье анализируется дифференциация муниципальных образований (на уровне муниципальных районов и округов, городских округов) Калининградской и Ленинградской областей по степени экономического развития и реакции их экономики на кризисы 2020 и 2022 гг. Особое внимание уделяется возможностям проведения таких оценок на основе дополнения статистики Росстата общедоступными данными бухгалтерской и налоговой (Федеральной налоговой службы) отчетности. Приводятся оценки роли малого предпринимательства в экономике муниципальных образований — занятости, доходах населения и бизнеса. Показывается, что за десятилетний период (2012—2021) в Калининградской области дифференциация муниципалитетов по уровню налогооблагаемых денежных доходов физических лиц и индивидуальных предпринимателей сократилась, тогда как в Ленинградской области оставалась неизменной, но при разнонаправленной динамике доходов по отдельным муниципалитетам. Иллюстрируется значимость специализации муниципалитетов как фактора изменения выручки их компаний, особенно в 2022 г. Показывается, что роль малого бизнеса в официальных доходах населения повсеместно заметно ниже его роли в занятости населения, при этом нет однозначных закономерностей в дифференциации муниципалитетов по роли малого бизнеса в зависимости от уровня их экономического развития, соотношения городского и сельского населения. В частности, пониженная роль малого бизнеса может быть характерна как для регионов с высоким уровнем доходов населения и с большим количеством рабочих мест в крупных организациях, так и для проблемных периферийных территорий, где недостаточен спрос на производимые малым бизнесом товары и услуги.

Ключевые слова:

муниципальные образования, Калининградская область, Ленинградская область, статистика Росстата, бухгалтерская отчетность, налоговая отчетность, государственная политика

Постановка проблемы

Традиционно в России вопросы дифференциации территорий по уровню и динамике их экономического развития рассматриваются в разрезе регионов (субъектов РФ) и макрорегионов (обычно федеральных округов). Различия на уровне более

Для цитирования: Кузнецова О. В. Современная экономика Российской Балтики в муниципальном разрезе // Балтийский регион. 2023. Т. 15, № 4. С. 142–164. doi: 10.5922/2079-8555-2023-4-8

дробных территориальных единиц, конечно, тоже становятся предметом исследований, но такие работы встречаются гораздо реже, часто концентрируются на демографической проблематике или на развитии отдельных типов территориальных образований — агломераций, моногородов, сельской местности.

Причины подобного рода ситуации вполне понятны: это не только трудоемкость работы с муниципальными образованиями (или муниципалитетами)¹, но и, даже в большей степени, хорошо известный исследователям огромный разрыв в уровне обеспеченности статданными между региональным и муниципальным уровнем. Вместе с тем этот разрыв, особенно если к статистике Росстата привлекать информацию из других источников (включая иные органы государственной власти), постепенно сокращается. Возрастает и значимость муниципальной проблематики, в том числе в рамках федеральной политики пространственного развития [1].

Данная статья преследует две взаимосвязанные цели. Первая — показать, насколько значимы различия в экономическом развитии Российской Балтики в муниципальном разрезе (в уровне экономического развития муниципалитетов, реакции их экономики на кризисы последних лет), что позволит получить более объективную картину ситуации в этом макрорегионе. Вторая — показать возможности проведения такого рода оценок, исходя из привлечения к анализу максимально широкого круга доступных (открытых) статистических данных. Мы используем именно общедоступные данные, чтобы предложить «повторяемые» методические подходы к анализу — те, которые могут использоваться любыми исследователями применительно ко всем субъектам Федерации.

Объектами анализа в данной статье выступают являющиеся непосредственно прибалтийскими Калининградская и Ленинградская области, точнее, входящие в их состав муниципальные районы (МР), муниципальные округа (МО) и городские округа (ГО). Санкт-Петербург исключен из рассмотрения в силу как специфики муниципалитетов в городе федерального значения, так и единства городского хозяйства, которым как раз и объяснялась особая модель местного самоуправления в городах федерального значения. Основной рассматриваемый в статье период — 2018—2022 гг., что обусловлено как доступностью статистических данных, так и логикой исследования. Такой временной ряд небольшой, однако позволяет оценить различия между муниципалитетами по реакции их экономики на пандемию COVID-19 и резкое изменение геополитической и геоэкономической ситуации 2022 г.

Конечно, анализируемые нами муниципалитеты тоже внутренне неоднородны, особенно если в их состав одновременно включены города и сельская местность, разные по своим размерам населенные пункты. Однако приходится все-таки исходить из того, что экономическая статистика публикуется именно по муниципальным образованиям, причем в основном только по муниципальным районам/округам и городским округам. При этом в Калининградской области поселенческий уровень местного самоуправления в последние годы в любом случае полностью отсутствует, статданных по поселениям нет с 2018 г. Поэтому работа именно с муниципальной статистикой является единственной возможностью проводить исследования на микроуровне, опираясь на официальные статданные, а различия между муниципалитетами в их размерах, системе расселения необходимо учитывать при анализе получаемых результатов — так, как это делается в экономически развитых странах, где существуют разработанные типологии территорий для мониторинга пространственного развития [2].

¹ В России в целом только городских округов и муниципальных районов/округов насчитывается более 2,3 тыс. (на 1 января 2023 г. — 2329, здесь и далее, если не указано иное, — по данным Росстата), не говоря уже о низовом уровне местного самоуправления — поселениях.

Обзор литературы

Теоретическая основа данной статьи в широком контексте весьма обширна — это весь пласт научного знания о закономерностях пространственного развития, прежде всего по центр-периферийным отношениям, градиентам по линии «город — сельская местность», агломерационным процессам, талассоаттрактивности (особо значимой для рассматриваемых регионов), совокупности факторов социально-экономического развития территорий. В этом же ряду, учитывая кризисный характер последних лет, нужно назвать исследования по региональной шокоустойчивости — устойчивости территорий к разного рода шокам (обзор литературы по этой теме приводился в [3]).

В наибольшей степени приближенными к теме статьи являются исследования, связанные непосредственно с развитием Калининградской и Ленинградской областей (из современных наиболее масштабных работ можно назвать [4; 5]) и особенно с анализом социально-экономического развития их муниципальных образований. Таких работ немало, особенно по Калининградской области. С Ленинградской областью ситуация сложнее, поскольку анализ пространственной структуры экономики всего региона, дифференциации всей совокупности его муниципалитетов оказывается «в тени» более «острой» темы — развития Санкт-Петербургской агломерации, которая включает в себя только часть территории Ленобласти. Речь идет об оценке масштабов маятниковой миграции в пределах агломерации [6], разных аспектах дифференциации пригородной зоны Санкт-Петербурга [7; 8], внутренней структуре агломерации в целом [9; 10], сотрудничестве двух регионов [11]. Наиболее масштабной работой является посвященная Санкт-Петербургской агломерации монография [12]. В этой работе в границы рассматриваемой агломерации включены помимо непосредственно Санкт-Петербурга и его городов-спутников и пригородов Сосновоборский ГО, полностью (с некоторыми условностями) Всеволожский, Гатчинский и Тосненский МР, без двух в каждом случае поселений Ломоносовский и Кировский МР, три поселения Выборгского и одно поселение Приозерского МР. Учитывая, что авторы оценили численность населения Санкт-Петербургской агломерации в 6,5 млн чел., в Санкт-Петербурге как субъекте Федерации проживает 5,6 млн чел., а общая численность населения Ленинградской области — более 1,9 млн чел., несложно подсчитать, что в агломерационную зону попадает меньше половины жителей Ленобласти и хотя бы частично только 7 муниципальных районов из 17.

Важно также отметить, что Калининградскую и Ленинградскую области отличают разные подходы к организации территориальных основ местного самоуправления (МСУ). В Калининградской области с самого начала становления современной системы МСУ¹ постарались минимизировать роль поселенческого уровня МСУ, сформировав на территории региона всего 3 муниципальных района и 19 городских округов. Правда, в 2009 г. их стало 15 и 7 соответственно, но к 2017 г. вернулись к первоначальной схеме, а к 2019 г. и сохранявшиеся три района были преобразованы в городские округа; к 2022 г., в соответствии с новыми требованиями федерального законодательства (внесенными в 2019 г. поправками в закон о МСУ), статус городских округов сохранился только у 10 муниципальных

¹ В соответствии с Федеральным законом от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

образований, оставшиеся 12 стали муниципальными округами¹. Как результат, возможности проведения исследований по Калининградской области, особенно в последние годы, ограничены официальной статистикой по «верхнему» уровню муниципалитетов, и таких исследований довольно много. В Ленинградской области есть только 1 городской округ и 17 муниципальных районов, следовательно, существует статистика по поселениям, что дает возможность исследователям проводить более крупномасштабные исследования (есть примеры работ именно по поселениям Ленинградской области [13; 14]), хотя с поселениями возникают и некоторые сложности (см. ниже).

Тематика работ по муниципалитетам тоже в немалой степени зависит от наличия необходимых статистических данных, которое определяется как относительной простотой их сбора, так и актуальностью вопросов развития тех или иных секторов экономики. На сегодняшний день наиболее детально демографическая статистика (причем численность населения — это единственный показатель, который есть по городам и поселкам, независимо от системы муниципального устройства), и немало работ посвящено системам расселения двух областей, геодемографическим особенностям муниципальных образований [7; 15–20]. В силу повышенного интереса со стороны государства к обеспечению продовольственной безопасности, относительно подробная статистика есть по сельскому хозяйству. Фактически это единственный сегмент экономики муниципалитетов, по которому существуют данные Росстата по полному кругу предприятий (а не только крупным и средним), по индексам производства, а также по целому ряду неденежных показателей (посевным площадям, урожайности, поголовью и т. п.). Фундаментальная работа опубликована по сельскому хозяйству и сельской местности в Калининградской области [21], пространственные особенности развития сельского хозяйства Ленинградской области рассматриваются в [5; 22]. Еще одним сектором экономики, которому в последнее время уделяется повышенное внимание, является туризм, особенности его развития рассматривались и в разрезе муниципалитетов [23].

Особое географическое положение двух областей — приморское на Балтике — предопределило появление целого ряда работ, связанных с оценкой роли этого фактора в социально-экономическом развитии муниципалитетов, включая возможности развития трансграничных связей [13; 24–27]; рассматривалась и свойственная приморским территориям специализация на судостроении [28].

В Калининградской области дифференциация между приморскими и «глубинными», центральными и периферийными муниципалитетами выражена довольно ярко: в [29] представлена типология муниципалитетов с выделением ближних и дальних пригородов, периферии; в [30] показаны различия между территориями по уровню жизни населения. Поэтому отдельным вопросом для Калининградской области является развитие юго-восточных ее муниципалитетов [31; 32]. В Ленинградской области размещение промышленности имеет более сложную картину (меньше связанную с приморским положением), зато заметнее проблема моногородов [33].

¹ При этом границы муниципальных образований значимым образом не пересматривались, речь идет лишь об изменении статуса муниципалитетов, поэтому по Калининградской области можно рассматривать те же временные ряды данных, что и по Ленинградской. Названия муниципальных образований Калининградской области приводятся в современном их виде. В Ленинградской области территориальные основы местного самоуправления на уровне муниципальных районов не пересматривались.

Среди работ по Калининградской области можно также отметить значимые в контексте современных реалий (в связи с пандемией COVID-19) исследования, связанные с цифровизацией — различиями между муниципалитетами в данной сфере, их причинами и последствиями [34; 35].

Новизна этой статьи — в привлечении к анализу более широкого круга экономических показателей по сравнению с ранее использовавшимися и в особом акценте на изменении экономического положения муниципалитетов в условиях двух последних кризисов. Оценки влияния на отдельные территории и пандемии COVID-19 и событий 2022 г. уже проводились, но в региональном разрезе [36; 37], что важно для понимания общей ситуации в регионах Северо-Запада России. Важная их особенность — повышенная зависимость от внешнеэкономических связей [38], особенно с недружественными в настоящее время России европейскими странами. Поэтому в целом ситуация в 2022 г. на Северо-Западе была довольно сложной.

Материалы и методы

Возможности диагностики экономического развития муниципальных образований заслуживают особого внимания, в первую очередь в силу отсутствия в официальной статистике показателя валового муниципального продукта (ВМП). Соответственно, у исследователей не оказывается какого-то общего измерителя масштабов экономики муниципалитетов (как в случае с валовым региональным продуктом для субъектов РФ). Попытки предложить методические подходы к расчету ВМП уже неоднократно предпринимались — примеры таких работ приводились в [1; 39]. В работе [39] предлагается своя методика расчета валовой добавленной стоимости. Все существующие подходы к расчету ВМП опираются на те или иные допущения (не всегда корректные); более точные оценки (как в [39]) основываются при этом на масштабном сборе первичной информации по предприятиям и организациям и в конечном итоге не проверяемы и не повторяемы. Поэтому мы будем рассматривать просто совокупность существующих статистических показателей, поскольку в любом случае одного только показателя валового продукта для получения полноценной характеристики экономики территорий все равно недостаточно.

В нашем исследовании нам интересны данные по структуре экономики муниципальных образований, ее трансформации в последние годы, а также по изменению вклада муниципалитетов в общегосударственные по субъектам Федерации показатели — на этой основе можно сравнить экономическую динамику по разным территориям. Для оценки уровня развития экономики мы приводим один из показателей на душу населения, но от широкого использования душевых показателей приходится отказываться. Причины для двух регионов разные. В Калининградской области есть очевидная проблема с пересмотром данных по численности населения муниципалитетов в результате прошедшей в 2021 г. переписи населения России. Так, недооценен был рост численности населения в пригородном к Калининграду Гурьевском МО — здесь по статистике на 1 января 2022 г. число жителей составило 146,6 % по сравнению с 1 января 2021 г. Противоположная ситуация сложилась в Балтийском ГО: аналогичный показатель — 77,4 %. Это наиболее масштабные, но не единственные примеры. В Ленинградской области заметных отклонений данных текущего учета населения и результатов переписи не прослеживается, но уровень развития муниципалитетов по душевым показателям (особенно по налогу на доходы физических лиц, учитываемому по месту работы, а не жительства граждан) сильно зависит от масштабов маятниковой миграции в Санкт-Петербург, а различия эти весьма существенны [6]. Точных данных по числу маятниковых мигрантов

нет, на середину 2010-х гг. оценки варьировались в пределах 21—47 % экономически активного населения области [6], в 2020 г. приводилась оценка в 18,3 % трудоспособного населения региона¹.

В статистических данных Росстата основой для анализа ситуации в муниципалитетах служит база данных «Показатели муниципальных образований» (БД ПМО). В этой базе есть статистика по объемам отгрузки в промышленности, обороту розничной торговли, занятости и фонду оплаты труда по разделам ОКВЭД. Основной недостаток этих данных — отсутствие учета субъектов малого предпринимательства, а поскольку роль малого бизнеса очевидно отличается и по отраслям, и по муниципалитетам, то составить полное и реальное представление о масштабе и структуре экономики территорий оказывается невозможным. Видимо, понимая эту проблему, Росстат дополнил БД ПМО новым разделом — «Бухгалтерская отчетность», где стали публиковаться данные по количеству хозяйствующих субъектов и выручке (нетто) от продажи товаров, продукции, работ, услуг (за минусом налога на добавленную стоимость, акцизов и иных аналогичных обязательных платежей). По первому показателю, который отражает общее число юридических лиц (то есть как крупные и средние компании, так и малые), данные есть за 2019—2021 гг., по выручке — только за 2021 г. Вместе с тем данные по выручке компаний (юрлиц) на основе бухгалтерской отчетности уже на протяжении ряда лет собираются частными информационными агентствами, к примеру, на момент подготовки данной статьи в разрезе муниципалитетов («верхнего» их уровня) в системе «СПАРК-Интерфакс» в открытом доступе были представлены данные по отраслям и муниципалитетам за 2018—2022 гг. В экономических или экономико-географических исследованиях уже накоплен определенный опыт использования данных по выручке компаний (например, [12]).

Данные по выручке компаний, повторим, учитывают деятельность юридических лиц независимо от их размера (и в этом их важное преимущество перед привычным набором данных БД ПМО), но не включают в себя информацию об индивидуальных предпринимателях (ИП) и не отражают деятельность организаций за счет бюджетных средств (средств бюджетной системы РФ). То есть включение в анализ данных по выручке дает возможность составить более полное (по сравнению с информацией БД ПМО), но не исчерпывающее (в силу отсутствия учета ИП) представление о структуре коммерческого сектора муниципалитетов, но не позволяет оценить соотношение бюджетного и небюджетного секторов экономики. Строго говоря, эта задача для муниципалитетов вообще не решается, даже на уровне регионов — только с очень большой долей условности (часть разделов ОКВЭД, таких как здравоохранение, образование и т. п., традиционно принято считать преимущественно бюджетными, другую часть — коммерческими, но это разделение очень условно). Кроме того, данные бухгалтерской отчетности вообще никак не отражают занятость населения.

С точки зрения анализа межтерриториальных различий погрешности в данных по выручке компаний связаны с тем, что в этой статистике данные по филиалам юридических лиц учитываются, судя по всему, по месту регистрации компаний. В рассматриваемых нами регионах это со всей очевидностью проявляется в случае Сосновоборского ГО Ленобласти. Хорошо известно, что основным предприятием

¹ Туда, сюда, обратно: Ленобласть стала лидером маятниковой миграции в стране, 24.09.2020, Деловой Петербург, URL: https://www.dp.ru/a/2020/09/23/Tuda_sjuda_obratno (дата обращения: 18.07.2023).

этого муниципалитета является Ленинградская АЭС, но поскольку это филиал АО «Концерн Росэнергоатом»¹, в выручке муниципалитета деятельность АЭС никак не отражается.

На наш взгляд, в исследованиях по муниципальной проблематике незаслуженно мало внимания уделяется статистике Федеральной налоговой службы (ФНС), хотя примеры использования таких данных есть [8; 12; 40]. Речь идет об отчетах о налоговой базе и структуре начислений по налогам и сборам, сформированным по субъектам РФ, в рамках которых приводятся данные и в разрезе муниципальных образований. Для оценки экономики муниципалитетов в этих отчетах могут использоваться данные:

— по количеству физических лиц, получивших доходы, и суммам доходов физических лиц (с выделением ИП) с разбивкой по видам или кодам доходов (в отчетности по налогу на доходы физических лиц — НДФЛ);

— по количеству налогоплательщиков по налогу, уплачиваемому в связи с применением упрощенной системы налогообложения («упрощенке»), и по полученным этими налогоплательщиками доходам, причем с разделением на организации и ИП. Причем в отчетности по «упрощенке», в отличие от реестра ИП, указывается, какое число ИП подали ненулевую декларацию, то есть можно оценить реальное число действующих ИП;

— аналогично, по количеству и доходам плательщиков единого сельскохозяйственного налога (ЕСХН) с разделением на организации и ИП;

— по количеству ИП, применяющих патентную систему налогообложения («патент»), и размеру потенциально возможного к получению ИП годового дохода.

Таким образом, в конечном итоге, пусть и с некоторыми погрешностями², можно получить сведения:

— о полном числе занятых в экономике муниципалитетов — путем суммирования количества физических лиц, получивших доходы по коду 2000 (вознаграждение, получаемое налогоплательщиком за выполнение трудовых или иных обязанностей, и выплаты военнослужащим и приравненным к ним категориям физических лиц), а также всех ИП (платящих НДФЛ или пользующихся специальными налоговыми режимами — «упрощенкой», ЕСХН или «патентом»). Путем сопоставления полученных величин с данными Росстата по занятости на крупных и средних предприятиях можно оценить роль малого бизнеса в экономике муниципалитетов;

— о доходах ИП, которые не учитываются в данных по выручке компаний (по «упрощенке» и ЕСХН — это фактические доходы, по «патенту» — только потенциальные, это еще одна погрешность расчетов);

— об объеме подлежащих обложению НДФЛ доходов граждан, включая ИП, при этом можно разделить доходы, связанные с работой по найму, и доходы от дивидендов, операций с ценными бумагами и т.п. Общим фондом оплаты труда мы считали по Калининградской области сумму доходов по кодам, имеющим отношение к заработной плате из формы № 5-НДФЛ; по Ленинградской области — сумму доходов, начисленных по трудовым или гражданско-правовым договорам из формы № 7-НДФЛ (выбор определялся доступностью данных ФНС — единых подходов в данном случае нет). Эта сумма занижена на величину доходов использующих спецрежимы ИП, остающихся в их личном распоряжении.

¹ По данным: Инвестиционный портал Ленинградской области, URL: <https://lenoblinvest.ru> (дата обращения: 19.07.2023).

² Эти погрешности связаны в основном с тем, что одни и те же физлица могут одновременно работать в разных муниципалитетах, соответственно, учитываются не по одному разу. Но с точки зрения соотношения рабочих мест по муниципалитетам это не искажает картины.

К сожалению, данные налоговой отчетности не позволяют оценить отраслевую структуру экономики муниципалитетов, поскольку отчеты о поступлении налогов и сборов по видам экономической деятельности публикуются с данными только в целом по субъектам РФ. Проблемой работы с налоговой отчетностью является ее отсутствие в сводном виде — данные по каждому муниципалитету по каждому налогу представлены в отдельных файлах. В случае Ленинградской области сложность работы заключается еще и в том, что не всегда информация сведена по муниципальным районам (надо суммировать данные по поселениям), поэтому приводимый ниже анализ полнее по Калининградской области.

Важно также сказать о том, что Росстат стал публиковать по муниципалитетам (тоже только «верхнего» уровня) данные по налогооблагаемым денежным доходам населения (причем в удобном сведенном виде); на сегодняшний день они есть с самого начала 2010-х гг. В основе этого показателя — та же налоговая база при исчислении налога на доходы физических лиц и индивидуальных предпринимателей, но несколько расширенная, например учитываются проценты по депозитам, деньги, полученные по переводам. На сегодняшний день это, пожалуй, самая адекватная характеристика уровня экономического развития муниципальных образований (в частности, по оплате труда деятельность Ленинградской АЭС в показателях Сосноборского ГО отражается). Проблема этого показателя заключается в том, что он не является оперативным и публикуется примерно с тем же лагом, что и показатель ВРП по субъектам РФ (например, данные за 2021 г. были опубликованы только в самом конце марта 2023 г.). Это вполне понятно, поскольку по тому же НДФЛ окончательные данные появляются только после предоставления всех налоговых вычетов, которые идут уже после завершения бюджетного года.

Таким образом, для анализа уровня и долговременных тенденций в развитии муниципалитетов можно использовать данные по налогооблагаемым денежным доходам населения Росстата (как наиболее полный показатель именно доходов), оперативные данные доступны по занятости, выручке, доходам физических лиц и ИП. При этом у данных по выручке и оплате труда граждан есть свои особенности. Данные по фонду оплаты труда, как представляется, хорошо показывают положительные сдвиги в экономике (речь прежде всего о коммерческом секторе), поскольку значимый рост заработной платы вряд ли возможен без реального роста производства товаров и услуг. Но этот показатель меньше отражает кризисные явления, поскольку, как хорошо известно, все последние кризисы руководство компаний старается сохранять и занятость, и зарплаты (и потому, что потом будет сложно найти хорошие кадры, и в силу определенной поддержки сохранения занятости со стороны органов власти). Изменение численности занятых в муниципалитетах, особенно в соотношении с изменениями фонда оплаты труда и заработной платы, хорошо показывает переток кадров между муниципалитетами. Выручка компаний, скорее всего, лучше отражает экономическую ситуацию в муниципалитетах, но она определяется не только реальными изменениями в масштабах производства товаров и услуг, но и конъюнктурными колебаниями. Поэтому лучше использовать совокупность доступных показателей.

Результаты и их обсуждение

Итак, для базовой оценки муниципалитетов областей по уровню их экономического развития используем публикуемый Росстатом показатель налогооблагаемых денежных доходов физлиц и ИП (таблицы 1 и 2, в которые для общей характеристики территорий добавлены данные по численности их населения). Между собой области различаются довольно заметно, в то числе в силу того, что фактический

экономический центр Ленинградской области — Санкт-Петербург — является отдельным субъектом РФ; кроме того, в состав Санкт-Петербурга входит административный центр Ломоносовского района.

Таблица 1

**Население и налогооблагаемые денежные доходы физических лиц
и индивидуальных предпринимателей в Калининградской области**

Муниципальное образование	Население			Налогооблагаемые денежные доходы					
	Тыс. чел.	Доля, %	Городское, %	Доля в области, %				% от среднего	
				2012	2019	2020	2021	2012	2021
	На 01.01.2023								
Калининград	489,7	47,44	100,0	78,67	68,49	69,68	68,97	171,0	142,4
Багратионовский МО	32,9	3,19	19,4	0,93	1,24	1,25	1,26	26,1	39,2
Балтийский ГО	29,1	2,82	97,9	2,58	2,05	1,91	1,99	67,9	54,3
Гвардейский МО	29,3	2,83	47,7	1,09	1,37	1,24	1,34	34,7	47,3
Гурьевский МО	107,4	10,40	25,8	2,96	6,73	6,70	6,37	51,6	89,6
Гусевский ГО	37,5	3,64	76,8	1,39	1,59	1,54	1,60	35,3	44,4
Зеленоградский МО	39,2	3,80	43,7	1,38	2,50	2,59	2,51	40,4	63,7
Краснознаменский МО	11,0	1,07	30,6	0,25	0,29	0,28	0,31	18,9	28,1
Ладушкинский ГО	3,7	0,36	97,7	0,18	0,10	0,11	0,11	44,2	29,0
Мамоновский ГО	8,5	0,82	97,5	0,26	0,30	0,26	0,32	30,0	39,1
Неманский МО	15,4	1,50	59,7	0,69	0,63	0,64	0,71	32,9	39,9
Нестеровский МО	11,8	1,14	28,3	0,48	0,48	0,46	0,50	28,4	34,6
Озерский МО	12,7	1,23	34,1	0,26	0,42	0,39	0,43	16,2	34,1
Пионерский ГО	12,9	1,25	100,0	0,49	0,81	0,78	0,81	40,0	65,4
Полесский МО	17,1	1,66	40,6	0,45	0,97	0,78	0,92	22,3	52,0
Правдинский МО	18,2	1,76	21,6	0,45	0,69	0,70	0,74	22,3	41,2
Светловский ГО	27,6	2,67	76,3	1,94	3,05	2,92	2,85	65,4	102,4
Светлогорский ГО	20,7	2,01	80,8	1,05	2,20	1,82	2,18	66,0	105,6
Славский МО	15,8	1,53	25,5	0,45	0,55	0,54	0,59	20,7	32,4
Советский ГО	38,6	3,74	100,0	1,89	2,21	2,12	2,19	43,0	58,1
Черняховский МО	45,9	4,44	77,8	1,92	2,91	2,90	2,89	36,3	64,2
Янтарный ГО	7,2	0,70	90,8	0,22	0,44	0,40	0,40	32,9	62,5
<i>Всего</i>	1032,3	100,0	76,6	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: данные БД ПМО Росстата и расчеты автора на их основе.

В Калининградской области вполне ожидаемо лидирующее место в экономике региона занимает его административный центр — Калининград — как по доле в общем объеме доходов, так и по доходам на душу населения. Вместе с тем долгосрочный (с 2012 г.) тренд по рассматриваемому показателю — сокращение межмуниципальных различий. За прошедшие годы заметно выросла роль в экономике области Гурьевского МР — пригородного по отношению к Калининграду и занимающего с 2010 г. первое место в области по объемам жилищного строительства, в 2015—2016 гг. с долей более 50 % в общеобластных его объемах; с начала 2012 г. и до конца 2022 г. численность населения Гурьевского МР выросла почти в 2 раза (при росте населения области на 9 %)¹. Выше среднеобластного уровня доходы стали в Светлогорском и Светловском ГО. Первый широко известен как курорт на Балтике, второй — место размещения крупнейшей по выручке компании области — агропромышленного комплекса «Содружество». Увеличили за 10 лет свое отставание от средних по области показателей только два муниципалитета — Балтийский ГО и самый небольшой по численности населения Ладушкинский ГО. «Ковидный» 2020 г. привнес некоторые изменения в различия между муниципалитетами по

¹ Ситуации с обеспеченностью жильем по муниципалитетам Калининградской области отдельное внимание уделялось в [41].

их вкладу в общеобластной показатель, но их масштабы примерно соответствуют ежегодным колебаниям, поэтому не всегда могут быть однозначно объяснены спецификой именно «ковидного» кризиса. При этом падение абсолютных объемов налогооблагаемых денежных доходов было только в 2020 г. в Светлогорском ГО (в силу очевидных проблем с притоком отдыхающих) и специализирующемся на АПК Полесском МО — на 2 и 4 % соответственно.

Таблица 2

**Население и налогооблагаемые денежные доходы физических лиц
и индивидуальных предпринимателей в Ленинградской области**

Муниципальное образование	Население			Налогооблагаемые денежные доходы					
	Тыс. чел.	Доля, %	Городское, %	Доля в области, %				% от среднего	
				2012	2019	2020	2021	2012	2021
	На 01.01.2023								
Бокситогорский МР	51,0	2,52	77,0	2,44	2,40	2,33	2,08	77,7	80,1
Волосовский МР	50,2	2,48	23,2	1,80	1,47	1,45	2,98	60,0	106,1
Волховский МР	79,4	3,92	72,5	4,60	3,82	3,56	3,50	81,2	74,3
Всеволожский МР	554,3	27,39	71,0	18,77	24,71	27,54	27,42	116,2	102,7
Выборгский МР	195,4	9,65	64,6	14,47	11,90	12,08	10,30	118,0	97,0
Гатчинский МР	261,9	12,94	59,2	11,03	11,19	11,21	12,30	77,1	97,5
Кингисеппский МР	83,8	4,14	70,0	6,68	8,69	7,79	8,29	141,3	208,2
Киришский МР	59,9	2,96	88,3	7,16	4,83	4,50	3,99	185,4	121,2
Кировский МР	108,5	5,36	89,4	5,78	5,35	4,94	5,48	93,5	95,4
Лодейнопольский МР	27,5	1,36	71,1	1,48	1,04	1,02	1,00	82,1	66,8
Ломоносовский МР	85,3	4,22	23,1	5,10	5,75	5,83	6,05	121,8	138,7
Лужский МР	75,3	3,72	53,6	3,44	2,65	2,53	2,45	74,4	65,7
Подпорожский МР	25,5	1,26	89,5	1,77	1,03	1,01	1,05	94,7	72,1
Приозерский МР	57,0	2,82	39,3	3,12	2,47	2,36	2,27	83,2	69,8
Сланцевский МР	45,2	2,23	75,5	1,67	1,37	1,35	1,39	64,2	60,9
Тихвинский МР	66,3	3,27	81,9	4,41	4,91	4,27	3,57	104,1	96,3
Тосненский МР	133,1	6,58	65,9	6,27	6,44	6,23	5,87	82,3	88,2
Сосновоборский ГО	64,1	3,17	100,0	7,78	7,22	6,92	6,00	194,5	165,7
<i>Всего</i>	2023,8	100,0	67,2	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: данные БД ПМО Росстата и расчеты автора на их основе.

В Ленинградской области масштабы межмуниципальных различий по душевым доходам за период 2012—2021 гг. не претерпели кардинальных изменений (табл. 2), но позиции отдельных муниципалитетов поменялись, при этом у 11 их относительное положение ухудшилось и только у 6 — улучшилось. Ключевое место по масштабу экономики в области в последние годы занимает Всеволожский МР, численность населения которого с начала 2012 г. и до конца 2022 г. выросла более чем в 2 раза (в этом пригороде Санкт-Петербурга есть станция метро, и это стабильный лидер по объему жилищного строительства в области с максимальной долей в его общеобластных объемах в 69 % в 2017 г.). Но душевой показатель доходов у Всеволожского МР лишь немного выше среднеобластного уровня (в силу маятниковой миграции и отсутствия наиболее высокодоходных производств). Немного сократился отрыв по душевым доходам Сосновоборского ГО, на первом месте его заменил Кингисеппский МР с целым рядом крупных промышленных предприятий и портовым хозяйством Усть-Луги. В целом позиции муниципалитетов определяются специализацией их производств¹ и могут год от года меняться в силу

¹ Моногорода и муниципальные районы Ленинградской области, *Инвестиционный портал Ленинградской области*, URL: https://lenoblinvest.ru/o-regione/monogoroda_i_rajony/ (дата обращения: 19.07.2023).

изменения конъюнктуры в той или иной отрасли. Примечательно ухудшение позиций в наибольшей степени ориентированного на приграничные связи с Финляндией Выборгского МР, причем именно с 2014 г. и, наоборот, резкий рост доходов в основном сельскохозяйственном районе области — Волосовском. Произошел этот рост только в 2021 г., при этом в абсолютном выражении доходы увеличились почти в 2,4 раза, скорее всего, за счет реализации в районе крупных промышленных инвестпроектов. Влияние «ковидного» кризиса на муниципалитеты Ленобласти вообще не прослеживается. Абсолютные объемы доходов почти повсеместно росли, падение (причем речь о фактических ценах) имело место в 2021 г. в Выборгском МР (на 2 %) и два года подряд в Тихвинском МР (на 1,5 % в 2020 г. и почти на 4 % в 2021 г.).

Более «чувствительным» к изменениям экономической ситуации, как уже было сказано, является показатель выручки компаний, данные по которой есть и за 2022 г. (табл. 3, 4). Если сравнивать два кризиса — «ковидный» 2020 г. и «санкционный» 2022 г., то оказывается, что в Калининградской области в целом падение выручки было только в 2022 г., тогда как в Ленинградской — только в 2020 г. Общим для обоих регионов было то, что экономическая динамика по разным муниципалитетам во все годы была разнонаправленной и часто нестабильной (отчасти это может объясняться и неравномерностью распределения выручки по годам при относительно стабильном производстве).

Таблица 3

**Выручка компаний всех отраслей по муниципальным образованиям
Калининградской области**

Муниципальное образование	Доля в общем объеме выручки по области, %				Динамика по отношению к предыдущему году, %			
	2019	2020	2021	2022	2019	2020	2021	2022
Калининград	68,02	72,01	74,38	66,24	111,4	127,2	147,6	68,1
Багратионовский МО	0,88	0,90	0,65	0,84	121,1	123,2	102,5	99,4
Балтийский ГО	0,42	0,35	0,26	0,23	90,8	100,5	106,2	65,5
Гвардейский МО	0,87	0,91	0,53	0,78	115,6	125,5	82,5	113,0
Гурьевский МО	9,86	5,96	4,65	6,46	162,6	72,6	111,6	106,2
Гусевский ГО	0,53	0,44	0,40	0,57	66,1	99,4	132,3	107,1
Зеленоградский МО	1,66	1,34	1,12	1,57	109,2	97,0	119,8	93,7
Краснознаменский МО	0,08	0,05	0,05	0,05	109,3	76,7	129,0	76,1
Ладушкинский ГО	0,07	0,06	0,04	0,06	99,3	99,2	87,4	135,2
Мамоновский ГО	0,16	0,09	0,04	0,05	133,0	68,9	66,5	82,0
Неманский МО	0,16	0,16	0,09	0,17	148,7	120,4	85,7	142,2
Нестеровский МО	0,17	0,16	0,09	0,10	110,5	114,3	82,0	82,7
Озерский МО	0,11	0,14	0,10	0,11	117,0	149,0	97,1	86,0
Пионерский ГО	0,28	0,23	0,18	0,18	109,9	98,6	112,4	78,0
Полесский МО	0,29	0,29	0,28	0,49	89,3	120,0	138,1	134,9
Правдинский МО	0,56	0,58	0,62	1,23	83,3	123,5	152,8	152,0
Светловский ГО	11,07	12,15	13,17	16,73	90,0	131,9	154,8	97,2
Светлогорский ГО	0,44	0,36	0,33	0,51	106,3	97,8	131,2	119,8
Славский МО	0,29	0,25	0,24	0,32	133,4	103,1	141,1	99,7
Советский ГО	1,84	1,57	1,31	1,69	113,7	102,8	119,0	99,1
Черняховский МО	2,00	1,81	1,30	1,59	109,3	108,6	102,9	93,3
Янтарный ГО	0,25	0,19	0,17	0,24	108,6	91,6	126,4	105,7
<i>Всего</i>	100,0	100,0	100,0	100,0	111,3	120,1	142,9	76,5

Источник: расчеты автора по данным «СПАРК-Интерфакс»¹.

¹ Статистика, СПАРК-Интерфакс, URL: <https://spark-interfax.ru/statistics> (дата обращения: 16.07.2023).

В Калининградской области по выручке Калининград играет ведущую роль во всех сферах экономики с долей более 50 %, за исключением сельского хозяйства. Это связано как с традиционным сосредоточением в административном центре региона сферы услуг (как бюджетных учреждений социальной сферы, так и коммерческого сектора), регистрацией в городе компаний, работающих и за его пределами (на Калининград приходится в разные годы около 75—80 % выручки по добыче полезных ископаемых — это шельфовая добыча нефти «ЛУКойла», более 90 % выручки по рыболовству и рыбоводству, вся выручка по финансовой и страховой деятельности), так и с наличием ряда крупных промышленных предприятий (одной из крупнейших компаний области — автосборочного предприятия «Автотор», Калининградской ТЭЦ-2 — доля Калининграда в выручке по энергетике составляет 85—90 %). Специализация на автопроме стала одним из факторов значимого падения выручки в 2022 г. в обрабатывающих производствах — более чем на 50 %.

Структура выручки по муниципальным образованиям заметно различается, отражая их специфику, и нестабильна по годам. Лидером по доле сельского хозяйства в выручке является Озерский МО, где она в 2020—2021 гг. превышала 75 %; выше 50 % в отдельные годы показатель был в Нестеровском, Полесском, Правдинском, Славском МО. Добыча полезных ископаемых в структуре выручки играет значимую роль только в Янтарном ГО, где ведется добыча янтаря. Обрабатывающие производства наибольшую долю (более $\frac{2}{3}$ выручки) занимают в Багратионовском МО и Советском ГО, минимальную (в последние три года порядка 2 %) — в Янтарном, немного выше показатель (6,3—6,4 % в 2022 г.) — в Краснознаменском и Озерском МО. Наибольшая роль выручки по разделу «Транспортировка и хранение» ожидаемо характерна для Балтийского ГО (20—25 %), выделяются также Ладушкинский ГО и Черняховский МО (в 2022 г. — 15—16 %). Наихудшая ситуация в Балтийском ГО по динамике выручки в 2022 г. связана с ее падением как по названному сектору (почти на 50 %), так и в обрабатывающей промышленности — почти на 70 % (основным производственным предприятием муниципалитета является судоремонтный завод), доля этого вида деятельности в выручке в Балтийском ГО и так сокращалась — с 45 % в 2018 г. до 39 % в 2021 г., но в 2022 г. кардинально — до 18 %.

Особенностью Калининградской области стал резкий рост в 2020 г. доли в выручке раздела «Финансы и страхование» — до 16,0 %, в 2021 г. показатель составил 25,5 %, в 2022 г. — 14,2 %, что связано, по всей видимости, с активизацией роли созданного в 2018 г. в области Специального административного района (САР) на о. Октябрьский, входящего в состав Калининграда. В самом Калининграде доля этого вида деятельности в выручке в 2020 и 2022 гг. была около 22 %, что в полной мере компенсировало четырехпроцентное падение в обрабатывающей промышленности в «ковидный» год и смягчило спад производства в «санкционный». Другой похожий пример, но уже локального значения — постепенное возрастание в Зеленоградском МО доли в выручке раздела «Культура и спорт» — с 16,3 % в 2018 г. до 34,5 % в 2022 г.; именно в этом районе создана одна из четырех российских игорных зон.

В целом по Калининградской области появление САР, дополненное проблемами 2022 г. (усугубленными на общероссийском фоне эксклавым положением региона), привело к постепенному падению доли в выручке обрабатывающих производств — с 40 % в 2018 г. до 26,5 % в 2022 г. В последний год заметно — сразу на 10 п. п. — выросла доля торговли — до 33,4 % (правда, показатель 2021 г. был минимальным за рассматриваемые пять лет).

В Калининградской области доли муниципалитетов в общей по региону выручке примерно соответствуют их долям в доходах (табл. 1, 3), в Ленинградской

области расхождения гораздо заметнее (табл. 2, 4), что, скорее всего, является следствием разнообразия в специализации территорий: при наличии высокодоходных, связанных преимущественно с сырьевыми отраслями предприятий доля муниципалитета в выручке заметно превышает долю в доходах населения, при доминировании низкодоходных — наоборот. Так, в Кингисеппском МР (с наиболее высоким уровнем душевых доходов населения и при этом занимающем 4 место в области по доле в доходах и 2 место по выручке) крупнейшие по выручке компании — «НО-ВАТЭК-Усть-Луга», «Фосфорит», «Усть-Луга Ойл», «Еврохим СЗ»; в Ломоносовском МР крупнейшей является табачная «Филип Моррис Ижора».

Таблица 4

**Выручка компаний всех отраслей
по муниципальным образованиям Ленинградской области**

Муниципальное образование	Доля в общем объеме выручки по области, %				Динамика по отношению к предыдущему году, %			
	2019	2020	2021	2022	2019	2020	2021	2022
Бокситогорский МР	1,43	1,45	1,11	0,36	101,7	94,0	91,9	36,2
Волосовский МР	0,61	0,78	0,72	0,71	115,8	118,5	111,9	109,4
Волховский МР	1,18	1,33	1,10	0,75	85,4	104,0	99,5	76,2
Всеволожский МР	23,30	25,18	24,10	24,26	96,4	99,9	114,8	112,0
Выборгский МР	7,39	7,48	7,66	7,87	104,2	93,7	122,7	114,4
Гатчинский МР	11,74	11,58	12,20	14,32	119,9	91,2	126,4	130,6
Кингисеппский МР	15,37	13,06	18,22	19,91	103,1	78,6	167,2	121,6
Киришский МР	4,22	4,29	2,60	2,68	76,5	94,0	72,8	114,6
Кировский МР	5,22	5,66	5,18	4,89	100,3	100,4	109,7	105,0
Лодейнопольский МР	0,24	0,28	0,30	0,27	99,6	109,2	128,2	100,9
Ломоносовский МР	12,54	14,27	14,01	12,46	102,8	105,3	117,7	99,0
Лужский МР	1,07	1,26	0,82	0,87	98,5	109,7	78,0	117,3
Подпорожский МР	0,55	0,53	0,62	0,27	110,9	88,6	140,3	48,1
Приозерский МР	1,36	1,23	1,25	1,37	98,0	83,6	121,4	122,3
Сланцевский МР	0,68	0,84	0,98	1,17	89,0	114,6	140,0	131,9
Тихвинский МР	4,68	3,96	3,52	2,25	112,2	78,2	106,5	71,1
Тосненский МР	6,40	4,72	4,15	4,36	91,4	68,1	105,4	117,1
Сосновоборский ГО	2,02	2,09	1,45	1,23	114,5	96,1	82,9	94,4
<i>Всего</i>	100,0	100,0	100,0	100,0	100,9	92,5	119,9	111,3

Источник: расчеты автора по данным «СПАРК-Интерфакс»¹.

Ленинградская область, по сравнению с Калининградской, более промышленная, здесь доля обрабатывающих производств в выручке была около 48—50 % в 2018—2021 гг. и немного снизилась — до 47 % — в 2022 г. Лидерами по этому показателю являются Тихвинский МР (крупнейшее предприятие — «Тихвинский вагоностроительный завод»), здесь доля обрабатывающих производств даже на фоне заметного спада осталась в 2022 г. выше 80 % (а до этого достигала 85,5 %); еще выше — на уровне 88—89 % — в 2020—2021 гг. показатель был в Бокситогорском МР, где находится хорошо известный моногород Пикалёво, но сократился в 2022 г. до 63 %. До 77—78 % в последние два года доля обрабатывающих производств в выручке выросла в Кингисеппском МР, на уровне около 65 % стабильно находится в Ломоносовском МР.

Роль добычи полезных ископаемых в Ленинградской области, как и в Калининградской, невелика, значима только для Приозерского МР (увеличившись с 32 % в 2020—2021 гг. до 41 % в 2022 г.) — здесь есть ресурсы для промышленности

¹ Статистика, СПАРК-Интерфакс, URL: <https://spark-interfax.ru/statistics> (дата обращения: 16.07.2023).

стройматериалов, выделяется также Подпорожский МР (6 и 17% в те же годы). Доля обрабатывающих производств в Приозерском МР минимальна — менее 10% в 2022 г. при 14—17% в предшествующие четыре года.

Можно также отметить, что в обоих регионах — и Калининградской, и Ленинградской областях — в число муниципалитетов с наибольшим падением выручки (и в «ковидном» 2020 г., и в «санкционном» 2022 г.) попали наиболее периферийные, с пониженным уровнем экономического развития Краснознаменский МР и Подпорожский МР.

Для оценки роли малого бизнеса в экономике муниципалитетов (табл. 5, 6) мы, как было сказано выше, совмещаем данные Росстата по крупным и средним организациям и налоговой отчетности; при этом надо делать поправку на то, что доля малого бизнеса в фонде оплаты труда будет несколько заниженной из-за невозможности учитывать личные доходы ИП, использующих специальные налоговые режимы, но, как видно из приводимых данных, доля таких ИП в общей занятости невелика — в среднем 6—7%, максимум по отдельным муниципалитетам — менее 10%.

Таблица 5

**Оценка роли малого бизнеса
в экономике муниципальных образований Калининградской области**

Муниципальное образование	Доля малого бизнеса в занятости*, %		Доля малого бизнеса в фонде оплаты труда*, %		Доля ИП, использующих специальные налоговые режимы, в занятости, %		Отношение доходов ИП, использующих специальные налоговые режимы, к сумме этих доходов и выручки компаний, %	
	2021	2022	2021	2022	2021	2022	2021	2022
Калининград	58,6	57,3	31,0	28,7	6,4	7,0	5,1	8,0
Багратионовский МО	61,1	59,6	31,5	29,2	5,1	4,9	11,8	11,7
Балтийский ГО	30,7	32,9	3,8	5,6	4,6	5,1	20,0	26,5
Гвардейский МО	66,7	69,5	42,4	42,3	4,8	5,3	12,5	13,3
Гурьевский МО	70,0	72,8	39,4	41,5	8,2	7,7	12,6	12,7
Гусевский ГО	49,8	52,6	26,2	26,3	5,5	4,8	12,6	15,5
Зеленоградский МО	66,8	65,5	35,9	33,5	7,6	8,2	15,7	18,8
Краснознаменский МО	68,3	64,7	39,3	21,7	6,9	6,6	20,4	28,6
Ладужинский ГО	69,2	72,4	42,6	46,0	8,3	7,1	15,9	13,7
Мамоновский ГО	64,9	64,1	39,6	41,7	8,0	8,5	22,7	36,4
Неманский МО	59,7	60,5	27,9	25,9	6,5	6,4	23,3	23,9
Нестеровский МО	60,2	59,6	30,0	29,7	4,5	4,4	23,5	28,5
Озерский МО	51,2	52,9	20,3	21,8	4,1	3,7	15,9	17,0
Пионерский ГО	51,7	53,6	17,3	18,9	6,9	7,2	20,1	31,0
Полесский МО	70,4	69,7	52,5	50,3	6,0	6,0	12,1	10,9
Правдинский МО	46,9	42,5	2,4	<0	5,9	5,5	6,4	4,9
Светловский ГО	59,8	61,7	29,6	27,4	3,5	3,5	0,8	0,9
Светлогорский ГО	62,2	65,1	28,8	29,4	7,5	8,0	24,6	23,4
Славский МО	61,0	63,0	37,9	39,2	5,7	5,7	12,5	14,7
Советский ГО	53,3	55,0	24,8	24,4	6,0	5,6	7,2	7,4
Черняховский МО	63,5	64,3	43,7	41,0	5,8	5,6	6,7	8,9
Янтарный ГО	51,4	55,5	14,4	21,3	3,5	7,2	11,3	14,6
<i>Всего</i>	59,2	59,1	31,1	29,5	6,3	6,7	5,5	7,8

Примечание: * Малый бизнес определен условно — по разнице между данными ФНС по всем налогоплательщикам и данными Росстата по крупным и средним предприятиям.

Источник: расчеты автора по данным БД ПМО Росстата и ФНС.

Таблица 6

**Оценка роли малого бизнеса в экономике
муниципальных образований Ленинградской области, данные 2022 г.**

Муниципальное образование	Доля малого бизнеса* в занятости, %	Доля малого бизнеса* в фонде оплаты труда, %	Доля ИП, использующих специальные налоговые режимы, в занятости, %	Отношение доходов ИП, использующих специальные налоговые режимы, к сумме этих доходов и выручки компаний, %
Бокситогорский МР	48,3	19,0	4,3	31,8
Волосовский МР	58,8	29,6	6,1	20,6
Волховский МР	47,1	18,9	3,9	21,2
Всеволожский МР	65,8	33,6	6,8	12,2
Выборгский МР	52,6	21,7	5,8	7,9
Гатчинский МР	47,7	7,0	6,7	7,3
Кингисеппский МР	60,2	21,6	3,6	1,6
Киришский МР	41,2	15,9	4,2	5,8
Кировский МР	52,7	15,9	9,8	8,2
Лодейнопольский МР	53,4	29,1	5,7	22,8
Ломоносовский МР	61,6	28,0	4,8	4,1
Лужский МР	58,5	45,4	6,0	20,1
Подпорожский МР	64,1	42,3	5,0	23,9
Приозерский МР	57,6	30,2	5,1	14,4
Сланцевский МР	66,6	21,9	4,9	12,6
Тихвинский МР	43,2	15,3	4,4	8,9
Тосненский МР	54,7	26,8	4,7	8,3
Сосновоборский ГО	52,0	5,9	2,4	15,2
<i>Всего</i>	56,1	22,8	5,6	8,1

Примечание: * Малый бизнес определен условно — по разнице между данными ФНС по всем налогоплательщикам и данными Росстата по крупным и средним предприятиям.

Источник: расчеты автора по данным БД ПМО Росстата и ФНС.

На основе полученных результатов можно сделать ряд выводов. Прежде всего об учете в муниципальной статистике Росстата по крупным и средним организациям заведомо меньше половины занятых, что расходится с существующими оценками роли малого бизнеса в российской экономике (впрочем, тоже неоднозначными). В этом случае погрешности статистики связаны именно с Росстатом, поскольку численность занятых на основе данных ФНС близка к показателям, которые публикуются по рассматриваемым областям как субъектам РФ. При этом данные Росстата, очевидно, отражают занятость в бюджетном секторе, например в Балтийском ГО (это база Военно-морского флота России) на раздел «Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение» в 2019—2022 гг. приходилось 51—52 % занятых на крупных и средних предприятиях. В Калининграде на этот же раздел приходится около 16 % занятых, на образование и здравоохранение — по 12—13 %. В Ленинградской области в целом рассчитанную нами повышенную, по сравнению с Ленинградской, долю занятых в малом бизнесе можно объяснить более высокой долей сферы услуг. При сравнении муниципалитетов можно исходить из предположения, что качество статистики Росстата по ним примерно одинаковое.

По статистике существует большой перекося между ролью малого бизнеса в занятости и фонде оплаты труда (данные по занятости и фонду оплаты труда сопоставимы, поскольку публикуются по одному кругу предприятий). Причем в Ле-

нинградской области этот перекоп является более значимым и, очевидно, не списываемым на недоучет доходов ИП, использующих специальные налоговые режимы. Объяснений подобного рода ситуации может быть два. Первое — масштабный теневой сектор именно в малом бизнесе. Второе — заметно более низкие доходы в малом бизнесе, что может быть свидетельством того, что малый бизнес в России — это не столько прогрессивный сектор экономики, сколько способ выживания там, где нет других рабочих мест. Скорее всего, на практике имеет место сочетание двух названных обстоятельств.

Однозначные закономерности в дифференциации муниципалитетов по роли малого бизнеса в их экономике выделить довольно сложно, возможны разные варианты (скорее всего, в силу различий в характере малого бизнеса). Так, в муниципалитетах с повышенным уровнем экономического развития роль малого бизнеса может быть как повышенной, так и пониженной. Повышенной, по всей видимости, когда малый бизнес развивается, имея спрос на свою деятельность, пониженной — когда не остается большого числа свободных рук из-за высокой доли занятости в крупных организациях (или в силу специфики их деятельности, далекой от бизнеса, как, скорее всего, в случае Балтийского или Сосновоборского ГО). Аналогично складывается ситуация и с муниципалитетами с пониженным уровнем экономического развития. В них роль малого бизнеса может быть повышенной, если он выполняет определенную компенсационную роль, давая рабочие места в отсутствие крупных благополучных предприятий. Пониженной — когда низкий уровень доходов местного населения не позволяет развиваться рассчитанному на обслуживание этого населения бизнесу.

Сказанное подтверждается и соотношением динамики выручки и доходов ИП — есть данные по доходам ИП, использующих «упрощенку», по Калининградской области. В целом по области доходы таких ИП за период 2019—2022 гг. росли более быстрыми темпами, чем выручка, рост был и в 2022 г., то есть имела место стабилизирующая роль малого бизнеса. Но по отдельным муниципалитетам ситуация была разной — если, например, в Калининграде тоже был рост доходов ИП в 2022 г., то в Балтийском ГО наблюдался максимальный среди всех муниципалитетов спад (более чем на 15 %).

Неоднозначна и ситуация с зависимостью развития малого бизнеса от соотношения городов и сельской местности. С одной стороны, Калининград как «столица» региона отнюдь не выделяется на фоне других муниципалитетов по роли малого бизнеса, с другой — эта роль повышена в основных пригородных муниципалитетах обеих областей (Гурьевском МО и Всеволожском МР). В Калининградской области повышенная доля ИП в занятых характерна все-таки для городских округов, а в Ленинградской — для пригородных муниципалитетов: не только Всеволожского, но и даже в большей степени Кировского, а также Гатчинского.

Выводы

Проведенное нами исследование показывает, что на сегодняшний день возможности для оценки экономического развития муниципальных образований не столь уж малые данные бухгалтерской, налоговой отчетности могут предоставить значительный пласт информации в дополнение к данным Росстата. Другое дело, что самими федеральными ведомствами данные налоговой отчетности никак не обобщаются, и исследователям приходится решать весьма трудоемкую задачу их агрегирования. Позитивные подвижки в данном направлении происходят — Росстат стал публиковать данные бухгалтерской отчетности, ФНС начала рассчитывать интегральные данные по муниципальным районам (по крайней мере в Ленинград-

ской области), хотя пока они есть в очень ограниченных объемах и далеко не по всем важным показателям. Соответственно, необходимо дальнейшее продвижение в этом направлении, в том числе и в интересах самих органов государственной власти, поскольку агрегирование и обобщение данных из разнообразных источников информации позволит по меньшей мере повысить ее достоверность.

С практической точки зрения расширение возможностей для анализа экономического развития муниципалитетов станет информационной основой как для федеральной политики пространственного развития (о необходимости этого говорилось в [1]), так и для пространственной политики региональных органов власти. Как было показано в [42], на сегодняшний день в принятых в субъектах РФ стратегиях их социально-экономического развития пространственной проблематике внимание уделяется, однако преимущественно с точки зрения обеспечения интересов развития регионов в целом, а не отдельных их муниципалитетов.

Проведенный нами анализ подтвердил, что учет специфики отдельно взятых муниципалитетов в государственной экономической политике необходим, поскольку динамика их развития неравномерна, проявления кризиса часто носят локальный характер. Кроме того, анализ ситуации на уровне муниципалитетов позволяет лучше понять ряд закономерностей экономического развития, в частности в отношении малого бизнеса.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00180 «Поливариантность детерминант и трендов экономической динамики муниципальных образований России: концептуализация, идентификация и типологизация в интересах государственного регулирования пространственного развития») в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН.

The research is done under the grant of the Russian Science Foundation (project № 23-18-00180 “Multivariaty of determinants and trends of economic dynamics of Russian municipalities: conceptualization, identification and typologization in the interests of state regulation of spatial development”) in the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences.

Список литературы

1. Кузнецова, О. В. 2022, Развитие муниципальной проблематики в государственной пространственной политике России, *Региональные исследования*, № 2, с. 16—24, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2022-2-2>
2. Кузнецова, О. В., Бабкин, Р. А. 2021, Типология муниципальных образований для мониторинга их социально-экономического развития, *Федерализм*, № 4, с. 35—53, <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2021-4-35-53>
3. Кузнецова, О. В. 2022, Трансформация пространственной структуры экономики в кризисные и посткризисные периоды, *Регион: экономика и социология*, № 2, с. 33—57, <https://doi.org/10.15372/REG20220202>
4. Федоров, Г. М. (ред.). 2021, *Вызовы и перспективы развития Калининградской области: геополитика и геоэкономика*, Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта. EDN: DUBKAW
5. Космачева, Н. М. (ред.). 2018, *Вопросы управления социально-экономическим развитием Ленинградской области*, СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина. EDN: YNTFGP
6. Бугаев, М. А. 2015, Маятниковые миграции на рынке труда Санкт-Петербурга и Ленинградской области, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*, № 4, с. 86—116. EDN: VJIOJD
7. Дегусарова, В. С., Мартынов, В. Л., Сазонова, И. Е. 2018, Геодемографические особенности пригородной зоны Санкт-Петербурга, *Балтийский регион*, т. 10, № 3, с. 19—40, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-3-2>

8. Житин, Д. В. 2021, Социальная дифференциация в пригородной зоне Санкт-Петербурга, *Настоящее и будущее России в меняющемся Мире: общественно-географический анализ и прогноз, Материалы международной конференции*, с. 440—449. EDN: EHLLHK
9. Житин, Д. В. 2022, Особенности развития территории различного функционального типа в Санкт-Петербургской городской агломерации, *Тенденции пространственного развития современной России и приоритеты его регулирования*, Материалы международной конференции, с. 546—552. EDN: DQGNKO
10. Олифир, Д. И. 2023, Пространственная дифференциация социально-экономического развития Санкт-Петербургской агломерации, *Проблемы прогнозирования*, № 1, с. 65—77, <https://doi.org/10.47711/0868-6351-196-65-77>
11. Овсипян, М. В. 2018, Проблемы развития Санкт-Петербургской агломерации, *Проблемы развития территории*, № 4 (96), с. 72—86, <https://doi.org/10.15838/ptd.2018.4.96.5>
12. Кузнецов, С. В., Лосин, Л. А. (ред.). 2022, *Санкт-Петербургская агломерация: этапы формирования и перспективы развития*, СПб. : ГУАП. EDN: UJKKCI
13. Дружинин, А. Г., Лачининский, С. С., Шендрик, А. В. 2018, Экономическая и сельтебная динамика поселений Ленинградской области: влияние факторов трансграничной кластеризации, *Известия Русского географического общества*, т. 150, № 3, с. 12—27. EDN: XNGLXV
14. Кузнецов, С. В., Лачининский, С. С., Шендрик, А. В. 2017, Экономическая динамика городских поселений Ленинградской области, *Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития*, № 3-4, с. 76—85. EDN: XQZHOX
15. Анохин, А. А., Шелест, К. Д., Тихонова, М. А. 2019, Тенденции динамики численности населения и устойчивость социально-экономического развития городов Северо-Западного федерального округа, *Балтийский регион*, т. 11, № 4, с. 36—57, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-4-3>
16. Гуменюк, И. С., Юстратова, В. О. 2021, Трансформация системы расселения в Калининградской области, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки*, № 3, с. 31—41. EDN: JPDFQE
17. Кузнецова, Т. Ю. 2016, Геодемографическая типология муниципальных образований Калининградской области, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки*, № 1, с. 15—27. EDN: VXCYIV
18. Кузнецова, Т. Ю., Сибирева, Н. И. 2020, Экономико-демографические различия муниципальных образований Калининградской области, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки*, № 1, с. 43—55. EDN: EKZTFG
19. Межевич, Н. М., Олифир, Д. И. 2023, Сравнительный анализ территориального опорного каркаса расселения в приморских регионах (на примере Санкт-Петербургского региона и Калининградской области), *Балтийский регион*, т. 15, № 2, с. 23—40, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-2-2>
20. Старкова, Н. В. 2007, Особенности демографического развития районов Ленинградской области, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 7. Геология. География*, вып. 7, с. 87—97. EDN: RTTJSR
21. Федоров, Г. М. (ред.). 2022, *Калининградское село в начале XXI века: производство, расселение, социальные инновации*, Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта. EDN: XZXPWR
22. Морачевская, К. А., Лыжина, Е. А. 2021, Территориально-отраслевая структура сельского хозяйства и производства продуктов питания в Ленинградской области в 2010-х гг., *Известия Русского географического общества*, т. 153, № 2, с. 30—45, <https://doi.org/10.31857/S0869607121020051>
23. Кропинова, Е. Г., Митрофанова, А. В. 2022, Актуализация подходов к районированию и зонированию туристских территорий для целей пространственного планирования и проектирования туристской деятельности, *Географический вестник*, № 4, с. 135—148, <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2022-4-135-148>
24. Дружинин, А. Г., Лачининский, С. С. 2015, «Приморский фактор» в социально-экономическом развитии территории (на материалах Кингисеппского муниципального района Ленинградской области), *Янтарный мост. Журнал региональных исследований*, № 3, с. 22—45. EDN: UTEGLJ

25. Дружинин, А. Г., Лялина, А. В. 2020, Приморские муниципалитеты России: концептуализация, идентификация, типологизация, *Геополитика и экогеодинамика регионов*, т. 6, № 2, с. 20—35. EDN: LPVNCG
26. Дружинин, А. Г. (ред.). 2018, *Приморские зоны России на Балтике: факторы, особенности, перспективы и стратегии трансграничной кластеризации*, М. : «ИНФРА-М». EDN: YASJUT
27. Федоров, Г. М., Кузнецова, Т. Ю., Разумовский, В. М. 2017, Влияние близости моря на развитие экономики и расселения Калининградской области, *Известия Русского географического общества*, т. 149, № 3, с. 15—31. EDN: YSLLEV
28. Лачининский, С. С., Шендрик, А. В., Васильева, В. А. 2020, Судостроительная отрасль в Северо-Западном федеральном округе: факторы и приоритеты развития, особенности локализации, *Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития*, № 2—3, с. 134—140. EDN: BEPALZ
29. Федоров, Г. М., Киндер, С., Кузнецова, Т. Ю. 2021, О роли географического положения и изменениях занятости в динамике сельского расселения, *Балтийский регион*, т. 13, № 4, с. 129—146, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-4-8>
30. Лялина, А. В. 2020, Внутрорегиональная дифференциация Калининградской области по уровню жизни: тенденции и проблемы, Балтийский регион — регион сотрудничества. *Регионы в условиях глобальных изменений*, Международная конференция, с. 281—295. EDN: XINNCK
31. Сабурин, А. А. 2021, Социально-экономическое развитие сельских территорий юго-востока Калининградской области, *Проблемы региональной экологии*, № 6, с. 79—84, <https://doi.org/10.24412/1728-323X-2021-6-79-84>
32. Сабурин, А. А. 2021, Специфика экономического развития юго-востока Калининградской области, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки*, № 4, с. 16—24. EDN: YYCHRV
33. Свириденко, М. В. 2015, Проблемы модернизации экономики муниципальных образований Ленинградской области с монопрофильной структурой хозяйства, *Ученые записки Санкт-Петербургского университета управления и экономики*, № 4, с. 58—64. EDN: SVDWUG
34. Михайлова, А. А. 2021, О факторах цифровизации экономики муниципалитетов на примере Калининградской области, Настоящее и будущее России в меняющемся Мире: общественно-географический анализ и прогноз, Материалы международной конференции, с. 731—736. EDN: QEPIRQ
35. Михайлова, А. А. 2021, Роль цифровых инноваций в развитии сельских территорий, *Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика*, Материалы международной конференции, с. 141—151. EDN: AADSLY
36. Кузнецова, О. В. 2023, Новые закономерности в современной динамике социально-экономического развития регионов России, *Региональные исследования*, № 1, с. 19—30, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2023-1-2>
37. Федоров, Г. М. 2022, Экономика регионов России на Балтике: уровень и динамика развития, структура, внешнеторговые партнерства, *Балтийский регион*, т. 14, № 4, с. 20—38, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-2>
38. Андреева, Е. Л., Ратнер, А. В., Мыслякова, Ю. Г., Глухих, П. Л. 2018, Внешнеэкономический фактор развития регионов Северо-Запада: оценка влияния и специфика институционального обеспечения, *Балтийский регион*, т. 10, № 1, с. 19—36, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2018-1-2>
39. Дмитриев, М. Э., Чистяков, П. А., Ромашина, А. А. 2020, Апробация методологии оценки муниципальной валовой добавленной стоимости, *Проблемы прогнозирования*, № 1, с. 49—59. EDN: LVZELZ
40. Гуменюк, И. С. 2022, К вопросу о динамике экономической активности и ее влиянии на бюджетную устойчивость муниципальных образований Калининградской области, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки*, № 1, с. 44—56. EDN: GEJDDR

41. Ланская, Т. М. 2017, Неравномерное развитие административно-территориальных образований как угроза экономической безопасности Калининградской области, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки*, № 3, с. 37–45. EDN: YLJERQ

42. Суворова, А. В. 2020, Модели пространственной организации социально-экономических систем: опыт региональных стратегий развития, *Экономика и управление*, т. 26, № 10, с. 1092–1101, <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-10-1092-1101>

Об авторе

Ольга Владимировна Кузнецова, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, Россия.

E-mail: kouznetsova_olga@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4341-0934>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

THE MODERN ECONOMY OF RUSSIA'S BALTIC REGIONS IN THE MUNICIPAL CONTEXT

O. V. Kuznetsova

Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences,
47 Nakhimovsky Ave., Moscow 117418, Russia

Received 09 August 2023

Accepted 11 October 2023

doi: 10.5922/2079-8555-2023-4-8

© Kuznetsova, O. V., 2023

This article analyses the differentiation of municipalities at the municipal and urban district levels in the Kaliningrad and Leningrad regions based on their economic development and the response of their economies to the crises of 2020 and 2022. Emphasis is placed on the possibilities of conducting such assessments by merging Rosstat statistics with publicly available accounting and tax reporting data from the Federal Tax Service. The contribution also assesses the role of small businesses in municipal economies and their effect on employment, income levels of the population, and business activities. It is shown that over the ten years from 2012 to 2021, municipalities in the Kaliningrad region became more homogeneous in terms of the level of taxable income for individuals and individual entrepreneurs. In contrast, in the Leningrad Region, the level of differentiation remained unchanged, albeit with diverse income trends across municipalities.

The study highlights municipalities' specialization as a factor influencing changes in local companies' revenue, particularly in 2022. The research illustrates that small businesses have a significantly smaller impact on the official income of the population compared to their role in employment. Furthermore, there are no discernible patterns in how municipalities differentiate based on the contribution of small businesses, as this can vary depending on the local economic development level and the ratio of urban to rural population. In particular, the decline of small businesses is noticeable in regions with high incomes and abundant employment

To cite this article: Kuznetsova, O. V. 2023, The modern economy of Russia's Baltic regions in the municipal context, *Baltic region*, vol. 15, № 4, p. 142–164. doi: 10.5922/2079-8555-2023-4-8

opportunities at large organizations. This trend is also observed in economically challenged peripheral areas characterized by low demand for the products and services provided by small businesses.

Keywords:

municipalities, Kaliningrad region, Leningrad region, Rosstat statistics, accounting, tax reporting, state policy

References

1. Kuznetsova, O. V. 2022, Development of municipal issues in the state spatial policy of Russia, *Regional Research*, № 2, p. 16—24, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2022-2-2> (in Russ.).
2. Kuznetsova, O. V., Babkin, R. A. 2021, Typology of Municipalities to Monitor Their Socio-Economic Development, *Federalism*, № 4, p. 35—53, <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2021-4-35-53> (in Russ.).
3. Kuznetsova, O. V. 2022, Location of the largest pharmaceutical companies in Russia: contribution to regional divergence or convergence?, *Regional Research of Russia*, vol. 12, № 2, p. 124—132, <https://doi.org/10.15372/REG20220202>
4. Fedorov, G. M. (ed.). 2021, *Challenges and prospects for the development of the Kaliningrad region: geopolitics and geoeconomics*, Kaliningrad : IKBFU. EDN: DUBKAW(in Russ.).
5. Kosmacheva, N. M. (ed.). 2018, *Issues of managing socio-economic development of the Leningrad region*, St. Petersburg : Pushkin Leningrad State University. EDN: YNTFGP
6. Bugaev, M. A. 2015, Labor commuting in the labor market of Saint-Petersburg and Leningrad region, *St. Petersburg University Journal of Economic Studies*, № 4, p. 86—116. EDN: VJIOJD (in Russ.).
7. Degusarova, V. S., Martynov, V. L., Sazonova, I. E. 2018, Geodemography of the Saint Petersburg suburbs, *Baltic region*, vol. 10, № 3, p. 19—40, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-3-2>
8. Zhitin, D. V. 2021, Social differentiation in the suburban area Saint Petersburg, In: Druzhinin, A. G., Sidorov, V. P. (eds.), *The present and future of Russia in a changing world: sociogeographical analysis and forecast*, Izhevsk : Publishing Center «Udmurt University», p. 440—449. EDN: EHLLHK (in Russ.).
9. Zhitin, D. V. 2022, Features of the development of territories of various functional types within the St. Petersburg urban agglomeration, In: Dirin, D. A., Druzhinin, A. G. (eds.), *Trends in the spatial development of modern Russia and priorities of its regulation*, Proceedings of the international scientific conference, p. 546—552. EDN: DQGNKO (in Russ.).
10. Olifir, D. I. 2023, Spatial Differentiation of Socio-Economic Development of the St. Petersburg Agglomeration, *Studies on Russian Economic Development*, № 1, p. 65—77, <https://doi.org/10.47711/0868-6351-196-65-77> (in Russ.).
11. Ovsipyan, M. V. 2018, Saint Petersburg agglomeration: problems of development, *Problems of Territory's Development*, № 4 (96), p. 72—86, <https://doi.org/10.15838/ptd.2018.4.96.5>
12. Kuznetsov, S. V., Losin, L. A. (ed.). 2022, *St. Petersburg agglomeration: stages of formation and development prospects*, St. Petersburg: GUAP. EDN: UJKKCI (in Russ.).
13. Druzhinin, A. G., Lachininskii, S. S., Shendrik, A. V. 2018, The economic and residential dynamics of settlements of the Leningrad region: influence of factors of a cross-border clustering, *Proceedings of the Russian Geographical Society*, vol. 150, № 3, p. 12—27. EDN: XNGLXV (in Russ.).
14. Kuznetsov, S. V., Lachininskii, S. S., Shendrik, A. V. 2017, The economic dynamics of urban settlements in the Leningrad region in 2011—2016 years, *Economics of the North-West: problems and prospects of development*, № 3-4, p. 76—85. EDN: XQZHOX (in Russ.).
15. Anokhin, A. A., Shelest, K. D., Tikhonova, M. A. 2019, Trends in population change and the sustainable socio-economic development of cities in North-West Russia, *Baltic region*, vol. 11, № 4, p. 36—57, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-4-3>
16. Gumenyuk, I. S., Yustratova, V. O. 2021, Transformation of the settlement system in the Kaliningrad region, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Natural and Medical Sciences*, № 3, p. 31—41. EDN: JPDFQE (in Russ.).

17. Kuznetsova, T. Yu. 2016, Geo-demographic typology of municipalities of the Kaliningrad region, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Natural and Medical Sciences*, № 1, p. 15—27. EDN: VXCYIB (in Russ.).
18. Kuznetsova, T. Yu., Sibireva, N. I. 2020, Economic and demographic distinctions between municipal districts of the Kaliningrad region, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and Social sciences*, № 1, p. 43—55. EDN: EKZTFG (in Russ.).
19. Mezhevich, N. M., Olifir, D. I. 2023, Comparative analysis of the territorial support frame of settlement in coastal areas: the case of St. Petersburg and Kaliningrad regions, *Baltic region*, vol. 15, № 2, p. 23—40, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-2-2>
20. Starkova, N. V. 2007, The features of demographic development in the Leningrad region districts, *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*, № 7, p. 87—97. EDN: RTTJSR (in Russ.).
21. Fedorov, G. M. (ed.). 2022, *Kaliningradskoe selo v nachale XXI veka: proizvodstvo, rasselenie, social'nye innovacii* [Kaliningrad village at the beginning of the XXI century: production, resettlement, social innovations], Kaliningrad : IKBFU Publishing house, 2022. 215 p. EDN: XZXPWR (in Russ.).
22. Morachevskaya, K. A., Lyzhina, E. A. 2021, Territorial and sectoral structure of agriculture and food production in the Leningrad region in the 2010s, *Proceedings of the Russian Geographical Society*, vol. 153, № 2, p. 30—45, <https://doi.org/10.31857/S0869607121020051> (in Russ.).
23. Kropinova, E. G., Mitrofanova, A. V. 2022, Updated approaches to zoning and division into tourist districts for the purposes of spatial planning and design of tourist activities, *Geographical Bulletin*, № 4, p. 135—148, <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2022-4-135-148> (in Russ.).
24. Druzhinin, A. G., Lachininskii, S. S. 2015, “Primorsky factor” in the socio-economic development of the territory (based on materials from the Kingisepp municipal district of the Leningrad region), *Jantarnyj most. Zhurnal regional'nyh issledovanij*, № 3, p. 22—45. EDN: UTEGLJ (in Russ.).
25. Druzhinin, A., Lialina, A. 2020, The Russian coastal municipalities: conceptualization, identification, classification, *Geopolitics and Ecogeodynamics of regions*, vol. 6, № 2, p. 20—35. EDN: LPVNCG (in Russ.).
26. Druzhinin, A. G. (ed.). 2018, *Coastal zones of Russia in the Baltic: Factors, features, prospects and strategies for cross-border clustering*, Moscow : INFRA-M. EDN: YASJUT (in Russ.).
27. Fedorov, G. M., Kuznetsova, T. Yu., Razumovskiy, V. M. 2017, The effect of the sea on the economic development and settlement structure in the Kaliningrad Region, *Proceedings of the Russian Geographical Society*, vol. 149, № 3, c. 15—31. EDN: YSLLEV (in Russ.).
28. Lachininskii, S. S., Shendrik, A. V., Vasilyeva, V. A. 2020, The shipbuilding industry in the Northwestern Federal District: factors and development priorities, features of localization, *Economics of the North-West: problems and prospects of development*, № 2—3, p. 134—140. EDN: BEPALZ (in Russ.).
29. Fedorov, G. M., Kinder, S., Kuznetsova, T. Yu. 2021, The effect of geographical position and employment fluctuations on rural settlement trends, *Baltic region*, vol. 13, № 4, p. 129—146, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-4-8>
30. Lialina, A. V. 2020, Intraregional disparity of the Kaliningrad region by living standards: trends and problems, In: Mikhailova, A. A. (ed.), *Baltic region — the region of cooperation. Regions in the era of global change: Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference*, p. 281—295. EDN: XINNCK (in Russ.).
31. Saburina, A. A. 2021, Socio-economic development of rural areas in the southeast of the Kaliningrad region, *Regional environmental issues*, № 6, p. 79—84, <https://doi.org/10.24412/1728-323X-2021-6-79-84>
32. Saburina, A. A. 2021, Specifics of the economic development of the southeast of the Kaliningrad region, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Natural and Medical Sciences*, № 4, p. 16—24. EDN: YYCHRV (in Russ.).
33. Sviridenko, M. V. 2015, Challenges of economic modernization of the Leningrad region municipalities with single industry economy, *Uchenye zapiski St. Petersburg University of Management Technologies and Economics*, № 4, p. 58—64. EDN: SVDWUG (in Russ.).

34. Mikhaylova, A. A. 2021, Digitalization factors of the municipal economies on the example of the Kaliningrad region, In: Druzhinin, A. G., Sidorov, V. P. (eds.), *The present and future of Russia in a changing world: sociogeographical analysis and forecast*, Izhevsk: Publishing Center «Udmurt University», p. 731 — 736. EDN: QEPIRQ (in Russ.).
35. Mikhaylova, A. A. 2021, Role of digital innovations in rural development, In: Katrovsky, A. P., Shuvalov, V. E., Aguirrechu, A. A. (eds.), *Socio-economic geography: history, theory, methods, practice*, Smolensk: Smolensk State University, p. 141 — 151. EDN: AADSLY (in Russ.).
36. Kuznetsova, O. V. 2023, New patterns of modern socio-economic development of Russian regions, *Regional Studies*, № 1, p. 19 — 30, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2023-1-2> (in Russ.).
37. Fedorov, G. M. 2022, The economy of Russian Baltic regions: development level and dynamics, structure and international trade partners, *Baltic region*, vol. 14, № 4, p. 20 — 38, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-2>
38. Andreeva, E. L., Ratner, A. V., Myslyakova, Yu. G., Glukhikh, P. L. 2018, The External Economic Factor in the Development of Northwestern Regions: Institutional Support and an impact Assessment, *Baltic region*, vol. 10, № 1, p. 19 — 36, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-1-2>
39. Dmitriev, M. E., Chistyakov, P. A., Romashina, A. A. 2020, Approbation of the methodology for estimating municipal gross value added, *Studies on Russian Economic Development*, vol. 31, № 1, p. 49 — 59, <https://doi.org/10.1134/S1075700720010050>
40. Gumenyuk, I. S. 2022, On the dynamics of economic activity and its impact on the budgetary stability of municipalities of the Kaliningrad region, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Natural and Medical Sciences*, № 1, p. 44 — 56. EDN: GEJDDR (in Russ.).
41. Lanskaya, T. M. 2017, Uneven development of administrative-territorial entities as a threat to the economic security of the Kaliningrad region, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and Social sciences*, № 3, p. 37 — 45. EDN: YLJERQ (in Russ.).
42. Suvorova, A. V. 2020, Spatial Organization Models of Socio-Economic Systems: Experience of Regional Development Strategies, *Economics and Management*, vol. 26, № 10, p. 1092 — 1101, <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-10-1092-1101> (in Russ.).

The author

Prof Olga V. Kuznetsova, Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: kouznetsova_olga@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4341-0934>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН»

Правила публикации статей в журнале

1. При подаче рукописи в журнал авторы подтверждают, что

- работа не была опубликована ранее в другом журнале;
- не находится на рассмотрении в другом журнале;
- все соавторы одобрили текст рукописи и согласны с ее публикацией в журнале «Балтийский регион».

Выявленные нарушения могут стать причиной снятия рукописи с рассмотрения. В случае если факт нарушения будет обнаружен после публикации статьи, редакция оставляет за собой право отзыва (ретракции) публикации.

2. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы.

3. Все присланные в редакцию работы проходят двойное «слепое» рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

4. Плата за публикацию рукописей не взимается.

5. Статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн: <https://balticregioneditorial.kantiana.ru/jour/index>.

6. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

Рекомендованный объем статьи — 40—50 тыс. знаков с пробелами.

Статья должна содержать следующие элементы:

1) название статьи на русском и английском языках (до 12 слов);

2) аннотацию на русском и английском языках (150—250 слов), оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую:

- актуальность исследования;
- цель научного исследования;
- описание методологии исследования;
- основные результаты, выводы исследовательской работы.

В аннотации не должен повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также ее название. В ней не должно быть цифр, таблиц, внутритекстовых сносок и т. д.;

3) ключевые слова на русском и английском языках (4—8 слов);

4) список литературы должен составлять не менее 30 источников, не менее 50 % которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации в международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10 % от списка использованных источников.;

5) приставейные библиографические списки оформляются на языке оригинала и на латинице в соответствии с Harvard System of Referencing Guide;

6) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), почтовый адрес, e-mail, ORCID);

7) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены в электронной форме в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате doc и docx (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте <https://balticregion.kantiana.ru/jour/rules/>

BALTIC REGION

2023
Volume 15
N° 4

Kaliningrad :
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2023.
168 p.

The journal
was established in 2009

Frequency:

quarterly
in the Russian and English
languages per year

Founders

Immanuel Kant Baltic
Federal University

Saint Petersburg
State University

Editorial Office

Address:
14 A. Nevskogo St.,
Kaliningrad, Russia, 236041

Managing editor:

Tatyana Kuznetsova
tikuznetsova@kantiana.ru

Tel.: +7 4012 59-55-43
Fax: +7 4012 46-63-13

www.journals.kantiana.ru

© I. Kant Baltic Federal
University, 2023

Editorial council

Prof **Andrei P. Klemeshev**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Editor in Chief); Prof **Gennady M. Fedorov**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Deputy Chief Editor); Dr **Tatyana Yu. Kuznetsova**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Deputy Chief Editor); Prof Dr **Joachim von Braun**, University of Bonn, Germany; Prof **Irina M. Busygina**, Saint Petersburg Branch of the Higher School of Economic Research University, Russia; Prof **Aleksander G. Druzhinin**, Southern Federal University, Russia; Prof **Mikhail V. Ilyin**, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Dr **Pertti Joenniemi**, University of Eastern Finland, Finland; Dr **Nikolai V. Kaledin**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof **Konstantin K. Khudolei**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof **Frederic Lebaron**, Ecole normale superieure Paris-Saclay, France; Prof **Vladimir A. Kolosov**, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Russia; Prof **Gennady V. Kretinin**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Prof **Andrei Yu. Melville**, National Research University — Higher School of Economics, Russia; Prof **Nikolai M. Mezhevich**, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Russia; Prof **Peter Oppenheimer**, Oxford University, United Kingdom; Prof **Tadeusz Palmowski**, University of Gdansk, Poland; Prof **Andrei E. Shastitko**, Moscow State University, Russia; Prof **Aleksander A. Sergunin**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof **Eduardas Spiriajevas**, Klaipeda University, Lithuania; Prof **Daniela Szymańska**, Nicolaus Copernicus University in Torun, Poland; Dr **Viktor V. Voronov**, Daugavpils University, Latvia.

CONTENTS

From the editor 4

Russian Baltic Sea regions in the new geopolitical reality

Druzhinin, A. G. The geopolitical effect of the maritime factor on the spatial development of post-soviet Russia: the Baltic case 6

Zverev, Yu. M. Three Russian Baltic regions in the context of confrontation between Russia and the West 24

Smirnov, P. Ye. The Accession of Finland and Sweden to NATO: Geopolitical Implications for Russia's Position in the Baltic Sea region 42

The economy of the russian Baltic Sea regions: adaptation and modernisation

Kuvalin, D. B., Shcherbanin, Yu. A. The adaptation of Russian regions' economies to the rupture of relations with Europe: the case of Baltic Sea ports 62

Mikhaylov, A. S., Maksimenko, D. D., Maksimenko, M. R., Filatov, M. M. Knowledge and innovation dynamics of the Northwest Russia under geopolitical changesn 79

Russian exclave on the Baltic Sea

Kolosov, V. A., Sebentsov, A. B. The border as a barrier and an incentive for the structural economic transformation of the Kaliningrad exclave 104

Gumenyuk, L. G. Priorities for the development of manufacturing industries in the Kaliningrad region 124

Municipalities of the Russian Baltic Sea region

Kuznetsova, O. V. The modern economy of Russia's Baltic regions in the municipal contexta 142

Научное издание

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

—
2023

Том 15

№ 4

Редактор *Е. Т. Иванова*
Компьютерная верстка *Е. В. Денисенко*

Подписано в печать 06.12.2023 г.
Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 14,8
Тираж 300 экз. (1-й завод 50 экз.). Заказ 134
Свободная цена

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, г. Калининград, ул. Невского, 14